

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE
STUDIES AND TEXTS

volume 16

М. А. КУЗМИН

ПРОЗА

ТОМ III

Berkeley, 1984

MODERN RUSSIAN LITERATURE AND CULTURE
STUDIES AND TEXTS

volume 16

edited by

Lazar Fleishman *Jerusalem*
Joan Delaney Grossman *Berkeley*
Robert P. Hughes *Berkeley*
Simon Karlinsky *Berkeley*
John E. Malmstad *New York*
Olga Raevsky-Hughes *Berkeley*

Berkeley, 1984

М. А. КУЗМИН

ПРОЗА

III

ТРЕТЬЯ КНИГА РАССКАЗОВ

РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ

ВЛАДИМИРА МАРКОВА

BERKELEY SLAVIC SPECIALTIES

Berkeley, 1984

Редактор благодарит проф. Фридриха Шольца (Мюнстер) за очень ценную помощь в подготовке примечаний.

«Примечания» © 1984 Vladimir Markov.

PRINTED IN U.S.A.

ISBN 0-933884-43-5

**М. КУЗМИНЪ
ТРЕТЬЯ КНИГА
РАЗСКАЗОВЪ**

**ПУТЕШЕСТВИЕ СЕРА ДЖОНА
ФИРФАКСА
РАЗСКАЗЪ О КСАНЪ, ПОВАРЪ ЦАРЯ
АЛЕКСАНДРА, И ЖЕНЪ ЕГО
КАЛЪ
«ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО»
НЕЧАЯННЫЙ ПРОВАНТЪ
ОПАСНЫЙ СТРАЖЪ
ВАНИНА РОДИНКА
МЕЧТАТЕЛИ**

**К-ВО «СКОРПИОНЪ»
МОСКВА МСМХІІІ**

МОСКВА—1913
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
Леоптьевский пер., д. № 5.

ПУТЕШЕСТВИЕ СЕРА
ДЖОНА ФИРФАКСА
ПО ТУРЦИИ И ДРУГИМЪ ПРИМѢЧА-
ТЕЛЬНЫМЪ СТРАНАМЪ

Сергѣю Ауслендеру

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Мои родители были не богаты, хотя и принадлежали къ роду Фирфаксовъ; я совсѣмъ не помню отца и матери, потерявъ ихъ еще въ дѣтствѣ, а воспитывался у дяди съ материнской стороны, стараго холостяка Эдуарда Фай; онъ былъ судьей въ Портсмутѣ, имѣлъ небольшой домъ, изрядную библіотеку и единственную служанку: экономку, домоправительницу, кастеляншу, кухарку, судомойку и мою няньку, — кривую Магдалину. Изъ оконъ второго этажа былъ виденъ портъ и суда, а во дворѣ былъ небольшой огородъ и нѣсколько рядовъ розъ. Дядя велъ тихую и экономную жизнь, которая мнѣ не казалась бѣдностью, но потомъ я сообразилъ, что мы могли бы жить и иначе, не будь мистеръ Фай грязнымъ скрягой.

Я былъ шаловливъ и непослушенъ, всегда воевалъ съ уличными мальчишками, возвра-

шался домой съ продранными рукавами на курткѣ, — и мистеръ Эдуардъ съ Магдалиной взапуски меня бранили и не сѣкли только потому, что все таки я былъ серъ Джонъ Фирфаксъ.

Въ школѣ я подружился съ Эдмондомъ Пэдждъ, сыномъ сосѣдняго аптекаря. Трудно было предположить, какой отчаянный сорви-голова скрывался за блѣднымъ лицомъ Эдмонда, лицомъ „дѣвченки“, какъ дразнили его товарищи. Правда, буйная рѣзвость находила на него только временами, и тогда онъ былъ готовъ на самыя сумасбродныя затѣи, на любую ножовую расправу, обычно же онъ былъ тихъ, послушенъ, скромнень, помогалъ отцу развѣшивать лекарства, ходилъ каждое воскресенье въ церковь и выслушивалъ до конца проповѣди, опустивъ свои длинныя рѣсницы. Говорилъ глухо и съ трудомъ, будто чахоточный. Никто бы не узналъ этого недотрогу, когда онъ засѣдалъ въ портовыхъ кабачкахъ, куря трубку, затѣвая ссоры съ иностранными матросами, играя въ карты и ругаясь, какъ солдатъ, или когда онъ на лодчонкѣ выходилъ въ открытое морѣ на всю ночь ловить рыбу или просто воображать себя вольнымъ мореходцемъ.

Море привлекало насъ обоихъ и часто, лежа на камняхъ за городомъ, мы строили планы, какъ бы собрать удалую ватагу отпра-виться по широкой дорогѣ въ Новый Свѣтъ или Австралію, смотрѣть чужіе края, обни-мать веселыхъ дѣвушекъ въ шумныхъ пор-тахъ, разодѣться въ бархатъ, бросать деньги, орать за элсмъ свободныя пѣсни, сражаться, грабить, никого не слушаться, ничго не жалѣть,—словомъ, дѣлать все то, что намъ запрещали домашніе. Я былъ не похожъ на Эдмонда: я всегда былъ равно веселъ, ни-когда не прочь поцѣловать краснощекую дѣвку, перекинуться въ карты, сверкнуть ножомъ, но до неистоваго буйства своего друга не доходилъ; зато онъ быстро ути-халъ, я же все продолжалъ бурлить и вер-тѣться, будто разъ пущенный волчокъ.

Но напрасно приняли бы насъ за низ-кихъ гулякъ изъ разночинцевъ; и я, и мой дядя ни минуты не забывали, что я --- серъ Фирфаксъ, и когда мнѣ минуло 15 лѣтъ, мистеръ Фай призвалъ портного и, хотя торговался за каждый грошъ, заказалъ для меня модное платье, сталъ давать кармап-ныя деньги и началъ самъ учить меня играть на лютнѣ и пѣть, вытащивъ старыя ноты Дуланда. Я читалъ *Виргилія* и *Сенеку* и

порядочно ѣздилъ верхомъ. Дядя бралъ меня въ помѣстье нашей родственницы, гдѣ гостили лондонскія барышни, и тамъ послѣ обѣда я впервые игралъ и пѣлъ въ обществѣ свои, нѣсколько старомодныя пѣсни, въ отвѣтъ на что одна изъ пріѣзжихъ дѣвицъ дала мнѣ розу, сама же заиграла сонату Пёрсея. И когда мы съ Эдмондомъ показывались теперь въ кабачкахъ, намъ кланялись особенно почтительно, думая, что карманы моего новаго сиреневаго камзола полны золота и не зная, что этотъ камзолъ у меня единственный.

Вскорѣ моя судьба переиѣнилась въ тѣсной зависимости отъ судьбы Эдмонда. Однажды, послѣ особенно продолжительнаго кутежа, гдѣ моего друга ранилъ въ руку заѣзжій испанецъ, аптекарь рѣшилъ женить своего сына, и очень спѣшилъ съ этимъ, чтобы поспѣть кончить дѣло въ періодъ покорности Эдмонда. Я выходилъ изъ себя тѣмъ болѣе, что найденною невѣстой была нѣкая Кэтти Гумбертъ, французская еврейка, не обѣщавшая быть ни любящей женою, ни хорошей хозяйкой. Но всѣ мои доводы разбивались о вялую послушность Эдмонда. Аптекарь, догадываясь о моихъ проискахъ, старался не допускать меня до своего сына,

и даже свадьбу справили за городомъ, украдкой. Съ тѣхъ поръ я не видался съ Эдмондомъ Пэдждъ.

Я недѣлю прогулялъ въ порту, а вернувшись въ разорванномъ сиреневомъ камзолѣ, засѣлъ дома, не отвѣчая на разспросы мистера Фая. Наконецъ, я объявилъ, что хочу предпринять путешестіе; дядя пробовалъ меня отговаривать и, наконецъ, сказалъ, что денсі ь мнѣ не дастъ, на что я спокойно замѣтилъ, что деньги эти—не его, а моей матери, что я — взрослый человѣкъ, что, конечно, онъ волснъ поступать, какъ ему угодно, но пусть онъ рѣшитъ самъ, насколько это будетъ добросовѣстно. Повидимому, мое спокойствіе больше подѣйствовало на судью, чѣмъ если бы я сталъ грубить и говорить дерзости, такъ какъ вечеромъ за ужиномъ, онъ началъ примирительно:

— Ты былъ правъ, Джонъ; конечно, я поступилъ бы благоразумно, но не совсѣмъ добросовѣстно, не давая тебѣ денсгъ твоей матери. Ты взрослый юноша и можешь сообразить самъ, умно ли это, такъ отпрапляться въ неизвѣстный путь? Не лучше ли бы тебѣ посѣщать университетъ и готовить себя къ какому нибудь мирному занятію, чѣмъ терять лучшіе годы въ попойкахъ и

рискованныхъ затѣяхъ? Тебѣ 19 лѣтъ; въ твоёмъ возрастѣ я уже давно переписывалъ бумаги у своего патрона. Кто тебя гонитъ? Я понимаю, что тебѣ скучно, но займись наукой—и скука пройдетъ.

— Я бы хотѣлъ побывать въ Италиі; вы знаете, ничто такъ не образуетъ человѣка, какъ знакомство съ чужими краями.

— Къ тому же сестринныхъ денегъ очень немного, а потомъ уже я тебѣ не дамъ.

Хотя я зналъ, что дядя меня обманываетъ, что у покойной матушки былъ достаточный капиталъ съѣздить хотя бы въ Китай и лѣтъ 20 жить безбѣдно, но я былъ такъ обрадованъ согласіемъ мистера Фая, что поблагодарилъ его и за это. Вздыхая, дядя далъ мнѣ часть денегъ, и я сталъ готовиться къ отъѣзду.

Корабль отходилъ только черезъ 10 дней и все это время я не зналъ, какъ прожить скорѣе. Наконецъ, наступилъ вторникъ 3-го марта 1689 года.

Одѣвшись уже, я взбѣжалъ по крутой лѣстницѣ въ свою комнату, обвелъ глазами стѣны, голландскіе тюльпаны на окнѣ, шкафъ, столъ, гдѣ лежалъ раскрытый Сенека, постель съ пологомъ, полки, висѣвшее платье,—заперъ ее на ключъ, простился наскоро съ

дядей, вышелъ на улицу, гдѣ стояла утирая глаза передникомъ, съ суповой ложкой въ рукахъ, старая Магдалина и скакалъ лая Неронъ, махнулъ шляпой и пошелъ къ гавани въ сопровожденіи матроса, несшаго мой багажъ. Вѣтеръ раздувалъ плащъ, и я все сердился на собаку, которая, скача и визжа, путалась подъ ногами, и на матроса, который плелся въ отдаленіи. Наконецъ, я взошелъ на бортъ „Безстрашнаго“ и перекрестился, отеревъ потъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Такъ какъ „Безстрашный“ былъ судномъ англійскимъ, то я мало чувствовалъ себя лишеннымъ родины; притомъ радость настоящаго плаванія, всѣ подробности морского дѣла, тихая, несмотря на мартъ, погода, не давали мѣста грустнымъ мыслямъ, свойственнымъ первымъ часамъ отплытія. Я даже мало выходилъ на берегъ при остановкахъ и мало знакомился съ пассажирами, все время проводя съ командой и съ увлеченіемъ участвуя въ ея работахъ. Наконецъ мы вошли въ длинное устье Гаронны, чтобы высадиться въ Бордо. Мнѣ отсовѣтовали огибать Испанію, такъ какъ это замедлило бы мое прибытіе въ Италію, куда я считалъ

ся направляющимъ путь. И потомъ, мнѣ хотѣлось видѣть ближе хоть часть прескрасной Франціи. Такимъ образомъ я рѣшилъ прослѣдовать изъ Бордо въ Марсель сухимъ путемъ черезъ Севенны. Бордо уступаетъ Портсмуту въ томъ отношеніи, что лежитъ, собственно говоря, на устьѣ, а не на морѣ; и мнѣ показалось даже, что пріѣзжихъ здѣсь, какъ будто, меньше и толпа менѣе разноплеменна. Можетъ быть, это была не болѣе, какъ случайность. Что меня особенно удивило, такъ это — обиліе публичныхъ домовъ. Конечно, изъ этого нельзя ничего заключить о распутствѣ французовъ, такъ какъ эти заведенія рассчитаны главнымъ образомъ на пріѣзжихъ.

Я въ первый разъ видѣлъ французовъ, какъ они у себя дома и толпой, и могу сказать, насколько я замѣтилъ, что они — расчетливы, скупы, вѣроломны, бсѣтолковы, неспосѣдливы и невыносимо шумливы. Молва о вольности въ обращеніи ихъ женщинъ очень преувеличена, такъ какъ, если не считать веселыхъ дѣвицъ, то дѣвушки держатся строго и не позволяютъ себѣ ничего лишняго; у насъ я безъ обиды могъ бы поцѣловать любую изъ честныхъ и благородныхъ барышень, межъ тѣмъ какъ здѣсь это

почлось бы оскорбленіемъ. Впослѣдствіи я узналъ, что это не болѣе, какъ разница въ манерахъ, люди же вездѣ одинаковы, но сначала это меня удивляло, совершенно опровергая заранѣе составленное мнѣніе.

Изъ Бордо я и нѣсколько французовъ отправились верхами вдоль Гаронны, берега которой зеленѣли весенними деревьями; холмы были покрыты виноградниками, которые я видѣлъ впервые. Мы безъ особыхъ приключеній стали подыматься въ горы, какъ вдругъ одинъ изъ передовыхъ вскричалъ: „вогъ Монтобанъ“. Я вздрогнулъ при этомъ имени и тотчасъ устыдился своего волненія, такъ какъ не могъ же морской разбойникъ, наводившій трепетъ на Испанію и Америку, находится въ глухихъ Севеннахъ. Оказалось, что то же имя, какъ славный пиратъ, носилъ и горный городокъ, виднѣвшійся впереди насъ.

Осматривая старинный соборъ въ Роденѣ, я замѣтилъ быстро вошедшихъ туда же кавалера и даму. Повидимому, они не были приѣзжими, такъ какъ не обращали вниманія на древнія изображенія святыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пришли и не для молитвы, потому что, едва поклонившись передъ алтаремъ, гдѣ хранились Св. Дары, отошли къ колон-

нѣ и оживленно заговорили, поглядывая въ мою сторону. Я же продолжалъ спокойно свой осмотръ, краемъ уха прислушиваясь къ говору, какъ показалось мнѣ, марсельскому. Когда я проходилъ мимо, они сразу умолкли, и дама улыбнулась. Она была очень маленькаго роста, нѣсколько полна, черноволоса, съ веселымъ и упрямымъ лицомъ. Впрочемъ, въ соборѣ былъ полумракъ, и я не могъ разсмотрѣть хорошо марсельской красавицы. Не доходя еще до выхода, я былъ остановленъ окликомъ: „не вы ли, сударь, обронили перчатку?“—Перчатка была, дѣйствительно, моею, и я поблагодарилъ незнакомца. Мнѣ запомнились только закрученные большіе усы и блестящіе темные глаза. Въжливо раскланявшись, мы разстались.

Рано утромъ я былъ разбуженъ громкимъ разговоромъ, доносившимся со двора. Двое рабочихъ запрягали небольшую карету, ругаясь; господинъ, наклонившись, наблюдалъ за ихъ работой, а вчерашняя дама, уже въ дорожномъ платьѣ, стояла на высокомъ крыльцѣ, изрѣдка вставляя звонкія замѣчанія. Я распахнулъ окно и, поймавъ взглядъ незнакомки, поклонился ей; она привѣтливо закивала головою, будто старинному другу.

— Надѣюсь, это не вы уѣзжаете, сударыня?—осмѣлился я крикнуть.

— Именно мы, — весело отвѣчала она и улыбулась.

Господинъ поднялъ голову на наши голоса и снялъ шляпу, увидѣвъ меня въ окнѣ.

— Конечно, вы спѣшите по важнымъ дѣламъ?—спросилъ я его.

— Да, дѣла — всегда дѣла, вы знаете, — отвѣчалъ онъ серьезно.

Между тѣмъ карета была не только запряжена, но уже и чемоданы взвалены на верхъ и привязаны. Дама мелькнула въ экипажъ, крикнувъ мнѣ: „счастливой любви!“, и господинъ вошелъ за нею. Я только успѣлъ пожелать счастливаго пути, какъ карета, тяжело качнувшись при поворотѣ, выѣхала со двора и стала подыматься въ гору. Мнѣ долго былъ виденъ бѣлый платочекъ, которымъ махала маленькая ручка смуглой дамы. Уже давно исчезла за послѣднимъ поворотомъ карета, а я все стоялъ неодѣтымъ у открытаго окна. Изъ разспросовъ гостинника я узналъ, что путешественники направились также въ Марсель. Можно представить, какъ торопиль я своихъ

товарищей, какихъ-то бордосскихъ купцовъ, чтобы догнать первыхъ путниковъ. Такъ какъ мы отправлялись верхами, то надѣялись безъ труда успѣть въ своемъ намѣреніи. Солнце еще было не такъ высоко, когда мы выѣхали; дорога шла все въ гору; часамъ къ пяти мы услышали громкіе крики впереди насъ; мои спутники остановили лошадей, предполагая какую-нибудь драку, но крики очевидно принадлежали только одному, притомъ женскому, голосу, такъ что я убѣдилъ купцовъ приблизиться и, если нужно, помочь обижаемой и, можетъ быть, покинутой дамѣ.

Посреди дороги находилась карета безъ лошадей, разбросанные чемоданы указывали на только что бывший грабежъ, а изнутри экипажа раздавались вопли и всхлипыванія. Представлялось, что тамъ сидѣло не менѣе трехъ женщинъ. Но подойдя къ окошку, мы увидѣли только одну даму, которая, отнявши руки отъ заплаканнаго лица, оказалась моею незнакомкой изъ Родеса. Подкрѣпившись виномъ и слегка успокоившись, она рассказала, что на нихъ напали грабители, убили почтальона и ея кузена, похитили цѣнныя вещи, а ее оставили въ столь бѣдственномъ положеніи. Повѣсть свою она нѣсколько

разъ прерывала потокомъ слезъ, какъ только бросала взоръ на распоротые чемоданы. Звали ее Жакелиной Дюфуръ.

Я предлагалъ тотчасъ идти на поиски за разбойниками, но дѣвица сказала, что несчастье произошло уже часа два тому назадъ. На вопросъ же, куда дѣлись трупы, она отвѣчала, что сразу лишившись чувствъ, она не знаетъ, что убійцы сдѣлали съ тѣлами убитыхъ.

— Вѣроятно они сбросили ихъ въ оврагъ, — добавила она и снова залилась слезами.

Осмотрѣвъ окрестность и ничего не найдя, я порядкомъ удивился, но подумалъ, что мнѣ недостаточно извѣстны мѣстные нравы, и притомъ у разбойниковъ, какъ у всякаго человѣка, могутъ быть свои причуды. Подивившись продолжительности слезъ и горести покинутой дѣвицы, мы отказались отъ преслѣдованья грабителей. Подумавъ нѣкоторое время, мы рѣшили впречь двухъ лошадей въ карету, одному сѣсть за кучера, другому съ m-lle Жакелиной, предоставляя только третьему оставаться всадникомъ, причемъ мѣстами мы чередовались. Когда мы останавливались на ночь въ попутныхъ деревняхъ, наша дама вела себя болѣе чѣмъ скромно и запиралась на ключъ,

что меня нѣсколько смущало, доказывая какой-то недостатокъ довѣрія къ нашей воздержанности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

КАКЪ извѣстно, изъ Лодева дорога идетъ круто внизъ. Миновавъ Клермонъ, Монпелье и Арль, мы прибыли въ Марсель. Тутъ мы разстались съ нашей Жакелиной и разошлись по своимъ гостинницамъ. Въ тотъ же день ко мнѣ явился молодой человекъ, отрекомендовавшійся Жакомъ Дюфуръ. Лицо его показалось мнѣ что-то знакомымъ, только усы были будто поменьше. Онъ меня горячо благодарилъ за помощь, оказанную въ несчастіи его сестрѣ, и просилъ. зайти къ нимъ въ домъ, чтобы сами счастливые родители могли мнѣ выразить свою признательность лично. Онъ досидѣлъ у меня до сумерекъ, когда мы вмѣстѣ отправились въ старый облупившійся домъ на полугорѣ вправо отъ порта. Я былъ въ дорожномъ платьѣ, не успѣвъ переодѣться и внявъ увѣреніямъ новаго знакомаго, что старики—люди простые и не обезудятъ.

Въ первомъ залѣ, уже съ зажженными свѣчами, сидѣло человекъ пять молодыхъ

людей, изъ нихъ двое военныхъ, игравшихъ въ карты; у окна сидѣлъ пожилой господинъ и тихонько напѣвалъ, подыгрывая на лютнѣ. Хозяинъ, не здороваясь, провелъ меня въ слѣдующую небольшую и пустую комнату. Извинившись, онъ оставилъ меня одного. Черезъ нѣсколько мгновений на порогѣ показалась m-lle Жакелина; приложивъ палецъ къ губамъ, она молча подошла ко мнѣ, поднялась на ципочки и, поцѣловавъ меня въ губы, такъ же безшумно прошла въ залъ, откуда доносились голоса играющихъ. Вскорѣ вышли родители и со слезами на глазахъ благодарили меня въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ за мое благородство, вспоминая съ сожалѣніемъ и горестью о погибшемъ племянникѣ. По правдѣ сказать, они мнѣ мало напоминали благородныхъ людей и болѣе походили на проходимцевъ, особенно папаша. Въ концѣ нашей бесѣды снова вошла Жакелина и скромно помѣстившись около старой дамы, поглядывала украдкой на меня, стыдливо и лукаво. Жакъ проводилъ меня до дому, горячо расцѣловался со мною на прощанье и пригласилъ къ обѣду на слѣдующій день, передавъ мнѣ тайкомъ записку отъ своей сестры.

Въ письмѣ говорилось, что она вторично

обращается за помощью къ моему великодушію и умоляетъ меня вмѣстѣ съ ея братомъ выискать для нея средство избѣгнуть ненавистнаго брака съ богатымъ старикомъ, господиномъ де Базанкуръ. Какъ подтвердилъ мнѣ точность этихъ сообщеній, и мы долго обдумывали, какъ бы устроить дѣло, такъ какъ, хотя я и не вполнѣ вѣрилъ всѣмъ словамъ Жакелины, но считалъ, что если даже часть грозящихъ ей бѣдъ дѣйствительна, то я не въ правѣ оставлять ее безъ защиты.

Мой новый другъ предложилъ мнѣ такой планъ: завести ссору за картами со старымъ ухаживателемъ, вызвать его на дуэль и убить, причемъ онъ нарисовалъ такой отвратительный портретъ г-на де Базанкуръ, что смерть его была бы благодѣяніемъ если не для всего міра, то для всего Марсея и, конечно, для прекрасной Жакелины. Такимъ образомъ мой отъѣздъ откладывался на нѣсколько дней. Я бывалъ каждый день у Дюфуровъ, m-me Жакелина вела себя крайне сдержанно, только изрѣдка вскидывая на меня просительные и обѣщающіе взоры. Однажды, оставшись со мною наединѣ, она порывисто схватила мою руку и прошептала: „Вы согласны, не правда-ли?“

— Будьте увѣрены, сударыня: я сдѣлаю все, что зависитъ отъ меня!

На слѣдующій вечеръ состоялось мое свиданье съ г-помъ де Базанкуръ. Я удивился, найдя въ предназначенной жертвѣ нашего умысла очень почтеннаго сѣденькаго старика въ яркомъ костюмѣ, съ неподкрашено розовымъ лицомъ, скромными, нѣсколько чопорными манерами отставного военнаго. Завести съ нимъ предумышленную ссору казалось нсмыслимымъ, но Жакъ такъ откровенно вошелъ въ роль (конечно, нарочно, для вызова), что де Базанкуръ, вставши, замѣтилъ: „я прекращаю, съ вашего позволенія, игру: мы имѣемъ слишкомъ неравные шансы“.

— Какъ вамъ угодно, сударь, но въ такомъ случаѣ вамъ придется поговорить съ моимъ другомъ о мѣстѣ и времени, — сказалъ Жакъ, толкая меня локтемъ. Памятуя наставленія Жакелины, я вступилъ въ завязавшуюся ссору, такъ что въ концѣ получилось, что дуэль у г-на де Базанкуръ состоится не съ Дюфуръ, а со мною. Семь часовъ слѣдующаго утра были назначеннымъ часомъ поединка. Вечеръ я провелъ у родителей Жака, горько сожалѣвшихъ о происшедшей неприятности. Такъ какъ исходъ

дѣла былъ неизвѣстенъ и въ случаѣ неблагопріятномъ для меня оставшіяся послѣ моей смерти деньги могли бы пропасть въ подозрительной гостиницѣ, я рѣшилъ отдать ихъ на сохраненіе старикамъ Дюфуръ. Послѣ долгаго колебанія они согласились исполнить мое желаніе со всяческими оговорками, и я изъ рукъ въ руки передалъ старой дамѣ кожаную сумку, нѣсколько отоцавшую за мой переѣздъ отъ Портсмута до Марсея. Жакелина, плача, поцѣловала меня при всѣхъ, будто оффиціального жениха.

Хотя противникъ оказался не изъ слабыхъ, но непритупленность моихъ молодыхъ глазъ и быстрота выпадовъ ускорили несомнѣнный исходъ сраженія. Я впервые убивалъ человѣка собственноручно, и не могу скрыть, что хотя это произошло на честномъ поединкѣ, на меня сильно подѣйствовало, когда г-нъ де Базанкуръ безъ стона повалился на траву, межъ тѣмъ, какъ кровь почти не сочилась изъ раны.

Убѣдившись въ его смерти, я съ Жакомъ помогли секунданту г на де Базанкуръ перенести тѣло въ карету, быстро помчавшуюся къ городу, и съ своей стороны также поспѣшили домой, какъ - то неловко

переговариваясь и избѣгая смотрѣть другъ на друга.

Жакъ зашелъ ко мнѣ и долго молчалъ, сѣвъ на плетеный стулъ у дверей. Наконецъ, онъ сказалъ: „что же мы будемъ дѣлать, Джонъ?“ — и сталъ развивать свою мысль, что намъ нужно бѣжать на время, хотя бы въ Геную, пока не затихнетъ исторія о смерти стараго Базанкуръ, когда мы можемъ вернуться въ Марсель и я, если хочу, возьму его сестру замужъ. Такъ какъ я самъ собирался попасть прежде всего въ Италію, то вполне согласился со словами Жака, выразивъ желаніе какъ можно скорѣе получить назадъ отданныя на храненіе деньги и сказать „прости“ будущей невѣстѣ. Но къ моему удивленію, моя нареченная теща высказала полное невѣдѣніе о судьбѣ порученной ей сумки и, наконецъ, наотрѣзъ отперлась отъ того, чтобы она когда-нибудь ее отъ меня получала. Такая явная наглость меня взбѣсила до такой степени, что я, назвавши старую даму мощенницей и вѣдьмой, вышелъ, хлопнувъ дверью. Жакъ меня отговаривалъ обращаться къ правосудію, доказывая, что лучше потерять вдвое большую сумму, чѣмъ подвергаться самому законной карѣ за убійство почтеннаго горо-

жанина, и выставляя на видъ, что у него самого достаточно денегъ, чтобы благополучно добраться до Генуи и выждать тамъ надлежащее время. Я разсудилъ, что — не мѣсто спорить и, наскоро собравъ свой багажъ, дождался вечера, когда вернувшійся Жакъ объявилъ, что на разсвѣтѣ отплываетъ небольшое купеческое судно какъ разъ въ Геную. Мы тотчасъ же отправились къ гавани, рѣшивъ не ложиться спать послѣдняго дня, столь наполненнаго впечатлѣніями. Я не могъ удержаться и осыпалъ родителей Жака самыми горькими упреками, съ чѣмъ разсѣянно соглашался шагавшій возлѣ меня товарищъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Попутный вѣтеръ обѣщаль намъ благополучное плаваніе, хотя судно и экипажъ не внушали особеннаго довѣрія. Мы ѣхали безъ изысканныхъ удобствъ, рѣшивъ экономить до поры до времени, и я имѣлъ случай оцѣнить мудрую предусмотрительность мистера Фая, воспитывавшаго меня не прихотливымъ и не изнѣженнымъ. Признаюсь, убійство г-на де Базанкуръ, очевидная пропажа моихъ денегъ, коварство Жакели-

ны и ея родителей,—все это не способствовало радостному настроенію, и только веселость неунывающего Жака, его шутки и улыбающееся не безъ лукавства лицо поддерживали во мнѣ начинавшую ослабѣвать бодрость. Онъ все время хлопоталъ, усаживалъ меня подъ тѣнь паруса на сторону, защищенную отъ вѣтра, — вообще оказывалъ трогательную заботливость, дѣлая десять дѣлъ заразъ, не переставая то переговариваться съ оборванными матросами, то напѣвать какія-то пѣсенки. Наконецъ, будто утомившись, онъ прилегъ на палубу близъ меня и, казалось, задремалъ, полузакрывъ голову широкой шляпой. Я смотрѣлъ на его большіе усы, красныя губы, вздернутый носъ, и думалъ: „давно ли я жилъ беззаботно въ Портсмутѣ, только мечтая о плаваніяхъ,— и вотъ я въ открытомъ морѣ, безъ денегъ, на подозрительномъ суднѣ, съ еще болѣе подозрительнымъ спутникомъ“; я вспомнилъ о Эдмондѣ Пэджъ и, недружелюбно взглянувъ на лежавшаго Жака, невольно вздохнулъ. Словно пробужденный моимъ взглядомъ (или, можетъ быть, моимъ вздохомъ), тотъ открылъ глаза со словами: „я не сплю“, сѣлъ, по восточному сложивъ ноги, и безъ особыхъ приглашеній съ моей стороны сталъ

разсказывать свою исторію, крайне мени удивившую. Оказывается, онъ вовсе не былъ ни братомъ Жакелины, ни сыномъ стариковъ Дюфуровъ, которые также никогда не были родителями Марсельской красавицы; это была просто столковавшаяся шайка ловкихъ мошенниковъ, промышлявшая чѣмъ Богъ послалъ; онъ не объяснилъ мнѣ, зачѣмъ дѣвица попала въ Родець, но клялся, что ея тогдашнимъ спутникомъ былъ именно онъ, Жакъ, очевидно, не убитый при нападеніи разбойниковъ, которое было сплошь вымышленнымъ. Г. де Базанкуръ имъ чѣмъ-то мѣшалъ, потому они рѣшили воспользоваться моею наивною влюбленностью, чтобы избавиться отъ непріятной личности; деньги преспокойно прикарманили, а хлопоты почтеннаго друга Жака о нашемъ скорѣйшемъ отплытіи объяснялись его собственными шуллерскими продѣлками, за которыя ему грозила неминуемая тюрьма.

Я почти онѣмѣлъ отъ гнѣва при этихъ признаніяхъ, сдѣланныхъ съ видомъ самымъ невиннымъ и беззаботнымъ. Положивъ руку на пистолетъ, я воскликнулъ: „убить тебя мало, мерзавца! Зачѣмъ ты мнѣ говоришь все это?“

— Чтобы вы имѣли ко мнѣ довѣріе.

Его наглость обезоруживала мою ярость.

— Станный путь, чтобы заслужить до-
вѣріе! Развѣ такимъ мошенникамъ вѣ-
рять?

— И мошенники могутъ чувствовать
дружбу. Посудите сами: никто меня за языкъ
не тянулъ говорить вамъ все то, что вы
только что слышали. Мы, марсельцы, народъ
вороватый, но откровенный и вѣрный. У
насъ есть своя честь, воровская честь, и,
клянусь кровью Христовой, вы мнѣ полю-
бились и рука, которую я вамъ протягиваю,
для васъ—хорошая рука, надежная.

— Пошелъ прочь! — сказалъ я, топнувъ
ногою и отворачиваясь. Жакъ отошелъ,
пожавъ плечами, но черезъ какіе нибудь
четверть часа снова обратился ко мнѣ:

— Я васъ не совсѣмъ понимаю: какая
вамъ прибыль отвергать мою дружбу; развѣ
у васъ въ Генуѣ—готовые товарищи?

— Нѣтъ, но всегда можно найти чест-
ныхъ молодыхъ людей; если же я окажусь
въ безвыходномъ положеніи, я дамъ знать
мистеру Фаю, который долженъ будетъ
меня выручить.

— Отлично, но пока вы еще не нашли
тѣхъ молодыхъ людей и не обратились къ
вашему дядѣ, не отказывайтесь отъ моего

предложенія; вы можете меня прогнать, когда вамъ будетъ угодно.

Такая настойчивость меня нѣсколько удивила, но, разсчитавъ, что, будучи безъ денегъ, я могу не бояться новыхъ мошенническихъ продѣлокъ, а въ крайнемъ случаѣ всегда смогу защититься оружіемъ,—я сказалъ, не улыбаясь: „ну хорошо, тамъ видно будетъ“.

Жакъ радостно пожалъ мою руку и готовъ былъ снова начать сердечныя признанія, какъ наше вниманіе было привлечено странными маневрами нашего судна, которое, круто повернувъ, быстро пошло вбокъ отъ надлежащаго направленія.

Подойдя къ борту, мы не увидѣли ничего особеннаго, кромѣ паруса, бѣлѣвшаго на горизонтѣ; вѣроятно, капитану съ рубки приближавшееся судно было видно болѣе отчетливо, такъ какъ онъ смотрѣлъ въ длинную подзорную трубу, не отрываясь отъ которой, отдавалъ приказанія не совсѣмъ ловкимъ матросамъ. Когда я спросилъ у Жака, что можетъ значить это отклоненіе отъ пути, онъ беззаботно замѣтилъ: „я не знаю: вѣроятно хозяинъ везетъ что-нибудь запрещенное и боится сторожевыхъ судовъ, или мы встрѣтились съ морскими разбойниками“.

Какъ бы тамъ ни было, но мы быстро удалялись совсѣмъ въ другую сторону, и на всѣ мои разспросы капитанъ только отвѣчалъ: „пріѣдемъ, пріѣдемъ“. Между тѣмъ наступила ночь и мы пошли на ночлегъ. Я почти примирился со своимъ спутникомъ и спокойно заснулъ бокъ о бокъ съ Жакомъ, не думая уже о покинутомъ Портсмутѣ, ни о Жакелинѣ, ни о странномъ пути нашего корабля.

Я проснулся отъ сильнаго толчка, какого то стука и поминутно вспыхивавшаго красного огня. Мнѣ казалось это продолженіемъ только что видѣннаго сна, тѣмъ болѣе, что раздававшіеся крики не принадлежали ни англійскому, ни французскому, ни итальянскому языку. Какъ не спалъ и, прошептавъ мнѣ: „нападеніе“, сталъ шарить на полу упавшій пистолетъ. Хлопаніе мушкетовъ, лязгъ сабель, гортанный говоръ испріятелей, ихъ смуглыя, звѣрскія лица, капитанъ, лежавшій съ разрубленной головою, раскинувъ руки,—все это не оставляло ни капли сомнѣнія, что мы подверглись нападенію разбойниковъ. Быстро выстрѣливъ и уложивъ на мѣстѣ высокаго косога оборванца, я поднялъ валяющуюся саблю и бросился на враговъ, смутившихся появленіемъ новыхъ про-

тивниковъ. Но черезъ минуту, раненый въ плечо, я упалъ, видя смутно, какъ вязали руки назадъ уже сдавшемуся Жаку.

Насъ быстро бросили въ трюмъ, хотя стрѣльба наверху еще продолжалась; черезъ нѣкоторое время на насъ спустили еще двухъ плѣнниковъ безъ всякой осторожности, такъ что, не отползи мы въ сторону, новые пришельцы проломилъ бы намъ головы каблуками.

Нечего было и думать о снѣ. Когда люкъ, отворившись снова, впустилъ къ намъ на этотъ разъ уже не связаннаго, а идущаго свободными ногами разбойника, мы увидѣли ясное небо, изъ чего заключили, что настало утро. Левантинецъ говорилъ на ломанномъ итальянскомъ языкѣ; отъ того ли, что языкъ былъ ломаннымъ, отъ необычности ли нашего положенія, но я отлично понималъ все, что сказалъ этотъ человекъ. Онъ убѣждалъ не бунтовать, не дѣлать попытокъ къ бѣгству и покориться своей участи, упомянувъ при этомъ, что уходъ за нами будетъ хорошей, а въ случаѣ сопротивленія насъ тотчасъ бросятъ за бортъ съ камнемъ на шеѣ. Уходъ за нами былъ дѣйствительно хорошей, о побѣгѣ же нельзя было и думать, такъ какъ судно было очень крѣп-

кимъ, на ноги же намъ набили деревянные колодки.

Насъ было восемь человѣкъ: я съ Жакомъ и шесть человѣкъ изъ бывшей команды, такъ какъ пассажировъ на погибшемъ кораблѣ, кромѣ насъ двоихъ, не было. По два раза въ день мы видѣли то голубое, то розовое отъ заката небо съ первою звѣздою, когда люкъ открывался, чтобы пропустить человѣка съ пищею и питьемъ. Чтобы не думать о нашей судьбѣ, мы между пищею занимали другъ друга разсказами, на половину вымышленными,—и, Боже мой, что это были за исторіи! самъ Апулей или Чосеръ позавидовали бы ихъ выдумкѣ.

Наконецъ, мы остановились и насъ вывели на палубу. Отъ долгаго пребыванія въ полумракѣ, мои глаза отвыкли выносить яркій солнечный свѣтъ, а ноги еле передвигались, отягченныя колодками,—и я почти лишился чувствъ, бѣглымъ, но зоркимъ взглядомъ замѣтивъ голубое море, чаекъ, носившихся съ крикомъ, темныхъ людей въ пестрыхъ нарядахъ, розовые дома, расположенные по полукруглому склону, и высокіе холмы, по дымавшіеся кругло, какъ нѣжныя груди, къ неяркому, будто полинявшему небу. Это была Смирна.

Насъ не выводили на базаръ, но сами покупатели подѣзжали въ длинныхъ, узкихъ и легкихъ лодкахъ къ нашему судну, такъ какъ мы стояли въ извѣстномъ отдаленіи. Меня рекомендовали какъ искуснаго садовника, а Жака, какъ опытнаго повара,— такъ было условлено раньше. Дня черезъ три насъ купилъ какой-то толстый турокъ обоихъ заразъ, чему я былъ искренно радъ, такъ какъ уже привыкъ къ товарищу моихъ злоключеній.

И вотъ мы—въ восточномъ платьѣ, рабы, помыкаеть нами даже не самъ хозяинъ, а противный безбородый эконокъ съ пискливымъ голосомъ, я копаю гряды и подрѣзаю розовые кусты, Жакъ жарить рыбу на кухнѣ, видимся только въ обѣдъ, да ночью, дни стоятъ жаркіе, ночи душныя—того ли я ждалъ, отплывая отъ родной гавани, то ли себѣ готовилъ?

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Домъ нашего хозяина Сеида находился почти за городомъ, такъ что садъ, расположенный по легкимъ склонамъ, отдѣляла отъ моря только широкая береговая дорога. Этотъ садъ былъ вовсе не похожъ на на-

ши парки, я бы назвалъ его скорѣе цвѣтникомъ или ягоднымъ огородомъ: между правильно проложенными дорожками росли лишь цвѣточные кусты и низкія, рѣдко посаженные деревца, тогда какъ высокія и тѣнистыя деревья были отнесены всѣ въ одинъ уголь, образуя небольшую, но темную рощу; правильно же проведенныя канавы были выложены цвѣтными камушками, и чистая вода съ пріятнымъ журчаніемъ сбѣгала внизъ, гдѣ у самой стѣны былъ вырытъ квадратный прудъ, облицованный краснымъ камнемъ. Тамъ купались женщины, избѣгая выходить къ морю. Кромѣ нарциссовъ, гіацинтовъ, тюльпановъ и лилій, въ саду было множество розъ, всевозможныхъ сортовъ и оттѣнковъ, отъ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, до черныхъ, какъ запекшаяся кровь; я не видалъ нигдѣ такого изобилія и пышности цвѣтовъ, и часто, когда вечеромъ случалось подрѣзать тяжелыя вѣтки, у меня кружилась голова отъ смѣшаннаго и сладкаго запаха. Въ клѣткахъ были развѣшаны пестрыя и красивыя птицы, привезенныя издалека, и на ихъ пѣніе слетались другія, бывшія на волѣ, и чирикали не хуже заморскихъ невольницъ.

Въ саду было три открытыхъ бесѣдки и

два павильона съ комнатами: одинъ изъ нихъ назывался: „Слава Сеида“, другой же „Робкая лань розовыхъ орѣшковъ“, хотя тамъ ни лани, ни орѣшковъ не было, а просто хозяинъ иногда приходилъ туда играть въ шахматы съ пожилыми гостями. Въ кипарисовой рощѣ стояла бѣлая колонна съ чалмой, какъ ставятъ на масульманскихъ могилахъ, но никого похоронено тамъ не было, и фальшивый памятникъ придавалъ приятную грусть темной купѣ печальныхъ деревьевъ. У выходныхъ воротъ помѣщалась конурка сторожа, въ которую я иногда заходилъ отдохнуть.

Прошло уже довольно времени и я не только понималъ по турецки, но и самъ могъ слегка говорить съ мѣстными жителями. Впрочемъ, вступать въ разговоръ приходилось мнѣ очень рѣдко, такъ какъ кромѣ слугъ и пискливаго домоправителя я никого не видалъ, а хозяинъ не велъ продолжительныхъ бесѣдъ со мною.

Однажды, въ особенно теплый вечеръ я заработался дольше, чѣмъ обыкновенно, и въ ожиданіи сна бродилъ по саду, думая о своей участи, прислушиваясь къ далекому лаю собакъ и глядя на розовую круглую луну,—какъ вдругъ я услышалъ легкій го-

воръ, сдержанный смѣхъ и быстрый топоть проворныхъ шаговъ. Опустившись за кустъ, я увидѣлъ, какъ шесть женщинъ спѣшно спускались къ пруду въ сопровожденіи огромнаго негра съ бѣльмою. Онѣ переговаривались и смѣялись, шутя по-дѣвичьи, а ихъ браслеты издавали легкой и дребезжащій звонъ, ударяясь одинъ о другой. Вскорѣ я услышалъ всплески воды и болѣе громкій смѣхъ, изъ чего заключилъ, что это—хозяйскія жены, вздумавшія купаться, не найдя прохлады въ открытыхъ помѣщеніяхъ гарема. Черезъ нѣкоторое время онѣ съ тѣмъ же щебетаніемъ прослѣдовали мимо меня обратно. Я уже вышелъ изъ-за куста, чтобы идти спать, какъ вдругъ раздался легкой крикъ и затѣмъ женскій голосъ полупшепотомъ заговорилъ: „кто ты? кто ты? кто ты?“

— Я—вашъ садовникъ, — отвѣчалъ я.

Тогда она вышла изъ тѣни и сказала: „никому не говори, что ты насъ видѣлъ; забудь объ этомъ и найди туфлю, которую я потеряла у пруда“.

Мы пошли вмѣстѣ искать пропажу, и я смотрѣлъ искоса на свою спутницу: ей было лѣтъ двѣнадцать, она была худа и нескладна по-дѣтски, и ея глаза блестѣли при лунѣ

сквозь тонкое покрывало. Наклоняясь къ росистой травѣ, она уронила свою вуаль, но тотчасъ ее подняла и закрылась, взглянувъ на меня безъ улыбки. Я успѣлъ замѣтить прямой носъ, низко посаженные глаза и маленькій ротъ надъ небольшимъ подбородкомъ. Она казалась серьезной и строгой, молча ожидая, покуда я ползаль по мокрой травѣ. Когда я подалъ ей туфлю, она дала мнѣ мелкую монету, спросивъ: „ты одинъ у насъ садовникъ?“

— Да, госпожа, больше у васъ нѣтъ садовниковъ—отвѣчалъ я.

Она пристально на меня поглядѣла, надѣла туфлю и побѣжала въ гору, откуда ее звали вполголоса: „Фаризада, Фаризада!“

— Иду,—отвѣчала она на ходу и, обернувшись, сдѣлала мнѣ прощальный знакъ рукою.

Прошло нѣсколько дней, и я уже сталъ забывать о ночной встрѣчѣ, какъ однажды въ полдень, когда я отдыхалъ въ сторожевой коморкѣ, ко мнѣ вошелъ негръ съ бѣльмомъ, неся на одной рукѣ плетеную корзину, въ другой — узелъ съ какими-то тканями. Показавъ бѣлые зубы вмѣсто привѣтствія, онъ заговорилъ: „ты никогда не былъ въ хозяйскихъ комнатахъ?“

— Нѣтъ.

— Ты вѣдь садовникъ?

— Да, я занимаюсь господскимъ садомъ.

Тогда приблизясь ко мнѣ и все время улыбаясь, онъ продолжалъ: „тебя ждетъ госпожа Фаризада; надѣвай скорѣе платье, что я принесъ, накройся покрываломъ, бери корзину и иди за мною“.

Ничего не понимая, я исполнилъ требованіе негра къ большому, казалось, его удовольствію, потому что онъ поминутно смѣялся, хлопалъ ладонями себя по колѣнкамъ и бедрамъ и что-то лопоталъ, присѣдая. Въ корзину лежали бусы, браслеты и кольца ничтожной цѣнности.

Когда мы вошли въ сѣни, негръ сказалъ находящейся тамъ женщинѣ: „позови, мать, госпожу Фаризаду,—вотъ та добрая тетушка, которую госпожа хотѣла видѣть“. Старуха, ворча, удалилась и черезъ минуту вернулась въ сопровожденіи Фаризады. Она была безъ покрывала, и, введя насъ въ сосѣдній небольшой покой, удалила служанку.

Поглядывая на меня изподлобья, она сказала: „какъ зовутъ тебя?“

— Джонъ.

Она повторила нѣсколько разъ мое имя, будто прислушиваясь къ своимъ словамъ.

— Что ты принесъ въ корзинѣ, — бананы?

— Тамъ бусы и кольца, госпожа.

Помолчавъ, я началъ: „вы меня звали!“

Она подошла ко мнѣ и, неловко обнявъ за шею, поцѣловала въ губы, поднявшись на цыпочки. Потомъ стала говорить, какъ она меня полюбила съ перваго раза, какъ ей скучно жить въ гаремѣ и принимать ласки толстаго Сеиба. Она говорила очень быстро, прерываясь то смѣхомъ, то слезами, такъ что я понималъ только общій смыслъ ея словъ. Кончивъ свою рѣчь, она опустилась на низкій диванъ и прижалась щекою къ моему плечу, межъ тѣмъ какъ негръ, заслоняя окно, стоялъ лицомъ къ намъ и весело скалилъ зубы. Будто что вспомнивъ, она вынула изъ зеленыхъ шальваръ нѣсколько пряниковъ, угостила меня и негра и хлопавъ въ ладоши, вскричала: „сегодня у меня праздникъ: голубь моей печали, заноза моего сердца пришелъ ко мнѣ! Ты, Баабамъ, долженъ сыграть, чтобы я сплясала для гостя“.

Слуга досталъ откуда-то инструментъ съ одною струною, по которой онъ неистово заводилъ смычкомъ, а Фаризада, не спуская съ меня глазъ, танцевала, неловко заломивъ руки и поводя худыми плечами. Утомив-

шись она снова подсѣла ко мнѣ, говоря: „теперь Джо будетъ говорить, а его милая слушать. Расскажи мнѣ о своей матери, родинѣ, какъ ты живешь и не выдаешь ли во снѣ своей Фаризады?“

Я удовлетворилъ, на сколько могъ, ея любопытство и занималъ ее грустною повѣстью о своей судьбѣ, пока рабъ не далъ знать, что настала пора разстаться.

Цѣлуя меня на прощаніе, дѣвочка говорила: „теперь я—твоя жена, понимаешь? ты долженъ часто ходить ко мнѣ, носить цвѣты и ягоды; только приходи всегда въ этомъ платьѣ: такъ—безопаснѣе, и потомъ, ты въ немъ менѣе похожъ на мужчинъ, которыхъ я очень боюсь“. Баабамъ, проводивъ меня до сторожки, сказалъ: „будутъ болтать, что къ тебѣ ходитъ въ гости дама, потому что ты, парень, въ этомъ нарядѣ — совсѣмъ женщина и притомъ очень недурная“.

Хотя Фаризада и увѣряла въ невинности, что я — ея мужъ, однако я имъ не сталъ, несмотря на то, что часто бывалъ въ гаремѣ и цѣлыя ночи просиживалъ съ нею въ „Славѣ Сеида“. Дѣтская нѣжность, игры, танцы, поцѣлуи, объятія, — вотъ все, что позволяла себѣ по отношенію ко мнѣ дикая дѣвочка; я же не добивался большаго, не

будучи слишком увлеченъ и уважая въ ней чужую жену.

Жакъ, отъ котораго не укрылось все это, совѣтовалъ мнѣ бѣжать съ Фаризадой, увѣряя, что всегда можно найти рыбака, который бы согласился за хорошую плату отвезти насъ, куда угодно. Выходя часто за провизію, хотя и въ сопровожденіи эконома, марселецъ нашелъ случай переговорить съ однимъ лодочникомъ, насуливъ ему золотыя горы, но сама Фаризада, сначала было съ восторгомъ согласившаяся на мое предложеніе, въ слѣдующую минуту наотрѣзъ отказалась ѣхать съ нами, хотя все было приготовлено Баабамомъ и Жакомъ къ побѣгу. Она плакала, топала ногами, кидалась на полъ и говорила: „куда я поѣду? мужъ узнаетъ и утопитъ всѣхъ насъ“, и другія слова, которыя говорятъ женщины, не желающія мѣнять спокойную жизнь на полную опасностей неизвѣстность.

Хотя дѣвочка и отказалась ѣхать, о нашихъ планахъ узналъ сеидъ и прежде всего посадилъ меня, Жака и негра въ подвалъ. Мы не знали, что насъ ожидаетъ и тяготились этою неопредѣленностью, но больше всего меня томила мысль о томъ, что стало съ Фаризадой. Оказалось, что выдалъ

насъ тотъ самый рыбакъ, съ которымъ мы сговаривались о побѣгѣ. Когда, наконецъ, насъ привели къ господину, онъ сидѣлъ у павильона „робкой лани“, задумчивый, но не гнѣвный. Не взглянувъ на насъ, онъ началъ: „собаки, сознаетесь ли вы въ своемъ преступномъ замыслѣ?“

— Мы не отрицаемся, — отвѣчалъ я.

— Чего вы заслуживаете? — снова спросилъ Сеидъ.

— Смерти! — воскликнулъ негръ, падая на колѣни.

Послѣ долгаго молчанія хозяинъ началъ: „Да, вы заслуживаете смерти. Но на что мнѣ ваша жалкая жизнь? лучше я продамъ васъ за хорошія деньги, избавлю домъ отъ заразы и городъ отъ чумы. Вы будете проданы въ Стамбуль, вы, трое“.

Негръ поцѣловалъ руку хозяина, я же подошелъ и спросилъ тихо: „а что съ госпожею Фаризадой?“

Турокъ нахмурился и задумчиво повторилъ: „да, что съ госпожей Фаризадой? подумалъ бы объ этомъ раньше, что съ Фаризадой“, — затѣмъ улыбнувшись не доброю улыбкой, пихнулъ сидѣвшаго у его ногъ мальчика съ вѣромъ, и направился къ дому.

Жакъ увѣрялъ, что маленькая Фаризада осталась жить въ домѣ Сеида, что ее только больно высѣкли и не стали никуда пускать. На слѣдующее утро мы были перепроданы знатному человѣку въ Стамбуль, получивъ третьимъ товарищемъ еще негра Баабама съ бѣльмомъ на лѣвомъ глазу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Насъ продали очень знатному молодому человѣку, приближенному султана, холостому, хотя и имѣвшему свой большой домъ, но проводившему большую часть времени во дворцѣ. Онъ былъ богатъ, у него было много слугъ, лошадей, драгоценной посуды и платьевъ, но все хозяйство было запущено, такъ какъ во всемъ домѣ не было ни одного пожилого человѣка и самымъ старшимъ оказался негръ Баабамъ. Когда хозяинъ оставался по вечерамъ дома, у него собирались друзья, и это было пѣніе, танцы, шутки, рассказы, сласти и фрукты, флейты и арфы до самой зари. Онъ былъ султанскимъ кафешенкомъ, былъ высокъ, строенъ, съ орлинымъ носомъ и надменными глазами, лѣтъ ему было около 18-ти и звали его Алишаръ.

Хотя мы были невольниками, но имѣли

достаточную свободу выходить со двора и много незанятого времени, чѣмъ другъ мой Жакъ нѣсколько злоупотреблялъ. Хозяинъ обращался просто и милостиво и нерѣдко бесѣдовалъ со мною, когда встрѣчалъ меня въ саду за работой.

Такъ прошло мѣсяца три.

Жакъ все бѣгалъ по ночамъ въ греческіе и армянскіе кварталы, по утрамъ вставалъ сердитый, не разъ переваривалъ и недожаривалъ кушанья и даже сталъ не совсѣмъ чистъ на руку. Алишаръ не наказывалъ моего товарища, если не считать, что однажды онъ запустилъ ему въ голову соусникомъ, такъ какъ Жакъ положилъ соли вмѣсто сахара въ сладкое блюдо. Вообще, съ нѣкоторыхъ поръ характеръ нашего хозяина началъ портиться: султанскій любимецъ сдѣлался задумчивъ, раздражителенъ, часто сидѣлъ дома и не только не созывалъ гостей, но даже отказывалъ тѣмъ, которые приходили сами. Челядь шепталась, что господину грозитъ опала и, можетъ быть, казнь. Мнѣ было его очень жалко, и я старался при встрѣчахъ взглядами и словами выказывать ему сочувствіе, преданность и любовь. Но Алишаръ не замѣчалъ моихъ стараній и рѣдко заговаривалъ со мною.

Однажды на закатѣ, когда я тащилъ на спинѣ вѣтки яблонь, которыя я срѣзалъ, чтобъ деревья не глохли,—меня окликнулъ хозяинъ, сказавъ: „долго ты работаешь сегодня, другъ“.

— Да, сегодня много дѣла, господинъ,— отвѣчалъ я.

Помолчавъ, онъ спросилъ: „ты любилъ когда-нибудь въ своей жизни?“

Смущенный неожиданностью вопроса, я медлилъ съ отвѣтомъ, межъ тѣмъ какъ Алишаръ, казалось, забылъ про меня и спокойно проводилъ по дорожкѣ сорванную вѣткой, глядя въ землю. Тогда я сказалъ: „по правдѣ сказать, я никого не любилъ, господинъ; на родинѣ у меня остался другъ, но я его давно не видалъ“.

Хозяинъ продолжалъ: „а что бы ты сдѣлалъ, если бы тотъ, кого ты любилъ больше жизни, больше блага свѣта, наплевалъ бы на тебя, бросилъ, забылъ, — такъ что оправдались бы слова поэта:

„Стали губъ твоихъ гранаты алѣе ала!

Стрѣлы главъ твоихъ—перяты—влѣе ала!“

— Я бы убилъ того чловѣка, или самъ на себя наложилъ бы руки, — отвѣчалъ я, не задумываясь. Алишаръ долгое время стоялъ безмолвенъ, наконецъ, произнесъ: „Ты

говоришь какъ мужчина, другъ мой“, и далъ мнѣ знакъ рукою, чтобы я продолжалъ свой путь.

Ночью я услышалъ близъ сторожки легкіе шаги и лай собакъ, тотчасъ же смолкшій. Выглянувъ въ дверное оконце, я при лунѣ безошибочно узналъ хозяина, который поспѣшно шелъ по направленію къ выходной калиткѣ. Не знаю, чѣмъ руководствуясь, я накинулъ платье и пошелъ вслѣдъ за Алишаромъ, стараясь держаться въ тѣни.

Отомкнувъ замокъ и выйдя на узкую улицу, султанскій кафешенкъ пошелъ изъ переулка въ переулокъ, съ площади на площадь, будто не руководимый опредѣленнымъ намѣреніемъ. Меня онъ не замѣчалъ, такъ какъ я все время былъ вдали, скрываемый тѣнью домовъ.

Наконецъ, мы вышли къ морю. Я остановился, не желая выступить на пространство, освѣщенное луною, и смотрѣлъ изъ за угла, что будетъ дальше. Алишаръ, пошатываясь, подошелъ къ лодкѣ, отвязалъ ее, взмахнулъ медленно веслами и сталъ удаляться отъ берега. Выждавъ, пока лодка отъѣхала на достаточное разстояніе, я быстро добѣжалъ до берега, ножомъ перерѣзалъ канатъ другого челна, и, стараясь не

шумѣть при греблѣ, сталъ подвигаться, не теряя изъ виду господина и даже все приближаясь къ нему. Къ моему удивленію первая лодка остановилась, хозяинъ, ясно видный при лунѣ, поднялъ руки къ небу, громко вскричалъ и, скользнувъ внизъ, съ плескомъ скрылся въ волнахъ. Не подтѣзжая еще къ самому мѣсту, я бросился въ воду и, быстро догнавъ вынырнувшего юношу, ухватилъ его и, держа одной рукою, другою усиленно загребъ къ лодкѣ. Съ трудомъ вытащивъ лишившагося чувствъ хозяина, я закуталъ его плащемъ и спѣшно устремилъ свой челнъ къ берегу.

Очевидно, Алишаръ пробылъ въ водѣ не очень долго, потому что еще не доѣзжая до суши онъ открылъ глаза и слабо простоналъ. Положивъ юношу на песокъ, я долго растиралъ его, чтобы вернуть окончательно ему сознаніе. Наконецъ, онъ прошепталъ:— „Кто это? Зачѣмъ опять вызвали меня къ жизни?“ —Черезъ нѣкоторое время онъ поднялся съ моею помощью и, опираясь на мою руку, медленно направился къ дому.

Никто, казалось, не замѣтилъ нашего отсутствія, и мы, никого не будя, тихо прошли въ комнату господина, гдѣ я его пе-

реодѣлъ въ сухое платье, натеръ виномъ и покрылъ теплымъ мѣхомъ. Юноша за все время не проронилъ ни слова, только, когда я собрался уходить, онъ обвилъ мою шею руками и сказалъ: „Я этого не забуду, другъ мой“.

Я былъ увѣренъ, что только легкая простуда можетъ быть послѣдствіемъ ночнаго путешествія, и не имѣлъ никакихъ опасеній, когда узналъ, что нашъ хозяинъ вызванъ султаномъ на слѣдующее утро.

О печальномъ случаѣ я никому не сказалъ, но былъ разсѣянъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія Алишара, который очень долго задержался во дворцѣ. Но раньше еще, чѣмъ вернуться молодому господину, къ нашимъ воротамъ привели трехъ бѣлоснѣжныхъ коней въ полной серебряной сбруѣ и шесть черныхъ рабовъ несли кедровые ящики за золоченыя ручки. Это были подарки султана, помирившагося съ своимъ кафешенкомъ.

Лицо Алишара, ѣхавшаго въ пышной одеждѣ на черной кобылѣ, почти скрытой подъ золотымъ чепракомъ, сіяло, какъ луна въ полнолуны, а надменные глаза глядѣли еще надменнѣе, чѣмъ прежде.

Я отъ души поздравилъ юношу съ воз-

вращеннымъ благополучіемъ; ночное приключеніе казалось мнѣ сномъ, но хозяинъ, очевидно, не забылъ вчерашней прогулки, потому что, подозвавъ меня и подѣловавъ при всѣхъ, онъ сказалъ громко: „Помни, что я—твой должникъ“.

Черезъ нѣсколько дней къ намъ должны были собраться друзья и родственники Алишара, чтобы праздновать его возвращеніе къ блестящей судьбѣ. Мы съ Жакомъ рѣшили сдѣлать какой-нибудь неожиданный подарокъ господину, насколько давали намъ возможность наши силы и скромное положеніе. А именно: я задумалъ устроить грядку тюльпановъ, такъ чтобы цвѣты ея составляли начертаніе начальной буквы имени Алишара, а Жакъ хотѣлъ изготовить, съ помощью главнаго повара, бывшаго съ нимъ въ дружбѣ, какой-то диковинный пирогъ. Намъ оставался только вечеръ и ночь, чтобы привести въ исполненіе свои замыслы, такъ что мы не ложились спать, все время работая: я—разсаживая съ фонаремъ нестрые цвѣты по только что вскопанной грядкѣ, Жакъ въ бѣлой курткѣ хлопоча у пылающей печки,—и далеко по двору и по саду разносился запахъ сладкихъ пряностей.

Когда Алишаръ съ гостями вышелъ на

плоскую крышу, онъ остановился въ изумленіи и восторгѣ: тамъ, гдѣ вчера былъ простой зеленый лугъ, теперь виднѣлась пестрая нѣжная буква, каждый завитокъ которой былъ разнаго цвѣта и ласкалъ глаза своею прелестью.

Призвавъ меня наверхъ, господинъ поцѣловался со мною, снялъ перстень съ пальца и, давая его, сказалъ:— „Послѣ пира ты узнаешь мою благодарность“. Вечеромъ Жакъ надѣлъ голубые шальвары, желтую куртку, голубой съ бѣлымъ тюрбанъ, тщательно вымылся и, взявъ въ руки золоченую палочку, пошелъ къ дому въ сопровожденіи шести поварятъ, высоко державшихъ блюдо съ пестрымъ павлиномъ. Когда птица изъ тонкаго позолоченнаго тѣста была поставлена передъ Алишаромъ, Жакъ, послѣ обычныхъ привѣтствій, ударилъ по ней палочкой, и хрупкіе осколки обнаружили внутри диковинной дичи чудно построенный изъ марципановъ домъ, точно изображавшій жилище нашего господина. Окна изъ розовыхъ леденцовъ блестѣли при свѣчахъ, а два ручья зеленаго и алаго сиропа сбѣгали непрерывно, сливаясь въ слоеномъ бассейнѣ. Жакъ отворилъ главную дверь, откуда вылетѣла уже живая на этотъ разъ птица,

неся въ клювъ большое сверкающее яйцо на зеленой лентѣ; поднявшись надъ сладкимъ дворцомъ, она уронила свою ношу, и рухнувшій миндальный куполь выпустилъ двадцать канареекъ, по числу гостей, каждая съ круглымъ яичкомъ въ клювъ на розовыхъ и желтыхъ ленточкахъ. Будто танцующая какой-то сложный танецъ, или какъ солдаты при разводѣ, розовыя полетѣли къ сидящимъ налѣво, желтыя — направо, и, сложивъ передъ каждымъ изъ обѣдающихъ по пирожку въ видѣ круглаго цвѣтка, что прежде приняли мы за яички,—вспорхнули на приготовленный надъ столомъ обручъ и тамъ согласно запѣли.

Хозяинъ и гости нѣсколько минутъ молчали, словно околдованные, наконецъ, господинъ вскричалъ: — „Отпускаю, отпускаю на волю! Вы не рабы мнѣ больше, а товарищи. Дайте имъ лучшее изъ моихъ платьевъ, и пусть садятся трапезовать и веселиться съ нами!“

Мы поцѣловали руку Алишару, переодѣлись въ дорогія одежды и праздновали всю ночь снова засіявшую звѣзду султанскаго кафешенка, но на слѣдующее утро, переговоривъ между собою, мы попросили господина позволенія остаться при немъ, чтобы,

будучи уже свободными, продолжать свои прежнія занятія по доброй волѣ. Хозяинъ былъ, повидимому, тронутъ нашею привязанностью и щедро одарилъ насъ. Я нашелъ случай послать письмо въ Портсмутъ, а мой товарищъ, научившись стряпнѣ, пекъ пирожки, которые я носилъ въ городъ на продажу въ свободное время.

Я не былъ слишкомъ огорченъ, долго не получая отвѣта отъ мистера Фая, такъ какъ дѣйствительно привыкъ къ господину, притомъ же въ это время случилось одно событіе, приковавшее меня крѣпко къ Стамбулу и толкнувшее меня впоследствии къ дальнѣйшимъ скитаньямъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Однажды, когда я стоялъ со своимъ лоткомъ на перекресткѣ двухъ узкихъ улицъ, я увидѣлъ, какъ вдругъ вся толпа хлынула въ боковой переулокъ, будто стремясь къ какому-то диковинному зрѣлищу. Мальчишки кричали, убѣгая за уголь, женщины забравъ грудныхъ младенцевъ, спѣшили тудаже, купцы вышли на порогъ своихъ лавокъ и погонщики тщетно били ревущихъ ословъ. Изъ переулка-же доносилось щелканье бичемъ и крики: — „Дорогу, дорогу!“ —

Меня прижали къ стѣнѣ, и я не могъ двинуться ни взадъ, ни впередъ, пока людской потокъ снова не вернулся къ мѣсту, гдѣ я стоялъ.

Всѣ бѣжали за бѣлой лошадыю въ зеленомъ чапракѣ, на которой сидѣла женщина въ турецкой одеждѣ, но съ незакрытымъ лицомъ. Рыжіе волосы, заплетенные въ мелкія косички, спускались изъ-подъ оранжеваго тюрбана съ павлиньимъ перомъ, губы были плотно сжаты, лицо—безъ кровинки, рука крѣпко сжимала поводья, а узкіе сафирные глаза глядѣли прямо, будто не замѣчая шумной толпы. Лошадь медленно ступала, высоко подымая ноги, а четыре негра впереди расчищали путь, шелкая красными бичами и крича:—„Дорогу, дорогу!“

Женщина сидѣла неподвижно, будто истуканъ, даже широкій плащъ, скрывавшій ея плечи, густо-синій съ желтыми разводами, не шевелился.

Въ общей суматохѣ меня сильно толкнули, такъ что я упалъ на свой лотокъ, забоясь только, чтобы самому не быть раздавленнымъ, какъ мои пирожки. Когда я поднялся, потирая бока, на улицѣ уже никого не было, и только издали раздавались крики и шелканье бича.

Въ находившейся неподалеку знакомой лавкѣ я узналъ, что эта дама—жена богатаго греческаго банкира, ссужавшаго нерѣдко султана большими суммами. Тамъ же я спросилъ, гдѣ живетъ прекрасная гречанка и какъ ее зовутъ.

Конечно, первой моею заботой было отыскать ея домъ, что удалось мнѣ не сразу и не безъ труда. Это жилище было окружено со всѣхъ сторонъ высокою каменною стѣною, изъ-за которой выступали вѣтви густыхъ деревъ, такъ что не было видно ни оконъ ни дверей дома, расположеннаго внутри. Обойдя вокругъ стѣны съ одной улицы и съ другой (домъ стоялъ на углу), я могъ замѣтить только заколоченныя наглухо ворота и небольшую калитку, тоже закрытую накрѣпко.

И съ тѣхъ поръ каждый разъ, что я выходилъ въ городъ, я попадалъ въ эту глухую улицу, гдѣ никто не могъ купить моихъ пирожковъ, но никогда не встрѣчалъ греческой госпожи. Не встрѣчалъ я ея и на другихъ улицахъ Стамбула. Свои чувства и дѣйствія я тщательно скрывалъ отъ Жака и отъ Алишара, который относился ко мнѣ съ истинной дружественностью. Ходя усердно каждый день около знакомаго огражденія,

я замѣтилъ въ одномъ углу карнизъ по-
среди стѣны, надъ которымъ свѣшивалась
толстая дубовая вѣтка. Это навело меня на
мысль проникнуть въ замкнутый садъ этимъ
путемъ, что не трудно было привести въ
исполненіе. Вставъ на карнизъ, я ухватился
за вѣтку и поднялся на каменную ограду,
откуда спустился по стволу на траву. Садъ
былъ не такъ густъ и великъ, какъ казался
снаружи, но около стѣны было темно, сыро
и журчалъ гдѣ-то невидный ручей; въ
отдаленіи, на солнечной лужайкѣ, виднѣ-
лось уже крыльцо какого-то зданія.

Осторожно подползя по густой травѣ къ
росписному окну жилища, я притаился,
услышавъ звуки гитары. Окно распахнулось
и женскій голосъ запѣлъ; слова пѣсни бы-
ли турецкими, такъ что я понялъ ихъ
смысль, хотя, признаться, его тамъ было не
много. Насколько я помню, приблизительно
было въ такомъ родѣ:

Солнце зашло—милый пришелъ.

Солнце взошло—милый ушелъ.

Солнце взойдетъ—милый уйдетъ,

Солнце вайдеть—милый придетъ.

Небо блѣднѣетъ—сердца бьются,

Небо алѣетъ—слезы льются.

Небо заалѣетъ—слезы польются,

Небо поблѣднѣетъ—сердца забьются.

Когда пѣсня смолкла, я поднялся на ципочки и взглянулъ въ покой, который оказался пустымъ. Я перелѣзъ черезъ подоконникъ и очутился въ комнатѣ, поразившей меня своей обстановкой. Вдоль стѣнъ стояли высокіе сундуки, покрытые коврами, высокая конторка помѣщалась у окна, а въ углу висѣло нѣсколько изображеній святыхъ, потемнѣвшихъ отъ древности, съ большой зеленой лампадой передъ ними. Несмотря на полдень, въ домѣ было темно и прохладно, пахло кипарисовымъ деревомъ, ладаномъ—и почему-то анисомъ.

Я просидѣлъ не двигаясь часа три, какъ вдругъ коверъ, закрывавшій дверь въ сосѣднюю комнату, распахнулся, и я увидѣлъ гречанку; она открыла длинный ларь и начала перебирать какія-то ткани, не замѣчая меня, но мой невольный вздохъ и скрипъ сундука, на которомъ я пошевелился—привлекъ ея вниманіе. Быстро захлопнувъ крышку ларя, она вскочила, уронивъ съ колѣнъ вынутыя матеріи. Прижавъ руку къ сердцу, женщина долго молчала, наконецъ произнесла: „кто ты? зачѣмъ ты здѣсь? ты—воръ? пошелъ вонъ“.

Я подошелъ къ ней и хотѣлъ взять ее за руку, но гречанка, отступивъ, прошеп-

тала: „не трогай меня, а то я закричу! Чего тебѣ нужно?“

Тогда я объяснилъ ей все: какъ я ее увидѣлъ въ первый разъ, не могъ найти покоя, пока не достигъ того, чтобы говорить съ нею, видѣть ее. Прищуривъ сафирные глаза, зеленоватые отъ свѣта лампы, дама промолчала, потомъ тихо спросила: „ты — садовникъ, что живетъ у султанскаго кафе-шенка?“

— Да, это именно — я, — отвѣтилъ я, нѣсколько удивленный.

— Ты очень самонадѣянъ, юноша, какъ я посмотрю, — продолжала она, не то ласково, не то презрительно усмѣхаясь. У нея былъ ясный и сухой голосъ, болѣе похожій на гобой, чѣмъ на звукъ человѣческой рѣчи. Я подумалъ, что она намекаетъ на мое рабство, и рассказалъ ей, кто я и кто мои родители. Она подняла брови и медленно процѣдила: „можетъ быть, я тебѣ и вѣрю“.

Въ это время въ комнату вбѣжала маленькая собачка и залаяла на меня; гречанка взяла ее на руки, лаская, и спокойно замѣтила, взглянувъ въ окно: „Вотъ идетъ мой мужъ. Тебѣ отъ меня больше ничего не нужно? Если Андрей застанетъ тебя здѣсь, онъ убьетъ насъ обоихъ безъ разговоровъ“.

Собаченка все лаяла и ворчала, такъ что госпожа выбросила ее за окно въ садъ и, подойдя ко мнѣ, сама взяла меня за руку и тихо сказала: „Спрячься въ сундукъ, я закрою его не плотно и наброшу легкую шаль вмѣсто ковра, чтобъ ты не задохся. Потомъ я тебя выпущу, когда настанетъ время. Самъ не смѣй выходить. Мнѣ нужно тебѣ сказать кое-что“.

Едва успѣлъ я залѣзть въ большой сундукъ по совѣту дамы, какъ вошли Андрей и собачка, тотчасъ принявшаяся лаять, обнюхивая всѣ углы.

— Что съ нею?—спросилъ грекъ.

— Я не знаю, жара ее беспокоитъ; собака мнѣ надоѣла,—отвѣтила госпожа.

— Вотъ какъ?—произнесъ мужъ и заговорилъ по-гречески.

Долго они говорили, будто ссорясь, наконецъ Стефанія (такъ грекъ назвалъ жсну) заплакала и ушла, а мужъ сталъ къ конторкѣ, зажегъ свѣчку въ мѣдномъ шандалѣ и принялся писать, кашляя и кряхтя. У меня заболѣли всѣ члены отъ лежанія въ согнутомъ положеніи и я боялся заснуть, чтобы не выдать себя храпомъ и не проспать прихода гречанки. Наконецъ, старикъ задулъ свѣчу и, вѣроятно, сталъ молиться,

такъ какъ до меня долго доносилось какое-то бормотаніе и шорохъ изъ того угла, гдѣ висѣла лампада. Потомъ все смолкло и начали пищать крысы: у меня было сильное искушеніе вылѣзти, не дожидаясь госпожи Стефаніи, и отправиться домой, но слово, данное женщиной, удержало меня отъ этого шага. Не знаю, сколько времени я пролѣзъ такимъ образомъ, пока сквозь щель, закрытую только легкою тканью, я не увидѣлъ, что въ комнату вошла гречанка съ тонкой свѣчей въ рукахъ. Я ждалъ, что она подойдетъ къ сундуку и выпуститъ меня, но она, очевидно, не собиралась этого дѣлать, потому что, поставивъ свѣчу на конторку, направилась въ уголъ, гдѣ недавно вздыхалъ ея супругъ. Повременивъ нѣкоторое время, я сталъ ее звать: „Госпожа Стефанія! госпожа Стефанія!“ Не получая никакого отвѣта на мои восклицанія, я приподнялъ крышку, и, высунувъ голову, осмотрѣлся. Стефанія съ распущенными волосами, покрывшими ея плечи, какъ рыжій плащъ, стояла на колѣняхъ передъ иконами, заломивъ руки и шевеля беззвучно губами; меня она, казалось, не замѣтила, не отводя сафирныхъ стоячихъ глазъ отъ темнаго лица... Тогда я окончательно вылѣзъ и, по-

дождавъ нѣсколько минутъ, снова обратился къ молящейся: „госпожа Стефанія, вы мнѣ желали сказать что-то?“ Но и на это гречанка не отвѣтила, только повела, не оборачиваясь, на меня глазами. Она была очень блѣдна, пожалуй, блѣднѣе, чѣмъ когда я встрѣтилъ ее въ первый разъ. Видя, что на всѣ мои зовы Стефанія не обращаетъ никакого вниманія, я подошелъ къ ней и коснулся ея плеча, тихо сказавъ: „прощайте, я уйду, скоро разсвѣтъ“.

Гречанка вскочила и зашептала: „кто это? кто это? не кричи такъ!“

— Это я, Джонъ, и я говорю совсѣмъ тихо. Я уйду, вы мнѣ скажете потомъ то, что хотѣли сказать.

Но дама только дико озиралась и вдругъ громко крикнула: „кровь, кровь!“, при чемъ такъ выгнулась, что я съ трудомъ ее удержалъ за талію. Видя ея состояніе, я усадилъ ее на сундукъ и, растирая похолодѣвшія руки, началъ ее успокаивать: „никакой крови нѣтъ, я сейчасъ уйду, потому что скоро утро, а вы идите спать, чтобы васъ не хватились. Если вамъ нужно мнѣ сказать что-нибудь, я приду въ другой разъ а теперь пойду, какъ вы сами пѣли вчера:

Солнце ввойдетъ—милый уйдетъ!

Я хотѣлъ направить мысли Стефаніи къ болѣе веселымъ предметамъ упоминаніемъ пѣсенки, но, очевидно, ошибся въ расчетѣ, такъ какъ Гречанка, еще болѣе поблѣднѣвъ, прижала палецъ къ губамъ и строго проговорила: „ты не долженъ повторять этой пѣсни: она—не на каждый день и принесетъ тебѣ зло. Забудь ее“.

— Развѣ это—волшебная пѣсня?

— Да, она имѣетъ силу призывать изда лека влюбленныхъ; даже если они умерли, они не смогутъ противиться заклятію.

— Вотъ и отлично; когда мнѣ будетъ грустно, я спою эту пѣсню и кто-нибудь придетъ ко мнѣ.

Стефанія схватила меня за горло руками и потащила къ иконамъ, хрипло говоря: „клянись, клянись Господомъ Іисусомъ, Пречистою Его Матерью и Михаиломъ Архангеломъ, что ты забудешь все, что слышалъ, все, что видѣлъ, дорогу ко мнѣ, меня— все забудешь“.

Я освободилъ свою шею изъ ея пальцевъ и сказалъ: „я могу обѣщать вамъ, что не буду повторять пѣсни, не буду никому рассказывать о происшедшемъ, не буду искать встрѣчи съ вами, если такъ нужно, но, подумайте сами, какъ я могу забыть, имѣя память“

Но гречанка твердила, стуча зубами и вся дрожа: „нѣтъ, клянись, клянись!“ Въ это время свѣча, догорѣвъ, затрещала, и этотъ слабый звукъ такъ потрясъ взволнованную даму, что она съ громкимъ воплемъ бросилась изъ комнаты; зацѣпивъ рыжимъ локономъ за мѣдную обшивку ларя, она закричала: „пусти меня,пусти меня!“ и, рванувшись, оборвала тонкій волосъ и скрылась за двернымъ ковромъ. Я быстро вылѣзъ изъ окна и также помчался къ стѣнѣ сада, гдѣ не скоро нашель дерево, по которому я попалъ сюда.

Можно себѣ представить, въ какомъ состояніи вернулся я домой и провелъ первыя недѣли послѣ посѣщенія Стефаніи. Только что я немного оправился и пришелъ въ себя, какъ однажды вечеромъ меня вызвала въ садъ неизвѣстная женщина съ письмомъ. Письмо было какъ разъ отъ жены банкира и въ немъ говорилось, что, навѣрное, я не исполнилъ обѣщанія и пѣлъ заклинательную пѣснь, потому что Стефанія не знаетъ покоя ни днемъ, ни ночью, томится желаніемъ меня видѣть и умоляетъ придти къ ней сегодня, такъ какъ мужъ ея отправился до утра въ Скутари. Я зналъ отлично, что никогда не говорилъ магиче-

скаго заклѣтья и приписалъ желаніе Стефаніи видѣть меня ея любви ко мнѣ и сумасбродной фантазіи. На мой вопросъ, здорова ли госпожа, служанка отвѣтила, что госпожа Стефанія вполне здорова и ждетъ меня съ нетерпѣніемъ.

Вечеромъ я былъ въ домѣ, или вѣрнѣе, въ саду прекрасной гречанки, которая приняла меня подъ открытымъ небомъ, будто пренебрегая опасностями. Прислуживала намъ та же старуха, что приносила мнѣ письмо; мы пили и ѣли до сыта; Стефанія была весела, какъ я не предполагилъ бы, что она даже можетъ быть: играла, пѣла, смѣялась и шутила, но ни разу меня не поцѣловала и не обняла.

Наконецъ, расшалившись, она предложила мнѣ поцѣловать ее, но съ тѣмъ условіемъ, что я позволю себя привязать къ дереву, тогда она подойдетъ ко мнѣ близко и я ее поцѣлую. Когда я согласился и гречанка крѣпкой веревкой привязала меня къ дубу, она вмѣсто того, чтобы приблизиться ко мнѣ, отбѣжала и смѣясь сказала, что сейчасъ придетъ ея мужъ, господинъ Андрей. Я просилъ ее прекратить шутки и исполнить обѣщаніе или, отвязавъ меня, отпустить домой, но вскорѣ убѣдился, что Сте-

фанія вовсе не шутила, такъ какъ старуха, посланная госпожей, привела стараго бородатаго грека и удалилась. Гречанка, указывая на меня, заговорила: „благородный супругъ, смотри тсперь, какъ я вѣрна тебѣ: вотъ юноша, хотѣвшій тебя обезчестить; я предаю его тебѣ, убей его, убей! возьми свой ножъ!“ И она вложила въ руку старика длинный кинжалъ, но грекъ, схвативъ оружiе, закричалъ на жену: „подлая колдунья! ты думаешь, я не знаю, что все это значить? ты заманиваешь для проклятаго колдовства юношей, пользуешься ихъ молодостью и хочешь, чтобъ я проливалъ ихъ кровь! твоя прольется, твоя прольется!“ Онъ бросился за нею съ ножомъ, она отъ него, и такъ они бѣжали вокругъ дерева, какъ одержимые. Стефанія не переставала осыпать мужа ругательствами, перечисляя, сколько разъ она измѣняла. Потомъ, не останавливая бѣга, какъ изступленная, она начала срывать съ себя одежды и наконецъ остановилась, съ распущенными волосами, до пояса голая, раскинувъ руки, вся вытянувшись и замеревъ.—„Ну бей, бей“—прокричала она.

Старикъ ударилъ ножомъ въ руку, плечо и спину, но ножъ будто разрѣзалъ воздухъ

или скользилъ по мрамору: ни кровинки не вытекло изъ нанесенныхъ ранъ. Тогда грекъ завизжалъ: „постой же, колдунья“, и всадилъ ей ножъ прямо въ грудь, откуда чернымъ потокомъ хлынула кровь; кровь хлынула теперь и изъ прежнихъ пораненій, и женщина рухнула на землю, раскинувъ руки, какъ распятая.

Мнѣ наконецъ удалось перегрызть мою веревку и броситься къ мѣсту битвы. Грекъ, забывшій, казалось обо мнѣ, бросилъ ножъ и убѣжалъ, а я наклонился надъ Стефаніей; ея глаза синѣли при лунѣ, какъ два глубокой воды сафира, а кровь все текла изъ ранъ. Меня она не узнала, только молвила коснѣющимъ языкомъ:— „Солнце взойдетъ— милый уйдетъ. Послѣ смерти!.. Послѣ смерти!“.. Тутъ она умерла, а глаза остались открытыми, только потухшими. Гонимый неописуемымъ страхомъ, я бросился бѣжать и не знаю, какъ достигъ дома.

Я заболѣлъ сильной горячкою и долго пролежалъ, послѣ чего Алишаръ предложилъ мнѣ проѣхать въ Дамаскъ. Во-первыхъ, онъ хотѣлъ дать мнѣ порученіе въ этотъ городъ, во-вторыхъ, считалъ для меня полезнымъ уѣхать изъ Стамбула, гдѣ я пережилъ столько волненій. Хозяинъ далъ

мнѣ достаточно денегъ, самъ купилъ ковровъ и послалъ вмѣстѣ со мною повара Жака, чтобы мы съ нимъ не разставались и въ дальнѣйшихъ скитаціяхъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Алишаръ самъ проводилъ насъ до корабля, и, не безъ слезъ простившись, сказалъ намъ, чтобы въ случаѣ нужды мы обратились къ его друзьямъ въ Дамаскѣ и возвращались къ нему, если захотимъ. Хотя я былъ достаточно бодръ, чтобы отправиться въ путь, но какая-то болѣзненная тоска точила мнѣ душу, такъ что даже шутки Жака меня не веселили. Я цѣлыми днями молча лежалъ на палубѣ, не ѣлъ, не спалъ, а когда засыпалъ, то былъ мучимъ тревожными и страшными снами. То мнѣ видѣлся г. де Базанкуръ, убитый мною, то мертвая Стефанія, то блѣдный и печальный Эдмондъ Пэдждъ, который бродилъ по берегу беспокойнаго моря и тоскливо взиралъ на меня. Я кричалъ, просыпался, звалъ Жака, который меня успокаивалъ, пока я снова не вскакивалъ въ смертельномъ страхѣ. Наконецъ, я ослабѣлъ до такой степени, что меня перенесли внизъ, гдѣ я лежалъ пластомъ въ странномъ жару. Только передъ

самымъ Бейрутомъ горячка меня оставила и я снова вышелъ на палубу, поддерживаемый вѣрнымъ Жакомъ. Моя голова была какъ выпотрошенная, тупо пустая, но во всемъ тѣлѣ, черезъ усталость болѣзни, чувствовались новыя рождающіяся силы. И странно, что жизнь въ Портсмутѣ я гораздо лучше помнилъ, чѣмъ Смирну и особенно Константинополь, отъ пребыванія въ которомъ у меня остались лишь смутныя и тревожащія воспоминанія. Жакъ мало говорилъ со мною о Стамбулѣ, изрѣдка только упоминая имя Алишара, которое яснѣе всего другаго жило въ моей памяти.

Я едва держался на ногахъ, когда пришлось спускаться въ лодку, чтобы переправиться на берегъ. Жакъ меня поддерживалъ и бережно доставилъ въ гостинницу, гдѣ покинулъ меня въ маленькой грязной комнатѣ, самъ уйдя узнавать, когда отправится караванъ въ Дамаскъ, такъ какъ я желалъ скорѣе пуститься въ дальнѣйшую дорогу, а ѣхать однимъ было бы и дорого, и опасно. Мнѣ было скучно и страшно такъ долго ждать товарища, и я, придвинувъ какой-то пустой, ящикъ, находившійся въ горницѣ, поднялся на него и сталъ смотрѣть въ узкое окно на небо, гдѣ летали стаями голуби.

Не знаю точно, сколько прошло времени въ этомъ занятіи, какъ вдругъ меня вызвалъ изъ моего размышленія грубый мужской голосъ, сказавшій по англійски: „простите, я ошибся дверью“. Я такъ быстро обернулся, что чуть не свалился со своего ящика. Въ дверяхъ стоялъ высокій бородастый человѣкъ въ широкой шляпѣ и европейскомъ платьѣ, загорѣлый, съ орлинымъ носомъ и большимъ шрамомъ черезъ правую щеку. За поясомъ у него было два пистолета, а въ рукѣ хлыстъ. Давно не слыхавъ родной рѣчи, я былъ такъ пораженъ, что нѣкоторое время стоялъ безъ словъ, равно какъ и неожиданный посѣтитель. Наконецъ, я вымолвилъ: „какъ, вы—англичанинъ?“

— Къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ незнакомецъ, прикоснувшись слегка къ полямъ шляпы.

— Я тоже изъ Англій. Не были ли вы случайно въ Портсмутѣ и не знавали ли тамъ мистера Фай и Эдмонда Пэдждъ, женатаго на Кэтти Гумбертъ?

— Въ Портсмутѣ я былъ не такъ давно, но съ указанными вами джентльменами знакомымъ не имѣю чести быть.

— Какъ жалко! это—мой дядя и лучшій другъ.

Гость пожалъ плечами и, помолчавъ, сказалъ.

— Вы возвращаетесь въ Англію?

— Нѣтъ, я отправляюсь въ Дамаскъ.

— Я тоже еще не думаю ѣхать домой. Спокойной ночи. Джэкъ Брайтъ,—произнесъ соотечественникъ, протягивая мнѣ широкую волосатую руку.

— Джонъ Фирфаксъ, сэръ, — отвѣтилъ я, пожимая его холодные толстые пальцы. Въ корридорѣ стоялъ хозяинъ гостинницы, еврей, и смотрѣлъ на наше прощаніе съ выраженіемъ неизъяснимаго ужаса. Замѣтивъ мой изумленный взглядъ, Брайтъ обернулся, хлеснулъ изо всей силы гостинника по лицу и ушелъ, что-то бормоча подъ носъ. Напрасно я спрашивалъ пострадавшаго, чѣмъ онъ заслужилъ подобное обращеніе: онъ только качалъ головою, держась за щеку. Наконецъ, нѣсколько успокоившись, онъ прешепталъ: „вы знакомы съ мистеромъ Брайтомъ, и еще спрашиваете, чѣмъ заслуживаютъ отъ него удары?“

— Я его совсѣмъ не знаю: въ первый разъ вижу.

Лицо хозяина изобразило полнѣйшій страхъ и недоумѣніе: „Какъ, вы не знакомы съ Джэкомъ Брайтомъ и онъ жаль вамъ

руку? тогда спѣшите уѣхать, скорѣе, скорѣе!“

— Мы все равно сегодня ѣдемъ, но мнѣ хотѣлось бы знать, въ какой связи находится нашъ отъѣздъ съ визитомъ этого джентльмена?

Но отъ еврея больше ничего нельзя было добиться, онъ только всплескивалъ руками и тотчасъ побѣжалъ за ворота смотрѣть, не возвращается ли Жакъ. Тотъ очень скоро пришелъ, устроивъ все, что было нужно, на наши рассказы о незнакомомъ англичанинѣ не обратилъ вниманія, расплатился въ гостинницѣ и сталъ меня торопить отъѣздомъ.

Караванъ былъ не особенно великъ, но имѣлъ то преимущество, что всѣ путники направлялись въ Дамаскъ. Всю трудную дорогу мы сдѣлали безъ усилій и безъ особыхъ приключеній. Спустившись съ Ливана въ долину рѣки Литани, мы взяли направленіе между Антиливаномъ и Гермономъ и покинули горы, только подступивъ почти къ самому Дамаску, расположенному въ цвѣтушемъ саду, орашаемомъ сотнею ручьевъ и рѣчекъ. Зрѣлище свѣтлой, холодной Барады, текущей съ Антиливана, садовъ, мечетей, мельницъ, городскихъ стѣнъ съ башнями, безчисленныхъ рынковъ, живой тол-

пы — было особенно привлекательно послѣ сирійской пустыни.

Мы остановились вмѣстѣ съ нашими спутниками въ базарной гостинницѣ; Жакъ пошелъ узнавать у начальника ковроваго рынка, гдѣ бы намъ снять помѣщеніе для торговли, я же отправился исполнять порученіе Алишара.

Найдя не безъ труда стараго шейха, которому было написано посланіе кафрешенка, я передалъ письмо, взглянувъ на которое старикъ поцѣловалъ восковую печать и сталъ мнѣ выражать особенную почтительность. Какъ выяснилось, все порученіе нашего добраго господина заключалось въ просьбѣ оказывать намъ всяческое содѣйствіе въ незнакомомъ городѣ и даже ссужать въ трудныя минуты деньгами, которыя онъ, Алишаръ, клялся отдавать шейху за насъ.

Такимъ образомъ мы легко водворились въ полутемной узенькой лавкѣ, гдѣ и заторговали, на первыхъ порахъ не особенно успѣшно. Оттого ли, что насъ никто не зналъ, оттого ли, что мы были не мусульмане, но къ намъ рѣдко кто заглядывалъ, хотя Жакъ все время стоялъ у порога, веселыми шутками зазывая покупателей и бранясь съ сосѣдями. Тѣмъ болѣе насъ удивило,

что насъ стала очень часто посѣщать какая-то пожилая женщина, скромнаго вида, все торговавшая самыя дорогіе ковры; говорила она всегда съ Жакомъ, смотрѣла же на меня. Это было предметомъ нашихъ шутокъ и всякій разъ, когда Жакъ се издали замѣчалъ идущей, онъ говорилъ: „вотъ идетъ ваша возлюбленная!“—Скорѣй ваша, чѣмъ моя!—отвѣчалъ я, заранѣе вытаскивая лучший товаръ.

Однажды она привела съ собою дѣву, всю закутанную въ плотное покрывало, которую рекомендовала намъ, какъ свою госпожу. Разглядѣть новую посѣтительницу не было никакой возможности, можно было только замѣтить, что она была довольно полна, черноглаза и не особенно молода. Голоса ея мы тоже не слышали, такъ какъ всѣ переговоры она вела черезъ служанку, которой шептала свои отвѣты на ухо.

Отобравъ товару на значительную сумму, госпожа удалилась, сказавъ что за покупками она пришлетъ человѣка, съ которымъ я пойду въ ея домъ, чтобы получить деньги.

Подъ вечеръ пришла та же пожилая особа, за которой я понесъ тяжелый тюкъ. По дорогѣ она много разсуждала о томъ, на-

сколько скромность украшаетъ юношество и рассказала нѣсколько случаевъ, гдѣ эта добродѣтель сдѣлала счастье молодымъ людямъ. Я соглашался съ своей собесѣдницей и далъ понять намекомъ, что я и себя причисляю къ этой рѣдкой въ наше время породѣ скромныхъ и молчаливыхъ юношей. „Я это замѣтила съ перваго взгляда; о у Фатьмы опытный глазъ на это. Госпожа тоже зорка: она опредѣляетъ красоту, а я—стыдливость и вѣрность!“—Если занятіе вашей гослужи болѣе пріятно, то ваше безусловно болѣе почтенно,—замѣтилъ я.

— Ахъ, любовь, не опирающаяся на добродѣтель, не долговѣчна!

Въ такихъ разговорахъ мы достигли дома, гдѣ жила Дамасская дама. Изъ болтовни старухи я узналъ, что это—богатая вдова по имени Ноза, потерявшая перваго мужа лѣтъ семь тому назадъ и вышедшая такъ неудачно второй разъ за безнравственнаго молодого человѣка, что его пришлось прогнать изъ дому за кутежи и непристойныя шашни.

Я думаю, что все видѣнное мною въ домѣ госпожи Нозы было не болѣе, какъ обдуманное испытаніе моей скромности. Иначе я не могу себѣ объяснить зачѣмъ меня съ

коврами привели прямо въ большую комнату съ бассейномъ, гдѣ купалось семь или восемь совершенно раздѣтыхъ женщинъ.

При моемъ появленіи онѣ всполошились, закричали, съ визгомъ бросились всѣ въ бассейнъ, отчего вода сразу выступила на полъ, и уже оттуда осыпали старую Фатьму упреками, наполовину притворными, потому что онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ смѣялись, толкались, хлопали другъ друга по голымъ спиnamъ, и брызгали на меня водой. Особенно голосила самая толстая, которая, не помѣстившись въ бассейнъ, только уткнула лицо въ своихъ подругъ и болтала ногами, причемъ вся спина, ноги и прочія части тѣла были совершенно открыты. Моя спутница зашептала мнѣ: „закрой глаза, закрой глаза!“—и тащила меня за рукавъ дальше. Я былъ оглушенъ столь неожиданнымъ зрѣлищемъ и далъ себя увести изъ зала, откуда смѣхъ, плескъ и визгъ раздались съ удвоенною силою.

Комнаты черезъ три мы остановились въ небольшомъ покоѣ, гдѣ Фатьма оставила меня ждать госпожи. Нога явилась въ болѣе прозрачномъ покрывалѣ, такъ что я могъ ее разсмотрѣть: ей было лѣтъ 40, болѣе полна, чѣмъ казалось раньше, осо-

бенно въ бедрахъ, лицо было не безъ пріятности, но нѣсколько обрюзгшее, длинный прямой носъ, круглые глаза, маленькій ротъ бантикомъ, сросшіяся брови и широко-толстый подбородокъ. Голось у нея былъ неожиданно тонкій, что меня разсмѣшило, когда я услышалъ его впервые. Принявъ отъ меня товары, тщательно ихъ провѣривъ и сосчитавъ, она спросила: — кажется, эта безрасудная Фатъма тебя ввела въ женскую купальню?

— Я ничего не замѣтилъ,—отвѣтилъ я, опуская глаза.

— Скромность, конечно, похвальна, но такъ ты, пожалуй, скажешь, что ты и меня не видалъ.

— Когда я васъ увидѣлъ, я забылъ все, что было раньше.

— Каковъ мальчикъ?—онъ уже умѣеть льстить!—воскликнула Ноза смѣясь, но, по видимому, мои слова понравились ей. На прощанье она дала мнѣ кошелекъ, гдѣ я нашель, придя домой, десять золотыхъ и перстень съ большимъ топазомъ.

Намъ стало очевидно, что пожилая вдова неравнодушна ко мнѣ, и всѣ эти посѣщенія Фатъмы и мое путешествіе въ домъ госпожи Нозы,—не болѣе какъ довольно

обычныя предисловія къ еще болѣе обычной развязкѣ. Но я дѣлалъ видъ, будто ничего не понимаю, притворяясь цѣломудреннымъ и глуповатымъ, что мнѣ было очень не трудно дѣлать, такъ какъ я былъ весьма равнодушенъ къ увядшимъ прелестямъ почтенной дамы. Между тѣмъ я съ Жакомъ составили совершенно опредѣленный планъ дѣйствій, который не подвергая испытанію мое нерасположеніе къ госпожѣ Нозѣ, доставилъ бы намъ забавное и певниное развлеченіе.

Дѣйствительно, нѣжность и настойчивость влюбленной вдовы все усиливались, но я подъ разными предлогами уклонялся отъ страстныхъ ласкъ; когда же, наконецъ, Ноза особенно усиленно потребовала, чтобы я открылъ настоящую причину моей холодности, я будто въ нерѣзительности молвилъ: — не подумайте, госпожа, чтобы я былъ неблагодаренъ, не достаточно цѣнилъ ваше доброе ко мнѣ расположеніе, но дѣло въ томъ, что я крайне суевѣренъ и обладая нѣкоторыми познаніями въ магіи, не могу начать никакого важнаго дѣла безъ благопріятныхъ указаній на этотъ счетъ.

Едва поспѣлъ я произнести эти слова, какъ моя возлюбленная загорѣлась неудер-

жимымъ желаніямъ испытать мои таинственныя знанія. Такъ какъ мы съ Жакомъ этого именно и ждали, то у насъ было давно уже условлено, какъ поступать въ такомъ случаѣ. Послѣ долгихъ отказовъ я согласился вызвать духа для госпожи Нозы и назначилъ вечеръ, когда ей къ намъ придти. Все было устроено въ комнатѣ, какъ мы видѣли у настоящихъ прорицателей въ Константинополѣ. Роль духа, разумѣется, исполнялъ мой товарищъ, котораго было трудно узнать черезъ сѣрный дымъ, дѣлающій мертвеннымъ самое цвѣтущее лицо. Даму оставили мы одну въ темной комнатѣ, при чемъ я сталъ громко и нараспѣвъ декламировать начало Вергиліевской Энеиды, которая, какъ извѣстно, начинается такъ:

Arma virumque cano и т. д.

Ноза слушала, трепеща, вся закутанная въ темный плащъ; потомъ я зажегъ сѣру и черезъ отдернутую занавѣску появился Жакъ въ странномъ нарядѣ изъ пестрыхъ тканей. По обычаю заклинателей я самъ говорилъ съ тѣнью, а госпожа только дрожала въ углу. Я спрашивалъ громко и властно, духъ же отвѣтствовалъ глухимъ,

загробнымъ голосомъ. Изъ нашего діалога выяснилось, что Ноза найдетъ свое счастье только въ бракѣ со мною, что она должна подарить мнѣ часть своего состоянія и что добрые геніи ей благопріятны. Затѣмъ раздался сильный ударъ грома, не знаю, какъ произведенный Жакомъ, и тѣнь исчезла во вновь наступившей темнотѣ.

Когда снова зажгли свѣчи, дама лежала на полу безъ сознанія, потрясенная всѣмъ, что видѣла. Когда я привелъ ее въ чувство, она обвила мою шею руками и сквозь смѣхъ и слезы прошептала мнѣ: „видишь, какъ правдиво говорятъ духи?“

— Духи могутъ и ошибаться, — сказала я уклончиво. Но вдова, обнимая меня, твердила, что она свято вѣритъ въ гаданіе и все исполнитъ, что ей вѣщала духъ. Мнѣ было немного совѣстно обманывать доверчивую женщину, но я не могъ отступить отъ разъ намѣченнаго пути, думая, что открытіемъ нашего плутовства я бы еще болѣе огорчилъ и оскорбилъ бѣдную Нозу. И мнѣ оставалось только до конца вести затѣянную игру, что я исполнилъ не совсѣмъ охотно. Когда, отдавъ мнѣ обѣщанную часть состоянія, госпожа отпраздновала свадьбу со мною и мы остались одни

въ горницѣ, вдова раздѣлась и подозвала меня къ себѣ, но я оставался, не двигаясь, у входа. Тогда супруга спросила:

— Что же вы не подойдете ко мнѣ, супругъ мой? Развѣ я не стала вашей женою?

— Это совершенно вѣрно, что вы стали моею женой, госпожа, но я сегодня за ужипомъ ѣлъ лукъ и не осмѣливаюсь оскорбить васъ своимъ дыханіемъ. Не вставая съ ложа, она продолжала:—Конечно, это не благоразумно, мой другъ, что вы ѣли сегодня лукъ, но нужно ли стыдиться своей подруги? Подойдите ко мнѣ, и ваше дыханіе станетъ для меня пріятнѣе мускуса, такъ какъ я люблю васъ отъ всего сердца, повѣрьте.

Не двигаясь отъ стѣны, я отвѣчалъ медленно и спокойно: „и потомъ я скажу вамъ, госпожа, что я боленъ, совсѣмъ боленъ и не могу войти къ вамъ“.

Тогда Ноза, будто понявъ мое притворство, вскочила съ кровати, вся голая, и подбѣжала ко мнѣ. У нея были очень отвислыя груди, большой животъ, широкій, низкій тазъ и короткія ноги. Она меня схватила за рукавъ, немилосердно тряся, при чемъ ароматное масло стекало съ ея локтей на полъ. Я, высвободивъ свою руку, спро-

силъ: „я сказалъ, что я боленъ,—чего вы желаете отъ меня?“

Приблизивъ ко мнѣ свое толстое лицо, Нога зашептала въ сильномъ волненіи: „ты боленъ? да? такъ что же ты не сказалъ этого раньше? развѣ твои духи не знали этого—можно было бы отложить свадьбу!“

— Я боюсь, что тогда пришлось бы отложить свадьбу очень на долго, очень на долго,—сказалъ я многозначительно.

Тогда моя супруга, будто прочитавъ мои мысли, вдругъ разразилась неистовою бранью; какъ потокъ, прорвавшій плотину, она осыпала меня горьчайшими упреками, пыталась меня щипать и царапать, наконецъ, схвативъ двѣ спальныя туфли начала такъ ими меня колотить, что я долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Она, какъ была, голая, такъ и бѣжала за мною по всему саду, крича мнѣ вслѣдъ: „мошенникъ, грабитель, христіанская собака, воръ, чортъ!“ и другія нелестныя названія. Выскочивъ за калитку, я помчался, не оборачиваясь, межъ тѣмъ какъ издали все раздавались пронзительные крики почтенной дамы, на которые отвѣчалъ лишь лай сосѣднихъ собакъ.

Жакъ ждалъ меня съ нетерпѣніемъ, и, отдышавшись немного, я началъ свой раз-

сказъ, нерѣдко прерываемый громкимъ смѣхомъ насъ обоихъ.

На слѣдующее утро пришла къ намъ старая Фатма и передала отъ хозяйки, что я могу не возвращаться въ домъ супруги, деньги оставить себѣ, но что госпожа Ноза проситъ вернуть ей перстень съ топазомъ, дорогой ей, какъ память о первомъ мужѣ. Я молча передалъ кольцо служанкѣ, которая, окончивъ свое порученіе, обозвала насъ разбойниками, плюнула на землю и сердито пошла домой.

Мы такъ и не узнали, нашла ли неутѣшная вдова болѣе удачно себѣ четвертаго супруга, потому что вскорѣ покинули Дамаскъ, отправившись къ арабскому заливу. Меня влекли снова морскія странствія, суля обманчивое забытѣе отъ тяжелыхъ воспоминаній и тоски по родинѣ. На сушѣ казалось мнѣ, что корабль меня развлечетъ, но пробывши день, два на морѣ, я уже стремился къ твердой землѣ. И я искалъ вездѣ успокоенія, нигдѣ его не находя и не зная точно, какою одержимъ я тревогою.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Нѣтъ надобности описывать нашъ путь до аравійскаго залива черезъ пустыни и горы.

Утромъ, и вечеромъ, и днемъ мы видѣли все ту же приблизительно картину: волны песчаныхъ холмовъ, уходящія въ даль, узкой лентой вьющійся путь, кустарники, травы и тростники у пустынныхъ рѣчекъ,— все это одинаково озарялось то восходящимъ, то заходящимъ солнцемъ; жаркій вѣтеръ засыпалъ насъ жгучимъ пескомъ, и ночью, проснувшись отъ воя шакаловъ, мы видѣли надъ собою совсѣмъ близко словно рѣзныя звѣзды.

Наконецъ, впереди заблестѣла зеленая полоса воды за красными скалами. Будто гонимый какой-то тревогою, я не могъ дожидаться, когда мы достигнемъ берега и вступимъ на бортъ судна, но едва наступила ночь, какъ налетѣлъ шквалъ, сломалъ мачту и руль, и такъ мы носились по произволу волнъ, невѣдомо гдѣ, невѣдомо куда. Къ утру море не успокоилось и во избѣжаніе опасности отъ рифовъ, мы привязали себя вчетверомъ къ огромнымъ доскамъ, по двое на каждую, и спустились въ пучину. Оказалось, что мы какъ разъ во время покинули судно, потому что не поспѣли мы отъ него отдалиться на нѣсколько сажень, какъ порывъ вѣтра направилъ его прямо на подводные камни, налетѣвъ на которые оно

мигомъ разбилося въ щепы, какъ распадаются карточные домики дѣтей отъ неосторожнаго толчка или легкаго дуновенія. Между камнями водоворотъ походилъ на воронку, такъ что разъ попавъ туда, судно выплывалось моремъ уже въ видѣ безформенныхъ обломковъ и щепокъ. Крики утопавшихъ были заглушены воемъ и визгомъ волнъ. Когда мы наблюдали съ нашей доски это зрѣлище, сильная волна захлестнула насъ, такъ что я лишился чувствъ и очнулся лишь на пустынномъ берегу, усыянномъ обломками кораблей и мертвыми тѣлами. Наклонившись надо мной стоялъ Жакъ, усиленно стараясь вернуть мнѣ сознание. За узкой полосой песка, гдѣ я лежалъ, круто подымалось высокое плоскогорье, поросшее мелкимъ кустарникомъ; едва замѣтная тропинка вилась внизъ.

Не успѣлъ я хотя бы немного оглядѣться, какъ на вечернемъ небѣ вырисовалась толпа людей, которые тотчасъ же, сбѣжавши на берегъ, окружили насъ и связавъ намъ руки крѣпкими длинными стеблями травы, повели въ горы. Не вдалекѣ отъ края плоскогорья находилась небольшая пальмовая роща со свѣтлымъ ключемъ, тамъ и сямъ были разбросаны хижины съ остроко-

нечными крышами: это и была деревня наших побѣдителей. Навстрѣчу имъ вышла толпа женщинъ, съ бубнами, барабанами и пѣснями. Онѣ окружили насъ, еще не вводя въ селеніе и начали тщательно осматривать; кажется, ихъ больше всего удивляла бѣлизна нашей кожи и невьющіеся, плоскія волосы. Выразивъ достаточно свое изумленіе и радость громкими криками, онѣ выдѣлили изъ своихъ рядовъ толстую старуху, которая принялась насъ раздѣвать, бросая своимъ подругамъ каждую часть нашего костюма поочереди, вызывая каждый разъ всеобщій хохоть. Особенный интересъ возбудила ширина нашихъ шальваръ, въ каждую штанину которыхъ забралось по двѣ женщины; онѣ начали прыгать, издавая гортанные, дикіе звуки, почитавшіеся у нихъ, очевидно, за пѣніе.

Всѣ туземцы были высокаго роста, чернокожи, съ вьющимися жесткими волосами, оттопыренными губами; костюмъ ихъ, не считая небольшого передника вокругъ чреслъ, состоялъ изъ татуировки (особенно у мужчинъ), нѣсколькихъ перьевъ въ спутанных волосахъ и браслетовъ на рукахъ и на ногахъ. Женщины отличались отъ мужчинъ только тѣлосложеніемъ и тѣмъ, что у мно-

гихъ были грудныя дѣти, подвязанныя за спиной.

Всего жителей было не болѣе трехсотъ или 250—и, кажется, они считали себя за особое племя, или, по крайней мѣрѣ—государство, такъ какъ непрерывно воевали и дрались съ сосѣдними деревнями, послѣ чего, въ случаѣ неудачи, былъ цѣлодневный вой, въ противномъ же случаѣ были праздники: три дня и три ночи напролетъ плясали, скакали, пѣли, жарили козъ на вертелахъ, пили какую-то пряную и опьяняющую жидкость, метали копья въ цѣль, зажигали костры надъ моремъ и били въ бубны и барабаны при появленіи луны. Когда мужчины не дрались, они охотились, ловили рыбу, чинили попорченное оружіе, или лежали въ тѣни шалашей, хвастаясь, повидимому, своею доблестью и удачей. Женщины кормили дѣтей, растирали хлѣбныя зерна двумя толстыми плоскими камнями, свѣжевали дичь и жарили ее на вертелахъ или собирали какія-то травы, чтобъ лѣчить ими раны и змѣиные укусы. Насколько я понялъ, эти туземцы не имѣли почти никакой религіи и чтили въ одинаковой мѣрѣ все, что поражало ихъ дѣвственное воображеніе: солнце, луну, звѣзды,

громъ, молнію, радугу, особенно счастливый ловъ рыбы, побѣду въ сраженіяхъ, рожденіе ребенка, смерть и любовь. Положимъ, любви, какъ мы ее понимаемъ, они не знали, а имѣли лишь безпорядочныя сношенія съ женщинами, на полное попеченіе которыхъ и оставляли дѣтей. Мальчикъ съ десятилѣтняго возраста поступалъ въ вѣдѣніе мужчинъ и принималъ полноправное участіе въ ихъ трудахъ и опасностяхъ.

Мы были приставлены къ домашнимъ работамъ и помогали женщинамъ, но намъ очень скоро наскучило ихъ любопытство и назойливость. Такъ какъ дикаркамъ всего удивительнѣе казался цвѣтъ нашей кожи, то Жакъ придумалъ средство уничтожить эту приманку для черныхъ дамъ. А именно: мы стали каждую ночь натираться сажей изъ очаговъ, такъ что въ концѣ-концовъ приблизились по цвѣту кожи къ окраскѣ туземныхъ тѣлъ. Женщины сначала насъ не узнали, потомъ цѣлый день приходили глазѣть на наше превращеніе, щелкать языкомъ и качать головою, но постепенно привыкли, потеряли къ намъ интересъ и оставили насъ въ покоѣ.

Такъ прошло много недѣль и мѣсяцевъ; мы потеряли всякую надежду вернуться на

родину, которая даже во снѣ перестала намъ представляться. Насъ не выпускали за деревню, такъ что мы лишены были возможности даже бродить по берегу моря, отдѣлявшаго насъ отъ далекой отчизны; наше рабство, казалось, никогда не прекратится,—какъ вдругъ странный случай вывелъ насъ совершенно изъ тягостнаго плѣна и засвѣтилъ снова путеводную звѣзду скитаній. Впрочемъ, страннаго въ этомъ случаѣ была только его неожиданность.

Однажды, въ особенно жаркій день, когда всѣ жители разбрелись по тѣнистымъ мѣстамъ, женщины спали въ шалашахъ, забывъ о своихъ сварахъ и только голые ребятишки возились въ пескѣ, да я съ Жакомъ, переставъ молотъ зерна, тихонько вспоминали о Европѣ, — раздался далекій выстрѣлъ, и черезъ нѣкоторое время въ деревню съ берега прибѣжали два туземца, зажавъ уши и крича что-то страшнымъ голосомъ. На ихъ крики стали собираться чернокожіе, громко обсуждая необычное явленіе. Женщины вышли изъ домовъ и тревожно прислушивались къ говору мужчинъ; только дѣти спокойно продолжали играть, сыпя песокъ другъ другу на голову. Съ какимъ-то тайнымъ трепетомъ мы слѣ-

дили, какъ вооружались дикари, очевидно готовясь къ битвѣ; жены помогали имъ, подавая то копье, то стрѣлу, то кожаный щитъ. Когда воины удалились нестройной толпой, оставшіяся дома дикарки собрались въ кучу посреди деревни, бормоча заклинанія, изрѣдка прерываемыя длиннымъ и настойчивымъ крикомъ, затѣмъ всѣ разомъ повергались ницъ и молча молились, потомъ вскакивали, кружились, бормотали, испускали вопль и снова падали. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока все приближавшіяся выстрѣлы не сдѣлались совсѣмъ близкими и беспорядочной массой не хлынули обратно чернокожіе, преслѣдуемые небольшою кучкой бѣлыхъ въ широкихъ шляпахъ, съ мушкетами и пистолетами: Дойдя до середины деревни, европейцы дали залпъ и всѣ дикари, мужчины и женщины разомъ простерлись на землю, моля о пощадѣ. Тогда предводитель прищельцевъ далъ знакъ остальнымъ и они, поднявъ живыхъ и не раненыхъ, связали имъ руки и отвели въ сторону. Кто можетъ представить себѣ мое удивленіе, когда я, выглянувъ изъ-за скрывавшаго насъ куста, узналъ въ капитанѣ Джэка Брайта, когда-то видѣннаго мною въ Бейрутѣ; большая черная борода,

шрамъ черезъ щеку, волосатыя кисти рукъ, неподвижный взглядъ и громкій, рѣзкій голосъ не давали возможности сомнѣваться, что это онъ.

Тогда мы вышли изъ засады, громко крича, что мы привѣтствуемъ братьевъ и соотечественниковъ.

Пришельцы казались удивленными не соотвѣтствіемъ нашего заявленія съ нашимъ видомъ,—и ждали, когда мы приблизимся.

И дѣйствительно, наша внѣшность могла показаться странной: нагіе, вымазанные по всему тѣлу сажей, со включенными волосами, мы подвигались неровною походкой, протянувъ руки впередъ и крича одновременно на двухъ различныхъ языкахъ. Но Брайтъ, все время пристально на насъ глядѣвшій, быстро подошелъ къ намъ, взялъ насъ за руки и обращаясь къ товарищамъ, сказалъ: „Это вѣрно. Я знаю этихъ джентльменовъ и ручаюсь за правдивость ихъ словъ. Вѣроятно, только большое несчастіе, о которомъ не время спрашивать, привело ихъ въ такому необычайному и неожиданному состоянію. Мы должны сдѣлать все, что можемъ, чтобы помочь нашимъ братьямъ и успокоить ихъ“. Затѣмъ онъ приказалъ дать намъ платье и отвести на бортъ судна.

Намъ ни разу не приходило въ голову, покуда мы жили среди черныхъ, что мы наги, и только теперь, встрѣтившись снова съ европейцами, почувствовали мы стыдъ и смущеніе за свою наготу. Къ берегу насъ провелъ мальчикъ-юнга, такъ какъ капитанъ еще рѣшилъ съ совѣтниками судьбу черныхъ жителей, среди которыхъ мы жили столько времени. Намъ дали одежду, мы отмыли сажу, выпили виски, поѣли и спокойно стали ждать возвращенія Брайта. Все произошедшее было такъ разительно, что почти лишило насъ способности удивляться и радоваться.

Къ вечеру пригнали на берегъ плѣнныхъ туземцевъ, связанныхъ длинной веревкою; они молчали, глядя задумчиво и покорно, какъ скоть; размѣстили ихъ въ трюмъ, гдѣ было слишкомъ мало мѣста для всѣхъ, такъ что они лежали почти въ два ряда, одинъ на другомъ.

Отдавъ послѣднія распоряженія, капитанъ посѣтилъ меня и Жака, въ отведенной намъ каютѣ, спросилъ, куда мы хотѣли плыть, намекнувъ, что онъ правитъ свой корабль на родину въ Англію, гдѣ долженъ быть по важному дѣлу. Я сказалъ, что я не умоляю его ни о чемъ лучшемъ, какъ

довести меня до Портсмута, за что я былъ бы ему благодаренъ до самой смерти. Жакъ былъ грустенъ и молчаливъ и на вопросъ, неужели его не веселитъ мысль вернуться на родину, отвѣтилъ печально, что въ Марселѣ у него нѣтъ никого близкаго, и вообще нигдѣ нѣтъ человѣка, къ которому онъ былъ бы болѣе привязанъ, нежели ко мнѣ. Я обнялъ его и предложилъ остаться въ Портсмутѣ, разсудивъ, что даже въ случаѣ, если бы мистеръ Фай отказался дать приютъ Жаку, то моему другу будетъ все равно, гдѣ заниматься тѣмъ, къ чему онъ способенъ, въ англійскомъ или французскомъ портѣ. Дюфуръ сразу повеселѣлъ и къ нему вернулась прежняя ясная и невинная шутиливость.

Мы рѣшительно не знали, чѣмъ обязаны милости и ласковости Брайта, который все не производилъ впечатлѣнія человѣка любезнаго къ первому встрѣчному. Его обращеніе съ нами не оставляло желать ничего лучшаго, такъ онъ былъ внимателенъ и даже предупредителенъ. Когда случайно онъ оставался со мной вдвоемъ, онъ все время разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ, въ которыхъ онъ посѣтилъ Индію, Китай, Цейлонъ и другія сказочныя страны.

Его слова, простыя и суховатыя, рисовали волшебныя картины дальнихъ земель, ихъ жителей и необычайнаго знанія мудрецовъ. При этихъ повѣствованіяхъ голосъ Джэка дѣлался глуше, таинственнѣе и звучаль, какъ большой колоколъ изъ дали густаго лѣса. Объ одномъ только молчалъ нашъ капитанъ,—что онъ дѣлалъ въ этихъ плаваніяхъ, что онъ дѣлалъ въ Бейрутѣ, какъ попалъ на дикій берегъ, откуда спасъ меня съ Жакомъ, куда именно и зачѣмъ онъ ѣдетъ теперь и кто онъ. Объ этомъ онъ хранилъ молчаніе и мы не приставали съ разпросами. Была еще одна странность, о которой мы вспомнили уже впоследствии,—а именно: всегда, среди какого бы то ни было оживленнаго или важнаго разговора, едва било одиннадцать часовъ, нашъ хозяинъ удалялся къ себѣ въ каюту, иногда даже не окончивъ начатой фразы.

Мы приписывали это аккуратности, столь свойственной моимъ соотечественникамъ. Но случай показалъ намъ, что это была далеко не одна аккуратность, а нѣчто болѣе странное, важное и непонятное.

Однажды вечеромъ, когда Джэкъ по обыкновенію удалился, прервавъ интереснѣйшій разговоръ, мы съ Жакомъ, дожидаясь

и въ которое время, пошли за хозяиномъ и, остановясь около двери въ его комнату, стали прислушиваться. Слышно ничего не было, но приложивъ глазъ къ щелкѣ мы увидѣли слѣдующую картину. Стѣны каюты были увѣшаны странными изображеніями зодіакальныхъ знаковъ, человѣка съ раскрытою грудью, гдѣ пылало горящее сердце, какими-то чертежами и надписями на непонятномъ языкѣ. Самъ Брайтъ въ шляпѣ сидѣлъ за большою книгой, неподвижно глядя на синій огонь небольшого треножника. Передъ нимъ стоялъ совершенно обнаженный мальчикъ лѣтъ 13-ти, раскинувъ руки и смотря на то же пламя. Я не узналъ сначала нашего юнгу; никогда впрочемъ не обращалъ я на него вниманія. Онъ былъ блѣденъ и худъ, можно было пересчитать всѣ ребра на бокахъ, лицо, довольно обыкновенное, поражало прозрачною бѣлизною, которая казалась еще сильнѣе отъ яркаго, какъ вино, рта. Но меня поразили глаза мальчика: густо-сафирные, очень узкіе, неподвижные, какъ бы незрячіе, они сразу пронзили меня воспоминаніемъ о Стефаніи, вся исторія которой, забытая было мною, всплыла до страшнаго ясно въ моемъ мозгу.

Юнгъ становилось очевидно холодно, по-

тому что онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ все сильнѣе, покуда Брайтъ нараспѣвъ читалъ изъ книги, смотря на синій огонь. Наконецъ, онъ бросилъ на треножникъ какого-то снадобья, отчего слабое пламя вдругъ вытянулось въ длинный языкъ ярко желтаго цвѣта. Джэкъ пересталъ читать, вперивъ взоръ въ уголъ комнаты, находившійся вѣ поля нашего зрѣнія, мальчикъ же переставъ трепетать, застылъ съ раскинутыми руками, изъ которыхъ безъ всякой видимой причины потекла тонкими струйками алая кровь.

Мы смотрѣли, какъ околдованные, но вотъ пламя упало снова до синяго огонька, юнга зашатался, готовый упасть, Джэкъ, поблѣднѣвъ, шумно перевернулъ страницу книги, потомъ взялъ длинный кинжалъ и направился къ голому отроку. Не будучи въ состоянн сдержатъ свое волненіе, я закричалъ въ ужасѣ: „остановитесь, остановитесь, Джэкъ Брайтъ!“ Я помню, что съ моимъ крикомъ слился другой нечеловѣчскій вопль, но больше ничего не удержалъ въ памяти, такъ какъ упалъ на руки Жака, лишившись чувствъ.

На слѣдующее утро вошелъ къ намъ капитанъ, болѣе блѣдный, чѣмъ всегда, но спокойный и сдержанный. Поговоривъ не-

много, онъ замѣтилъ: „Мнѣ кажется для вашего спокойствія будетъ полезнѣе, если вы не будете покидать своей каюты. На суднѣ вамъ могутъ встрѣтиться сцены, которыя, не будучи объяснены, только смутятъ вашъ разумъ. Объяснять же ихъ никто не имѣетъ права“.

Съ тѣхъ поръ насъ не стали никуда пускать и все долгое плаваніе мы были какъ плѣнники; самъ Брайтъ заходилъ къ намъ, попрежнему рассказывалъ объ Индіи и Китаѣ, такъ же уходилъ въ одиннадцать часовъ, но запиралъ насъ собственноручно на ключъ снаружи. Я не знаю, сколько времени провели мы въ пути, но когда мы достигли Портсмута, я узналъ, что въ отсутствіи я пробылъ два года, три мѣсяца и десять дней, такъ какъ было 13 сентября 1691 года, когда я снова сошелъ на родимый берегъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

НЕ доходя еще до дому, я узналъ всѣ новости, ждавшія меня на родинѣ. Умеръ годъ тому назадъ мистеръ Фай, оставивъ меня наслѣдникомъ, была очень холодная зима, пріѣзжали комедіанты изъ Лондона, разбился невдалекѣ французскій корабль,

Кэтти Пэдждъ вкорѣ послѣ свадьбы исчезла неизвѣстно куда, кто думаетъ, что мужъ ее прогналъ, другіе предполагаютъ, что она сама уѣхала на континентъ, бросивъ Эдмонда, третьи желаютъ видѣть въ этомъ странное преступленіе, нѣкоторые ищутъ еще болѣе таинственныхъ причинъ.

Печально вошелъ я въ свою горницу, гдѣ все осталось попрежнему, только раскрытая страница Сенеки казалась мнѣ перевернутой, неся другое болѣе утѣшительное изреченіе. Домъ былъ не топлень, такъ какъ никто не ждалъ моего возвращенія, шелъ дождь и сумерки быстро падали. Въ комнату вошелъ Эдмондъ, обнялъ меня и заплакалъ. Прослезился и я, глядя на поху-дѣвшаго друга. Мы не спрашивали другъ друга о несчастіяхъ, будто условившись, и спустились въ столовую, гдѣ трещалъ каминъ, затопленный Жакомъ, успѣвшимъ тѣсно подружиться съ Магдалиной, — и я сталъ рассказывать о своихъ странствіяхъ, закуривъ короткую трубку. Когда дѣло дошло до нашего возвращенія и я упомянулъ Джэка Брайтъ, Эдмондъ, вскочивъ, воскликнулъ: „какъ Джэкъ Брайтъ? онъ здѣсь, пріѣхалъ съ вами?“

— Онъ точно пріѣхалъ съ нами, но здѣсь

ли онъ еще я не знаю, такъ какъ онъ спѣшилъ куда-то дальше.

— Слава Богу!—сказалъ Эдмондъ, снова опускаясь въ кресло.

— Развѣ онъ знакомъ тебѣ? что жъ ты знаешь о немъ? -- спросилъ я.

— Ничего, ничего, объ этомъ послѣ. Продолжай, прошу тебя, свой рассказъ,— прошепталъ другъ, закрывая глаза.

— Но дальше нечего почти продолжать,— отвѣчалъ я.

Окончивъ исторію своихъ страстей, я долго сидѣлъ передъ пылавшимъ каминомъ рядомъ съ Эдмондомъ, тогда какъ у дверей стояли Жакъ и Магдалина; послѣдняя утирала передникомъ слезы, а ноги мои лежали на мягкой спинѣ стараго Нерона.

„Путешествіе Сера Джона Фирфакса“, будучи законченнымъ само по себѣ, представляетъ лишь первую часть исторіи Фирфакса, вторая часть которой назовется „Дѣйствія Джэка Брайта“ и послѣдняя— „Комната съ волчьимъ окномъ“.

РАЗСКАЗЪ О КСАНΘЪ,
ПОВАРЪ ЦАРЯ АЛЕКСАНДРА, И ЖЕНЪ
ЕГО КАЛЪ

Великаго Александра во всѣхъ дальнихъ походахъ сопровождалъ старый Ксанѳъ, вѣдавшій царскую кухню. Старику не легко было дѣлать трудные переходы черезъ пустыни и горы, но царь не разставался со своимъ поваромъ, привыкнувъ къ нему и опасаясь отравы, въ случаѣ, если бы пища была приготовляема другими, менѣе преданными руками. Ксанѳъ любилъ Александра, зная его съ рожденья, такъ какъ былъ очень старъ и служилъ еще при королевскомъ дѣдѣ поваренкомъ. Ксанѳова жена Калла была тоже уже древняя старушка, но не отставала ни отъ мужа ни отъ Македонскаго героя, который въ ея глазахъ продолжалъ оставаться дитятей. Она слѣдовала за войскомъ въ закрытой повозкѣ, пекла Александру пирожки съ рыбой, какъ никто другой не умѣлъ, по старымъ завѣтамъ, а въ часы безсонницъ звалась иногда

въ палатку царя, чтобы пѣть ессалійскія пѣсни и рассказывать сказки.

Такъ они переѣзжали изъ страны въ страну, изъ области въ область, минуя горы, рѣки, пустыни и необозримыя болота.

Послѣ одной изъ побѣдъ Александръ остановился въ глухомъ ущельѣ и пожелалъ съѣсть любимыхъ своихъ пирожковъ съ рыбой; Калла тотчасъ принялась застряпню, а чтобы дѣло шло скорѣе, послала мужа чистить рыбу къ ручью, покуда сама мѣсила сдобное прѣсное тѣсто. Поваръ разрѣзалъ рыбу ножомъ и принялся ее мыть въ горномъ ручьѣ, но лишь только струя коснулась распоротыхъ рыбокъ, какъ вдругъ онѣ оживились и ускользнули изъ руки изумленного Ксанѳа; и не только сами рыбы воскресли, но даже лежавшая на берегу выброшенная икра, на которую попадали разбѣгавшіяся волны ручья, обратилась въ мелкую рыбешку и весело поскакала въ журчащую воду. Какъ стоялъ старикъ на колѣняхъ, такъ и остался недвижимъ; прійдя въ себя, онъ возблагодарилъ благостныхъ нимфъ, показавшихъ ему такое чудо, рассказалъ по секрету все происшедшее Каллѣ, они вернулись къ ручью съ большими кувшинами, чтобы набрать чудной воды, а пи-

рожки испекли съ новой рыбой, вымытой въ другомъ, уже обыкновенномъ источникѣ. О волшебной силѣ живительной влаги старые супруги никому не сказали, а каждое утро пили по нѣсколько глотковъ изъ спрятанныхъ сосудовъ. И въ дряхлыя тѣла начала входить прежняя юность, морщины исчезали, щеки покрылись румянцемъ, волосы стали гуще и чернѣе, глаза блестяще, походка легче, голосъ болѣе звонкимъ. Отъ взоровъ царя Александра не утаилось это чудное превращеніе, когда однажды вмѣсто обычной древней старухи къ нему вошла пожилая женщина лѣтъ сорока, въ которой онъ безъ труда, но съ большимъ удивленіемъ призналъ Ксанову жену Каллу. Остро взглянувъ на вошедшую, онъ произнесъ: „супругу ли повара моего, стараго Ксанѳа, я вижу, или демоны меня обманываютъ видѣніями? или ко мнѣ вернулось младенчество и я лежу спеленутымъ? кто сбросилъ съ твоихъ плечъ тридцать долгихъ лѣтъ, добрая мать?“

Поварова жена сначала отпиралась, но потомъ, взявши страшную клятву съ царя, открыла ему все, какъ было. Александръ ничего не отвѣтилъ, но велѣлъ тотчасъ призвать къ себѣ Ксанѳа. И тотъ вошелъ

твердой походкой пожилого, но полного силы и крѣпости, мужа. Бросивъ бѣглый взглядъ, король закричалъ: „сознавайся, обманщикъ, ты утаилъ отъ меня источникъ живящей воды затѣмъ, чтобы пользоваться имъ одному? Безумецъ, думаешь ли ты, что безсмертіе можетъ быть достигнуто простыми смертными? или по приѣздѣ домой ты разольешь свою воду по мелкимъ сосудамъ и пойдешь продавать ее на рынокъ всѣмъ желающимъ? Боги одни даютъ намъ силу безсмертія, ни воля, ни случай не приносятъ намъ небеснаго дара. Ты увидишь какъ ты ошибся“. Александръ велѣлъ связать повара и помолодѣвшую Каллу и помѣстить въ деревянную клѣтку, чтобы возить за войскомъ, пока не рѣшится, что съ ними дѣлать. Слухъ о чудесной водѣ распространился по лагерю, и всѣ спѣшили взглянуть на обновленныхъ старцевъ. Самъ король каждое утро справлялся что съ узниками; конечно, онъ съ дѣтства любилъ Ксанѳа и Каллу, потому и справлялся, но почему-то всегда блѣднѣлъ и хмурился при отвѣтѣ, — „все молодѣютъ“, и чуть только ранній предутренній свѣтъ заставитъ его открыть глаза, какъ онъ ужъ кричитъ: „что узники?“ — Моло-

дѣютъ—былъ всегдашній отвѣтъ, и съ каждымъ разомъ все блѣднѣе и суровѣе дѣлался царскій ликъ. А заточенные старики, скрывъ на груди подъ одеждой склянки съ живой водою, все яснѣе и яснѣе глядѣли помолодѣвшими глазами, щеки ихъ дѣлались все глаже и нѣжнѣе, само тѣло стало болѣе гибкимъ и стройнымъ, и когда Калла пѣла ессалійскія пѣсни, ея голосъ звучалъ какъ прежде, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, когда она еще дѣвочкой бѣгала по горнымъ долинамъ, собирая красные маки. Въ своей клѣткѣ молодые супруги смѣялись шутили, играли въ камушки, словно забывъ о неволѣ, какъ беззаботныя птицы. Самимъ поцѣлуямъ вернулась давнишняя свѣжесть, словно при первыхъ признаньяхъ робкой любви.

Такъ шелъ царь впередъ, а за войскомъ слѣдовала повозка съ безопасными плѣнниками. Наконецъ впереди блеснуло плоское сверкающее море за желтою отмелью. Александръ собралъ солдатъ и велѣлъ привести на середину Ксанѳа и Каллу. Они прибѣжали какъ школьники, смѣясь и подбрасывая мячъ, а король, блѣдный, оперся на плечо Гефестіона, чтобы скрыть волненіе. Онъ началъ хриплымъ голосомъ: „Друзья и со-

ратники, сейчас вы воочью увидите, можно ли смертнымъ, рожденнымъ не отъ боговъ, здѣсь достигнуть сладкаго безсмертя.“ Затѣмъ онъ приказалъ посадить повара съ женою въ лодку, отѣхать на глубину и, навязавъ имъ камни на шеи, бросить въ море; самъ же, вставъ на одиноко стоящемъ холмѣ, смотрѣлъ окруженный друзьями, какъ исполнять его приказаніе. И лишь только всплеснувшія волны улеглись, снова сомкнувшись надъ брошенными тѣлами, Александръ, высоко поднявъ къ небу отобранные у стариковъ сосуды съ чудесною водою, громко сказалъ далеко по прибрежью разносящимся голосомъ: „Мужи и братья, вы видѣли сами, куда ведетъ гордость челоуѣческой воли, куда ведетъ путь, неуказанный Небомъ? Смертные, мы должны умирать; лишь дѣти боговъ, только сыны Аммоновы могутъ дерзать къ безсмертію.“ Онъ бросилъ на землю сосуды, и звонъ ихъ осколковъ покрылся восклицаніями толпы: „слава сыну Аммонову, герою Александру безсмертному!“ Но съ моря тонкимъ гласомъ, тростниковымъ шелестомъ донесся дѣтскій вопль: „Александръ, Александръ, смотри, казись и кайся!“

А тамъ, разсѣкая мелкія волны, мчался

тритонъ и наяда съ лицами Ксанѳа и Каллы; первый трубилъ въ витой рогъ, а та обвивъ шею другу, кричала, широко раскрывши ротъ: „Александръ, спасибо тебѣ, что ввергнулъ насъ въ море, теперъ не достигнешь, а мы не боимся ни смерти, ни скучной дряхлости. Я — Калла, и Ксанѳъ рядомъ со мною. А ты, царь, умрешь въ Вавилонѣ немилою смертію. Помни, помни“. И сверкая свѣтлыми брызгами, они исчезли вдали, гдѣ солнце садилось за плоскій мысъ. На берегу царь и войско долго молчали, но по данному знаку заревѣли трубы, застучали щиты, повозки закрипѣли и вся громада повернула назадъ отъ моря и медленно двинулась обратно въ наступавшихъ сумеркахъ. Александръ велѣлъ отроку мѣтить въ низко пролетавшую чайку и подбравъ упавшую птицу, идти впереди войскъ рядомъ съ нимъ, чтобы испытывагъ каждый ручей, не это-ли живоносный источникъ.

Но напрасно омывали чайку во всѣхъ ручьяхъ и рѣкахъ: она только дѣлалась мокрой, но жизнь къ ней не возвращалась. Когда же она начинала смердѣть отрокъ ее бросалъ и мѣтилъ въ другую.

Такъ они шли черезъ горы и долины мимо озеръ и необозримыхъ болотъ: царь впер-

ди, рядомъ лучникъ съ мертвою птицей въ рукахъ, за ними полководцы, далѣе слѣдовало войско тяжкою тучей, а позади со скрипомъ пылили повозки.

Долго они блуждали такимъ образомъ, не находя чудесной горной долины, пока Александръ не велѣлъ бросить птицъ и не стрѣлять новыхъ.

Онъ вышелъ къ войску и снова убѣждалъ въ очевидной невозможности для людей безсмертія и въ его, Александра, божескомъ родѣ. Голосъ его былъ твердъ и звонокъ, глаза сіяли и щеки пылали румянцемъ, потому что на этотъ разъ сынъ Филиппа ихъ нарумянилъ, чтобъ не смущать слабыхъ сердце царскимъ сомнѣньемъ.

„ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО“

Н. С. Гумилеву

Я Знавалъ Константина Петровича, или Костю Щетинкина еще въ бытность мою въ губернскомъ городѣ, когда онъ былъ мальчикомъ-гимназистомъ. Не то, чтобы я очень близко зналъ его, но домъ моей тетушки соприкасался дворомъ и длиннымъ фруктовымъ садомъ съ домомъ господъ Щетинкиныхъ, и маленькіе мои двоюродные братья и сестры охотно водили компанію съ веселымъ и шаловливымъ сосѣдскимъ сыномъ. Не обходилось, конечно, и безъ ссоръ, но онѣ разрѣшались или дворничихой и черной кухаркой Маврой, или кучеромъ Лукой и только въ исключительныхъ случаяхъ доходили до тетушки, которая своимъ легкомысленнымъ, равнодушнымъ характеромъ и ласковымъ попустительствомъ скоро сглаживала всякія такія неровности и неловкости, которыя при другихъ родителяхъ неминуемо приводили бы къ семейнымъ распрямъ, Мальчикъ онъ былъ, вѣроятно, не

плохой, не хорошій, живой и отнюдь не глупый, рыженькій, вихрастый, курносый; наѣзжая въ нашъ городъ только по лѣтамъ, я всегда видѣлъ Костю Щетинкина въ веснушкахъ, загорѣлымъ, съ продраннымъ локтѣмъ на замазанной курткѣ.

Вскорѣ тетушка перебралась въ Москву, такъ какъ дѣти все подрастали и нужно было подумывать о дальнѣйшемъ ихъ образованіи, я же, имѣя единственно ее связующимъ звеномъ съ провинціей, сталъ забывать нашъ городокъ и ужъ, конечно, не часто вспоминалъ рыжаго Костю.

Такъ прошло лѣтъ восемь, и житье лѣтами въ жаркомъ волжскомъ домѣ отошло въ милую даль, и стало казаться мнѣ почти дѣтствомъ, пронеслись тревожные годы новой русской „разрухи“, всѣ какъ въ пропелси нѣсколько пробудились, но, повернувшись на другой бокъ, снова стали посапывать носомъ; много лицъ отошло, исчезло, появились другія, и самъ я измѣнился вмѣстѣ со временемъ,—какъ вдругъ случайно произнесенное имя Щетинкина заставило меня встрепенуться и вспомнить многое изъ прошлаго.

Милымъ такимъ и невозвратнымъ тепломъ пахнуло; подумалось и о тетушкѣ, теперь уже

покойной, и о длинномъ фруктовомъ садѣ, и еще о многомъ, гдѣ, конечно, самъ Костя не игралъ никакой роли, но съ чѣмъ былъ какъ-то связанъ. Притомъ особенно меня заинтересовало то обстоятельство, что услышалъ я о немъ въ мѣстѣ достаточно для этого необычайномъ и въ контекстѣ нѣсколько неожиданнымъ. Помнится, говорили о Щетинкинѣ у писателя Адвентова и притомъ какъ о молодомъ поэтѣ, подающемъ большія надежды. Мнѣнія горячо раздѣлились, что почти всегда служитъ показателемъ извѣстной значительности явления. Изъ разспросовъ я узналъ, что обладающая поэтъ и есть именно тотъ малецъ, котораго я когда-то у тетушки ловилъ съ поличнымъ за кражей незрѣлыхъ яблокъ. Тѣмъ болѣе лестно мнѣ было посмотреть, что изъ него вышло. Потому, когда однажды въ томъ же домѣ, о ту пору усердно мною посѣщаемомъ, я узналъ, что въ числѣ присутствующихъ находится молодой Щетинкинъ, я съ удвоеннымъ любопытствомъ смотрѣлъ на рыжаго, постарому вихрастаго юношу съ бѣлѣйшимъ рядомъ крупныхъ зусовъ, поминутно имъ выставляемыхъ въ смущенной улыбкѣ. Я сразу призналъ его, и когда онъ протянулъ мнѣ,

представляясь, свою маленькую красную, какъ гусиная лапа, руку,—я заговорилъ съ нимъ какъ со стариннымъ знакомцемъ. Переставъ дичиться, онъ оказался по прежнему живымъ, подвижнымъ, и, повидимому, неглупымъ. Всѣ благопріятели хвалили его легкое, острое и примѣчательное по своеобразности дарованіе; насколько могли, это мнѣніе подтвердили прочитанные имъ тутъ же стихи. Говорили, что онъ занимается и прозой въ такомъ же родѣ: легкомъ, чуть насмѣшливомъ, забавномъ и ужъ отнюдь не скучномъ, что при нашей все-россійской нудности, считающей своимъ долгомъ переживать или пережевывать чеховскую неврастенію, а если и загорающейся, то исключительно ювеналовскимъ, не всегда съ разборомъ и толкомъ, паѳосомъ,—была заслуга немалая. Однимъ словомъ, я охотно присоединился къ числу тѣхъ лицъ, не слишкомъ молодыхъ, чтобы заносчиво пренебрегать, но и не достигшихъ генеральскаго брюзжанья и „цуканья“ разныхъ увядающихъ снобовъ, которые осторожно, но безъ излишней недовѣрчивости относились къ на глазахъ развивавшемуся дарованію Константина Петровича. Кромѣ того, захватывая иногда ко мнѣ, онъ заинтересовалъ

меня и самъ по себѣ, какъ человѣкъ; почему-то казалось мнѣ, что онъ представляетъ новый типъ людей, который встрѣчается, — къ добру или нѣтъ, — все чаще и чаще. Отнюдь не мечтатель, но и не тупой позитивистъ, онъ, казалось, не задавался широкими вопросами, имѣя въ то же время готовые, иногда противорѣчивые, но всегда точные и опредѣленные отвѣты на всѣ встрѣчавшіеся временные и конкретные случаи жизни. Былъ онъ крайне трудолюбивъ, добросовѣстенъ, но не тупо, съ большою бодростью и неугасшимъ аппетитомъ и вкусомъ къ жизни. Отношенія у него ко всему были ровныя, что могло бы навлечь, несомнѣнно, на него упрекъ въ извѣстной безпринципности и не прощалось ему людьми самыхъ различныхъ взглядовъ. Такое *практическое* (не въ смыслѣ устройства своихъ дѣлъ, разумѣется) воспріятіе вещей, конкретность и способность ограничивать свои отношенія даннымъ жизненнымъ случаемъ, нѣкоторое въ мѣру безсердечіе, соединенное съ ласковостью и бодростью, казались мнѣ весьма знаменательными. Готовъ я былъ Щетинкина счесть за человѣка и сильнаго, если бы дальнѣйшее теченіе его исторіи жестоко не опровергло этого моего

ожиданія. Впрочемъ, тутъ виновата была не столько Костина слабость, сколько вліяніе лица противоположныхъ совершенно стремленій и настроеній, но связаннаго со Щетинкинѣмъ достаточно близко, какъ читателямъ это скоро будетъ ясно изъ послѣдующаго повѣствованія.

Прошло довольно много времени, волею судьбы я какъ-то потерялъ изъ виду нѣсколько Щетинкина, имѣя лично большія непріятности и особую настроенность, побуждавшую меня къ уединенію и работѣ, такъ что я только и выходилъ, что къ больному пріятелю, лежавшему въ военномъ лазаретѣ, да по вечерамъ поднимался къ жившему по той же лѣстницѣ дружественному семейству, гдѣ мирная бесѣда и неліцемерная расположенность много облегчали мнѣ трудныя минуты. Но изъ своего „прекраснаго далека“ я не переставалъ слѣдить за литературными шагами своего новаго пріятеля и съ удовольствіемъ видѣлъ, что не обладая семимильными сапогами, шелъ онъ бодро и вѣрно по собственной дорожкѣ. Когда же моя душевная смута миновала и я сталъ снова выходить на свѣтъ Божій изъ добровольнаго затвора, я узналъ, что Щетинкинъ женился. На комъ онъ женился, мнѣ не

могли точно объяснить, такъ какъ жена его не принадлежала къ ближайшему нашему обществу, звали же ее Зоей Николаевной, что мнѣ также мало говорило. Само извѣстіе, разумѣется, я принялъ совершенно равнодушно, думая, что, вѣроятно, молодой человѣкъ самъ зналъ, что дѣлалъ, и будучи притомъ вполне увѣренъ, что Щетинкинъ — достаточно разсудительный и практичный человѣкъ, чтобы увлечься и поступить неосмотрительно. Женился, такъ женился, — не все ли мнѣ равно? вѣроятно, такъ нужно было.

Въ то время (1907—1908 г.) зима была крайне студеная и дружная: какъ наступили въ ноябрѣ лютые морозы, такъ мѣсяца два безъ петербургскихъ оттепелей и стояли; въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда паръ валилъ отъ лошадей и отъ людей, укутанныхъ въ шубы, изъ всѣхъ трубъ подымался и стлался дымъ, голубой при безоблачной лунѣ, пылали костры въ желѣзныхъ рѣшеткахъ, а въ домахъ казалось весело и уютно, когда на Невѣ все голубѣло - и снѣгъ, и небо, и Пушкинымъ воспѣтая игла; санки скригѣли и не одинъ „бобровый воротникъ морозной пылью серебрился“, — рискнулъ я покинуть свою келью, чтобы отправиться въ

далекій театръ на первое представленіе пьесы знакомаго мнѣ и уже совершеннаго для насъ, но еще рискованнаго и спорнаго для публики мастера. Ъхалъ я не весьма охотно, не возвратившись еще вполнѣ къ прежнимъ общительнымъ привычкамъ, но и съ нѣкоторымъ удовольстіемъ ожидая вновь увидѣть издали такихъ желанныхъ свѣтскихъ друзей.

Уже въ передней, не успѣвъ снять пальто, я встрѣтилъ немало пріятелей, а пробираясь на свое мѣсто, былъ остановленъ самимъ Константиномъ Петровичемъ. Представилъ онъ меня и своей супругѣ, оказавшейся миловидной дамой, высокой, гибкой съ тонкими, нѣсколько сухими чертами лица, большимъ ртомъ и соломенными локонами. Одѣта была нарядно, хотя нѣсколько экстравагантно, да и Щетинкинъ выглядѣлъ франтомъ. Заговоривъ со мною, она объявила, что хотя и не знакома, но хорошо меня знаетъ; я подумалъ, что это—обычная любезность, которая даже какъ-то не къ лицу экстравагантной на видъ особѣ, но когда она сказала мнѣ свою дѣвичью фамилію, то я убѣдился, что это не только правда, но и что если она меня можетъ знать, то я-то ее ужъ отлично знаю, имѣвши случай даже встрѣчаться съ нею.

Зоя Николаевна Горбунова была одной из шести дочерей нашего бывшего вице-губернатора, нѣкогда гремѣвшею на весь городъ своимъ умомъ, кокетствомъ и свободнымъ поведеніемъ.

При деньгахъ, видномъ положеніи и нѣкоторомъ желаніи такую „гремучую“ репутацію создать себѣ въ провинціи очень не трудно: начитанность мимоходомъ въ современной литературѣ на четырехъ языкахъ, дѣтскія вполне невинныя, но часто безвкусныя выходки на страхъ мирнымъ обывателямъ, нѣкоторый атавистическій жоржзандизмъ, соединеніе англійской „безумной дѣвы“ и „сорванца“, немного синяго чулка и очень много полковой барыни, — все дѣлало достаточно несноснымъ этотъ обновленный типъ кентаврессы. Впрочемъ, барышня Горбунова, дѣйствительно, была порядочно образована и невѣроятная „язычница“, то-есть хорошо знала языки и своимъ природнымъ дѣйствовала не безъ бойкости. Конечно, весь этотъ блескъ былъ довольно второсортный, но въ скупѣ провинціального житія казался, да и на самомъ дѣлѣ былъ если не замѣчательнъ, то въ небольшихъ дозахъ увеселителенъ. Зоя Николаевна занималась всѣмъ съ одинаковымъ наскокомъ:

и поэзіей, и пѣніемъ, и спортомъ, и рисованіемъ по фарфору, и сценой, все не будучи въ состояніи „себя найти“.

Грѣшнымъ дѣломъ я думалъ, что главное ся призваніе—выйти замужъ, но никакъ не могъ себѣ вообразить, что выборъ ея падеть на Костю Щетинкина, совершенно въ ея глазахъ, казалось бы, незамѣтнаго и скромнаго человѣка.

Все это я думалъ во время пьесы, оказавшейся довольно скучной, такъ что было досадно и на отношеніе публики къ произведенію, и на самого автора, который не давалъ права открыто негодовать на непониманіе публики.

Наблюдая помѣщавшихся неподалеку отъ меня Щетинкиныхъ, я нашелъ въ фигурѣ, лицѣ и манерахъ Зои Николаевны что-то польское или, вѣрнѣе, русскую подъ польку.

Въ антрактахъ мнѣ не довелось поговорить съ юной четой и мы только обмѣнивались привѣтственными улыбками, проходя другъ мимо друга, и лишь въ концѣ, во время разъѣзда, Зоя Николаевна не хотѣла простаться раньше, чѣмъ я не далъ обѣщанія посѣтить ихъ въ ближайшемъ будущемъ.

На повѣрку оказалось, что я былъ не

совѣмъ правъ, такимъ образомъ опредѣляя новую литературную даму. Она не только не оставила, выйдя замужъ, своихъ мечтаній, но, наоборотъ, остановившись на одной поэзіи, отметнула всѣ другія искусства и только и знала, что носилась съ планами будущихъ своихъ произведеній. Со всѣхъ сторонъ я слышалъ похвалы ея красотѣ, неженскому уму, таланту, а главное—„заразительности“. Говорили, что у нея такой запасъ энтузіазма, что его хватитъ на всѣхъ окружающихъ, которые загораются какъ сухія гнилушки отъ спички. Притомъ всѣ ея теоріи, и разсужденія и экзальтація направлялись къ идеѣ „высокаго искусства“, что мнѣ довольно трудно было согласовать съ достаточно противоположно опредѣленнымъ дарованіемъ ея мужа. Первое время онъ даже какъ-то стушевался, уступая мѣсто разговорамъ Зои Николаевны. Говорю: „разговорамъ“, потому что самихъ ея произведеній никто никогда не слышалъ а, такъ сказать, всякій вѣрилъ въ кредитъ. Ну, кто не ошибался! Можетъ быть, я былъ неправъ, считая ее только декадентствующей вице-губернаторской барышней, тогда какъ въ дѣйствительности она-то и есть „жарь-птица“.

Тогда еще не настала мода на таинственныхъ поэтессъ и не было такого наплыва литераторшъ, а если и появлялись испанскія и румынскія незнакомки, то въ видахъ издательскихъ или совѣмъ другихъ, — почему Зоей усиленно занялись всѣ, кому не лѣнь и у кого достаточно досуга, чтобы вмѣшиваться въ чужія дѣла. Но я рѣшилъ, подражая этимъ милымъ людямъ, все разузнать самъ и открыть тайну несомнѣнимаго совмѣщенія „высококонсусстной“ г-жи Щетинкиной и практичнаго Кости.

Сдѣлавъ своимъ посѣщеніемъ театра брешь въ свое одиночество, я уже не могъ отступать и потому не имѣлъ достаточно благоволеннаго предлога откладывать свой визитъ на Васильевскій островъ, гдѣ поселились молодые Щетинкины. Выбравъ посвободнѣе время, день, въ раннія сумерки я и отправился, пряча носъ въ воротникъ, со своей Таврической окраины на другую. Помѣстились молодые супруги совѣмъ хорошо: и не тѣсно, и не слишкомъ высоко, и не бѣдно, съ прислугами, электричествомъ, лифтомъ и прочими удобствами. Взглянувъ на обстановку передней въ стилѣ модернъ, на такую же камеристку, на букетики фіалокъ тутъ же въ прихожей, я подумалъ, что

практичный Костя вовсе не такъ опрометчивъ и что если это благополучіе привела съ собой вице-губернаторская дочка, то ся фасончики и высокое искусство можно пустить мимо ушей, тѣмъ болѣе, что стихами и романами она только грозитъ, не только ихъ не читая вслухъ, но даже еще и не приступая къ нимъ, а межъ тѣмъ въ ожиданіи тутъ и фіалки, и чухонка въ наколкѣ, и все такое. Зоя Николаевна раньше знала часть моего визита и, кромѣ того, мою аккуратность, потому, вѣроятно, и встрѣтила меня въ капотѣ (а можетъ быть, это было и платье такое), лежа на софѣ, съ англійскимъ волюмомъ въ изящной ручкѣ. Говорила томно и тонко, но потомъ нѣсколько увлеклась и стала разсуждать именно такъ, какъ я ожидалъ по разсказамъ; я самъ не заразился, но повѣрилъ, что заразить или заговорить до обморока она можетъ. Вышедшій нѣсколько послѣ Щетинкинъ былъ милъ, но молчаливъ, и, только провожая меня въ переднюю и обѣщая забѣжать на дняхъ, онъ опять улыбнулся безпечной и бодрой улыбкой.

Не понравилось мнѣ чѣмъ-то у молодой четы. И фіалки, и капотъ, и софа, и волюмчикъ и готовая „заразительность“ мнѣ:

были нѣсколько смѣшны и нарочиты, хотя я и сознавалъ, что даже если это была и приготовленная *mise-en-scène*, то всякій въ правѣ желать показать себя въ наиболѣе выгодномъ, по его мнѣнію, освѣщеніи. Возможно, что я просто былъ не доволенъ, еще не привыкнувъ наново вылѣзть изъ своей берлоги. Все можетъ быть; я скоро и забылъ объ этомъ, тѣмъ болѣе, что Костя, заходя одинъ, былъ прежнимъ, бодрымъ, безопаснымъ, практичнымъ и дѣятельнымъ мальчикомъ. Разспрашивать его о такомъ совмѣщеніи я не считалъ деликатнымъ, но вскорѣ сама судьба меня поставила изъ далскаго наблюдателя въ дѣйствующее до нѣкоторой степени лицо этой не весьма, можетъ быть, интересной, но достаточно поучительной исторіи. И не столь дѣйствующимъ персонажемъ, сколько совѣтчикомъ, и, какъ говорится, „свѣдущимъ лицомъ“.

Хотя мнѣ и не особенно понравилось у молодыхъ Щетинкиныхъ, такъ что учашать къ нимъ я не собирался, но внѣшнія отношенія не только съ Костей, но и съ его женой у меня ничуть не испортились; она часто писала мнѣ письма, такъ какъ кромѣ всего прочаго она была очень рьяной корреспонденткой. Щетинкинъ же попрежнему за-

хаживалъ ко мнѣ нерѣдко, дѣлясь своими планами писательскими, а иногда и житейскими. Однажды онъ обратился ко мнѣ съ просьбой достать ему какую-нибудь работу. Хотя видимое благополучіе Костинаго существованія могло породить нѣкоторое удивленіе, зачѣмъ ему скучная и не очень благодарная переводная (единственно, какую я могъ ему доставить) работа, но я не спрашивалъ его о причинахъ такого его желанія, разсудивъ, что благосостояніе, вѣроятно, всецѣло дѣло рукъ Зои Николаевны и что вполнѣ естественно человѣку молодому хотѣть располагать и своими, хотя бы небольшими деньгами. Устроить это было не особенно трудно, такъ какъ я безъ опаски могъ рекомендовать нашего поэта какъ человѣка небезталантливаго, трудолюбиваго и,—что въ данномъ случаѣ было нужнѣе всего,—весьма аккуратнаго.

Получая неоднократно отъ своихъ друзей приглашенія запросто у нихъ пообѣдать, я считалъ, что будетъ не совсѣмъ ловко и уже совсѣмъ не по-дружески никакъ не откликнуться на повидимому искреннее расположеніе. Пользы особенной отъ моего знакомства они не могли ожидать, веселья тоже, значитъ, люди такъ просто

полюбили, „потому что полюбили“. Хотя такія безпричинныя чувства часто и даже обыкновенно бываютъ непрочны, подвержены всяческому неожиданностямъ и капризамъ судьбы, такъ что я даже склоненъ предполагать, что въ случаяхъ большей прочности онѣ не такъ уже безпричинны и ихъ необоснованность скрываетъ какую-нибудь мелкую, глупую и потому неискоренимую причину, — но тутъ рассуждалъ не долго и отправился на далекій островъ. Дни прибавились, и румяная заря еще свѣтила въ гостиную и столовую Шетинкиныхъ, когда меня встрѣтили Зоя Николаевна и Костя. „Запростая“ трапеза была достаточно изыскана и, очевидно, строго заранѣе обдуманна, чего хозяева, впрочемъ, и не старались особенно скрывать. Но если нѣкоторая буржуазность (впрочемъ не стѣснительная и пріятная) видѣлась въ сервировкѣ, меню и чинности подающей горничной, то разговоры были непринужденными, дружескими, съ извѣстной долей философствованія. Судили о современномъ положеніи нашей братіи, особенно такъ-называемыхъ модернистовъ, причемъ г-жа Шетинкина высказывала наиболѣе пессимистическій взглядъ на дѣло. По ея словамъ выходило, что

насъ знать никто, рѣшительно не хочетъ, какъ бы мы ни старались, никакого пониманія встрѣтить не можемъ, обречены чуть ли не на голодную смерть, если не на паразитическое существованіе, что всѣ мы— „безумцы“, „пророки“ и еще кто-то и что поэтому будто бы мы не въ правѣ жить, одѣваться, говорить, поступать какъ всѣ, если это намъ нравится (что было особенно пикантно слышать за предложенною намъ трапезою),—то-есть рѣчи достаточно извѣстныя, но въ устахъ литературной дамы нашего же лагеря нѣсколько удивительныя. Видя, что краснорѣчіе Зои Николаевны какъ-то огорчаетъ съжившагося Костю, я старался сначала опровергать, какъ могъ и какъ считалъ правильнымъ, ея слова, но рѣшилъ, что лучше попросту свести разговоръ на предметы болѣе пріятныя, и заговорилъ о предстоящихъ работахъ Константина Петровича. Тотъ отвѣчалъ, что вотъ кончитъ доставленный ему мною переводъ и будетъ заниматься тѣмъ-то и тѣмъ-то,—оживился нѣсколько. Будто пропустивъ мужнины слова, Зоя Николаевна, прервала его, обратясь ко мнѣ съ увлеченіемъ о новомъ замыслѣ поэта, о которомъ онъ умолчалъ. Тема была крайне возвышенна, полутеософская и

отвлеченная, скорѣе бы подходящая къ самой говорящей, нежели къ покрасѣвшему какъ школьникъ Щетинкину. Миѣ было почти жалко обращаться къ нему за разъясненіями, но самъ Костя поторопился вступиться и подтвердилъ свѣдѣнія, данныя женой объ его работѣ. Тогда я естественно попросилъ его прочесть, коли что-нибудь уже читаемо изъ написаннаго, на что онъ согласился неохотно, говоря, что выходитъ неважно и что онъ очень опасается за будущую вещь. Однако, по настоянію Зои Николаевны онъ сказалъ нѣсколько отрывковъ, наведшихъ меня дѣйствительно на грустныя мысли. Я даже никакъ не сказалъ бы, что это туманное твореніе принадлежитъ нашему другу; конечно, оно не могло быть бездарно, тамъ и сямъ мелькали неожиданные образы, рифмы, забавныя мысли, но все это не шло къ общему тону, было ни къ селу, ни къ городу, и скорѣй досадовало, нежели радовало. Очевидно, Костя, какъ говорятъ французы, „надувалъ“ свой милый и хрупкій голосокъ, и это выходило жалко и смѣшно. Ему, разумѣется, я этого не высказывать, давъ какую-то уклончивую резолюцію по поводу его стиховъ, но онъ самъ, будто понимая, молчалъ виновато, когда Зоя Ни-

колаевна стала настойчиво требовать от меня большей восторженности. Конечно, тутъ пошли упреки и въ снобизмъ, и въ индифферентизмъ, и въ томъ, что всѣ мы не теплые, не холодные, безъ паэоса, и виноватымъ въ этомъ оказывался въ концѣ-концовъ почему-то Петербургъ.

Наконецъ я вымолвилъ:

— Можетъ-быть, это все и правда, что вы говорите, Зоя Николаевна, но вотъ я такой безчувственный петербуржецъ, что мнѣ эти стихи не очень нравятся, къ тому же мнѣ нѣсколько досадно, потому что Константина Петровича и его дарованіе я люблю и очень высоко ставлю.

Дама усмѣхнулась и спросила:

— Что же вамъ не нравится?

— А то, что это совсѣмъ къ Константину Петровичу не подходитъ.

— Вы можете и ошибаться.

— Конечно, тогда мнѣ еще досаднѣе.

— Почему?

— Да потому, что дарованіе Константина Петровича рѣдкое не только по величинѣ, но и оригинальности.

— Но можно расширяться, углубляться.

— Конечно. Но если резинку все тянуть,

такъ она лопнетъ или потеряетъ свою упругость, то-есть перестанетъ быть резинкою.

На это моя собесѣдница презрительно промолчала и предложила курить. И всѣ помолчали нѣсколько минутъ, такъ что выходило совсѣмъ неловко. Тогда я допилъ поскорѣе свой ликеръ и сталъ прощаться, ссылаясь на то, что хозяину надобно торопиться со своимъ переводомъ, что мы приятно провели время за обѣдомъ, — время все равно отнятое отъ работы, — но не настолько бездѣльны, чтобы въ болтовнѣ проходилъ еще и вечеръ. Дама поморщилась и сказала:

— Да, ужъ мнѣ этотъ переводъ, и польза не всегда бываетъ отъ работы; другіе разговоры важнѣе и дѣйствительнѣе всякой работы.

Мнѣ послышался въ послѣднихъ словахъ нѣкій намекъ и вызовъ, не желая вовсе принимать который, я промолчалъ и замѣтилъ только:

— Что же вы имѣете противъ перевода Константина Петровича?

— Да то, что Константину нужно бы заниматься совсѣмъ другимъ, а этотъ переводъ вотъ и подтверждаетъ мое мнѣніе, что шашъ, какъ мы есть, никто знать не хо-

четь, а приходится прибѣгать къ такимъ средствамъ; Костя переводить, вы пишете разныя музыки къ пѣсамъ, кто статьи, только для того, чтобы пролѣзть, и все равно никуда мы не пролѣземъ, не пролѣземъ, не пролѣземъ.

Дѣйствительно, зная нѣсколько музыку, я составлялъ иногда по просьбѣ друзей сопровожденія къ какимъ-нибудь пѣсамъ, совершенно не предполагая, что это можетъ навлечь на мою голову такія тяжкія обвиненія. Я началъ возражать, и словопренія затянулись бы надолго, если бы не приходъ двухъ какихъ-то дѣвицъ, пришедшихъ къ Зоѣ Николаевнѣ для „зараженія“. Выйдя въ переднюю, я сказалъ Костѣ:

— Зачѣмъ же вы взяли этотъ переводъ, если Зоѣ Николаевнѣ это такъ непріятно?

Тотъ отвѣчалъ, что для денегъ.

— Такъ вѣдь вы же пользуетесь извѣстнымъ довольствомъ, — говорю я и указываю ему на обстановку и фіалочки.

— Такъ вотъ для этого-то довольства мнѣ деньги и нужны.

Тутъ я понялъ, что мои предположенія о вице-губернаторскомъ происхожденіи многихъ пріятныхъ вещей были ошибочны, и я откланялся Щетинкину, пожелавъ ему

успѣшныхъ занятій, на что онъ замѣтилъ, что врядъ ли Зоя Николаевна освободитъ его отъ присутствія при „зараженіи“ для такой пустяшной вещи, какъ поддержаніе фіалочекъ въ передней и выдержанной чухонки.

Такъ какъ я былъ разстроены, то мы оба въ этотъ вечеръ не сдѣлали никакихъ шаговъ къ пролѣзанію, и не знаю, какъ Щетинкинъ провелъ свой вечеръ, но я пошелъ къ своему старинному другу, извѣстному художнику, гдѣ собралось нѣсколько самыхъ разнокалиберныхъ, но близкихъ лицъ: еще одинъ писатель, двое художниковъ, музыкантъ, чиновникъ при министрѣ двора и три молодыхъ офицера; и тамъ, въ веселой бесѣдѣ, не чувствуя обязательства быть „пророками“, „безумцами“ и „уродами“, занимаясь пѣніемъ и легкими шутками, я успокоился и, вернувшись домой, могъ опять бодро и охотно дѣлать позорное „пролѣзанье“, то-есть писать какую-то срочную и спѣшную вещь не весьма возвышеннаго стиля. Признаюсь, я поворчалъ-таки на людей, которые, заботясь о меню кушаній, совсѣмъ не заботятся о программѣ разговоровъ и, ни мало не сообразуясь съ нормальнымъ умственнымъ пищевареніемъ, угощаютъ не-

осторожныхъ посѣтителей высокими, но неудобовѣримыми матеріями. Это и необщительно и нелюбезно, да и негигіенично, такъ какъ давно признали застольную бесѣду веселой и легкой, а что въ монастыряхъ читають за трапезою „Прологъ“, только подтверждаетъ это положеніе, такъ какъ изъ всѣхъ доступныхъ монашествующей братіи книгъ безусловно „Прологъ“ — наиболѣе легкое и, если хотите, пикантное чтеніе, — духовный „Декамеронъ“, — сказалъ бы я. Такъ я ворчалъ на высокоискусстную Зою, жалѣя веселаго Костю, котораго за уши тянули къ возвышенности, гдѣ онъ уже началъ нѣсколько задыхаться. Поворчалъ, да и забылъ, разумѣется. Вѣроятно, и сама Зоя мною осталась не особенно довольна, хотя при встрѣчахъ оказывала прежнюю расположенность и все пеняла, что я ихъ забываю и проч., что принято говорить близкимъ и дружескимъ людямъ, и считался я другими знакомыми ближайшимъ къ Щетинкинымъ человѣкомъ.

Такъ прошло много недѣль, съ василье-островскими знакомыми я видѣлся не рѣдко, не часто, споровъ избѣгалъ и вообще считалъ деликатнымъ выказывать меньше интереса къ Костиной судьбѣ и къ тому, ка-

кимъ путемъ поидеть его поэзія, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Щетинкинъ переводъ свой уже слалъ и болѣе за работой ко мнѣ, но крайней мѣрѣ, не обращался; много воды утекло какъ-то въ томъ году въ короткое время, такъ что и дѣйствительно не такъ уже близко касающаяся меня исторія нѣсколько отошла на второй планъ; уѣхалъ мой другъ, что такъ долго лежалъ въ лазаретѣ военнаго училища; уѣзжалъ и племянникъ мой С. Ауслендеръ во Флоренцію. Провожая сію по дурной привычкѣ на вокзалъ, я былъ какъ то вдвойнѣ разстроены—и разлукой съ однимъ изъ немногихъ близкихъ мнѣ людей, и воспоминаніями объ итальянскомъ, въ частности флорентійскомъ житиѣ, гдѣ провелъ я много мѣсяцевъ у веселаго и строгаго канолика, донинѣ еще здравствующаго. Было совсѣмъ по-весеннему грустно и тревожно (впрочемъ, календарная весна давно уже числилась наступившей), домой не хотѣлось, и я рѣшилъ нѣсколько побродить, раньше чѣмъ замыкаться въ комнаты. Такъ брелъ я по Шалерной, перейдя отъ мечтаній объ Италиі къ планамъ, что бы я сталъ дѣлать, имѣя 500 тысячъ мѣсячнаго дохода, будучи моложе лѣтъ на пятнадцать и т. п., — вообще, голова находилась

въ столь глупо-разнѣженномъ состояніи, что я былъ почти не радъ, встрѣтивъ неожиданно Кускова, уцѣпившагося со мною бродить и благополучно зашедшему ко мнѣ. Кусковъ былъ человѣкъ хлопотливый и сердечный, то-есть онъ любилъ вмѣшиваться въ чужія дѣла больше, чѣмъ его спрашивали, и не столько практически (что, наоборотъ, онъ дѣлалъ съ наименьшею охотою), сколько совѣтами и сожалѣніями; энергію онъ проявлялъ примѣчательную, результатомъ чего была необычайная осведомленность Кускова во всемъ, что его не касалось. И въ данный вечеръ, увидя меня, онъ сразу же заажитировался, захопоталъ, сталъ меня спрашивать, откуда я иду, и въ то же время повѣствовать что-то о Щетинкинхъ, зная меня ихъ другомъ. И соединилъ это все въ довольно странный выводъ, а именно, что Зоѣ Николаевнѣ слѣдуетъ тоже отправиться въ Римъ. Мнѣ, по правдѣ сказать, довольно все это понадоѣло, и я на хлопотанье Кускова отвѣтилъ не особенно любезно, что Зоѣ Николаевнѣ, конечно, недурно прокатиться хотя бы и подальше, нежели въ Римъ. Собесѣдникъ моего тона не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить, а сталъ сейчасъ же ныскивать средства на

эту предполагаемую поѣздку, чѣмъ заинтересовалъ меня значительно живѣе. Особенно меня поразило его знаніе, точное и весьма обстоятельное, финансоваго положенія бывшей вице-губернаторской дочки и не столько само это знаніе, сколько опять выводы изъ него, имѣющіе совершенно неожиданное касательство и до меня. Если резюмировать все сказанное Кусковымъ, то выходило слѣдующее. Щетинкины отнюдь не имѣли другихъ средствъ обезпеченія, кромѣ литературныхъ заработковъ Константина Петровича, потому что хотя Зоя Николаевна и имѣла свою довольно значительную часть въ имѣніи своихъ братьевъ и сестры, но не только не требовала выдѣла, но не пользовалась даже процентами, что было бы дѣлать не очень трудно въ виду ея неплохихъ отношеній съ родственниками. Почему это такъ вышло, было никому непостижимо; сообщившій мнѣ видѣлъ въ этомъ особую деликатность, я же болѣе склоненъ былъ видѣть нѣкую гордость, достаточно, впрочемъ, необъяснимую. Все это было, конечно, не такимъ образомъ формулировано и изложено весьма взволнованно и бессистемно, на мою же долю будто бы выпала миссія поговорить по этому поводу

съ данною персоною и, такъ сказать, образумить ее. На всѣ мои отнѣкиванья Кусковъ, ероша свою пепельную копну, доносилъ, что я, молъ, ихъ лучшей другъ, сдѣлать мнѣ будетъ это не трудно, а Константину Петровичу приходится очень круто. Все это мнѣ казалось довольно нелѣпымъ: и фіалочки, и стѣсненность положенія, и наряды, и недовольство переводами; я уже оставляю въ сторонѣ теоретическія разсужденія, такъ какъ они-то чаще всего не сходятся съ практикой; ища всегда разумныхъ или по крайней мѣрѣ обозримыхъ разуму причинъ всяческихъ явленій, я подумалъ, что, имѣя нѣкоторую сумму вначалѣ, Щетинкины обзавелись, одѣлись и сѣли на мель, что было, конечно, не совсѣмъ благо-разумно, но понятно. Говорить на счетъ выдѣла съ Зоей я отказался на-отрѣзъ, а рѣшилъ предложить ей какія-нибудь занятія, воспользовавшись ея „язычествомъ“. Специально для этого я никакихъ шаговъ не дѣлалъ, но, бывая тамъ и сямъ, все время держалъ въ умѣ Костину жену. Набродилъ такимъ образомъ я ей нѣчто подходящее по моему разумѣнію. У отцовскихъ еще моихъ знакомыхъ было двѣ дочери, княжны, дѣвушки взрослыя, не глупыя, ко-

торымъ скорѣе нужна была не руководи-тельница, сколько старшая подруга и раз-вивательница. Само семейство, хотя и тонное, было по-русски радушно и богато. Туда-то я и хотѣлъ направить Зою Николаевну и написалъ ей письмо на этотъ предметъ, обернутое такимъ образомъ, что, молъ, это болѣе желательно для княжескихъ дѣво-чекъ, нежели для нея самой. Черезъ нѣ-сколько дней получилъ я краткое пригла-шеніе пожаловать на островъ днемъ, при-чемъ приписка гласила: „Будемъ мы только вдвоемъ“. Зачѣмъ ей понадобилось быть вдвоемъ, я себѣ ясно не представлялъ, но отправиться не преминулъ. На этотъ разъ Зоя была въ выходномъ суконномъ платьѣ, но лежала на той же софѣ, имѣя въ ру-кахъ не англійскій волюмчикъ, а какую-то бумагу (не-то счетъ, не то чекъ), которую она при моемъ появленіи спѣшно вложила въ разорванный сѣрый конвертъ.

Начала она прямо, безъ всякаго предва-ренія:

— Я вамъ очень благодарна, Михаилъ Алексѣевичъ, но заниматься съ вашими знакомыми я не буду.

— Могу ли узнать причину?

— Миѣ нѣтъ времени.

Признаюсь, такого отвѣта я ожидалъ меньше всего и покорно поклонился, но, желая оказать дѣйствительную услугу, а не формально исполнить свою обязанность, я снова началъ:

— Зоя Николаевна, можно говорить съ вами откровенно и дружески?

— Пожалуйста, — молвила та не весьма пригласительно.

— Я желалъ бы вамъ быть полезенъ дѣйствительно, такъ какъ очень расположенъ и къ вамъ, и къ Константину Петровичу. Вы простите меня за нескромность; вы въ самомъ дѣлѣ такъ заняты, какъ вы говорите, или вамъ не требуется добавочной статьи дохода?

Зоя Николаевна встала, прошла, опять сѣла и все сжимала ладонями виски, будто они у нея стыли. Я ее еще не видѣлъ въ такомъ возбужденномъ состояніи. Наконецъ, она сказала:

— Я буду съ вами тоже откровенна, Михаилъ Алексѣевичъ; вы угадали: наше положеніе очень плохо; помните, вы на меня напали, когда я говорила, что современные писатели, не появившіе случайно въ тонъ толпы, осуждены на жалкое существованіе, — вотъ мои слова на дѣлѣ подтвержда-

ются. Вы смотрите на обстановку? Конечно, мы живемъ не въ подвалѣ, ходимъ не въ рубищѣ, я бы этого не могла, но вѣдь это же бѣдность, самая настоящая нищета! Я благодарна вамъ, что вы захотѣли намъ помочь, но я дѣйствительно не могу принять наше предложеніе. Я не могу прекратить ту дѣятельность, которой я предана, и считала бы грѣхомъ опъ нея отказываться, хотя бы вслѣдствіе этого моего отказа устранилось и мое, и близкихъ мнѣ благополучіе.

— Что же теперь дѣлать? — спросилъ я какъ бы въ раздумьи.

— Да, „что дѣлать“? — повторила и она, сжимая стынущіе виски. — Конечно, я могла бы обратиться къ родственникамъ, даже потребовать выдѣла, но этого я тоже не могу и не хочу.

Сказавъ это, она какъ бы развязала мнѣ руки, и я спросилъ, чего самъ первый не посмѣлъ бы сдѣлать безъ ея откровенности:

— Почему же вы не попросите выдѣла, разъ вы право на это имѣете, для того, чтобы свободно отдаться вашему призванію.

Такъ какъ она молчала, то я повторилъ, какъ могъ мягче:

— Отчего вы этого не сдѣлаете? Вѣдь гордость тутъ была бы, согласитесь, неуѣстна; если же это извѣстный либерализмъ, то, простите, вѣдь онъ отражается на горбѣ вашего же мужа и едва ли хорошо либеральничать на чужой счетъ.

— Конечно, вы правы, но я не могу на это рѣшиться, это выше меня.

Я видѣлъ, что подѣлать я ничего не могу, и спросилъ на прощанье:

— Я буду до конца нескромнымъ и выражу желаніе узнать, почему вы хотѣли, чтобы этотъ разговоръ былъ съ глазу на глазъ? Можетъ-быть, вы имѣете сказать мнѣ что-нибудь?

— Вы угадали...—отвѣтила она и умолкла.

— Что же именно?

Она, будто набравшись храбрости, просто и опредѣленно мнѣ сказала:

— Достаньте мнѣ гдѣ-нибудь тысячь десять на три года, конечно за небольшіе проценты.

Я ожидалъ всего, но не этого, почему возразилъ съ неподдѣльнымъ изумленіемъ:

— Что вы, Зоя Николаевна, откуда же у меня будутъ такія деньги?

— И достать неоткуда? — спросила она, прищуривая глаза.

Быстро перебравъ въ умъ всѣ возможно-
сти, я отвѣтилъ отрицательно.

—Ну, что же дѣлать? Нельзя, такъ нель-
зя. Да и все равно ничто не поможетъ!—
сказала она и позвонила, чтобы давали чай.

Та же горничная въ наколкѣ подавала
намъ англійское печенье, варенье изъ дыни
и дымящіяся чашки, межъ тѣмъ какъ Зоя
Николаевна все сжимала виски, повторяя
на парижскомъ діалектѣ:

— Вѣдь мы нищіе, буквально нищіе!

Прощаясь, я еще разъ просилъ подумать
о выдѣлѣ, который, по моимъ расчетамъ,
составилъ бы сумму тысячъ въ пятьдесятъ.
Зоя, даже уже не говоря ничего, только
потрясла головой отрицательно. Такъ я
ушелъ, не исполнивъ своей миссіи и опять
съ досадою на странное понятіе о гордости
этой, хотя и вице, но все-таки губернатор-
ской дочки.

Съ тѣхъ поръ я не видалъ Щетинки-
ныхъ до самаго лѣта, когда уже въ концѣ
іюня я отправился въ Новгородскую губер-
нію, гдѣ оставался до глубокой осени, пред-
полагая даже зазимовать тамъ. Тамъ, среди
прозрачныхъ озеръ, осенней прозрачностью
прозрачнаго неба, пестроты сентябрьскаго
лѣса, стеклянной тишины воздуха, я былъ

неожиданно пробужденъ письмомъ Кускова, который безъ всякихъ объясненій сообщалъ мнѣ, что Костя Щетинкинъ застрѣлился.

— Какъ? Что? Зачѣмъ? Почему?

Я быстро поскакалъ въ тотъ же вечеръ, весь семичасовой переѣздъ думая, какъ могло случиться это несчастье. Но что ни придумывай, настоящей причины поступковъ и отъ живого-то человѣка трудно добиться, а съ мертваго чего же и спрашивать, всѣ же домыслы окружающихъ—не болѣе какъ домыслы, и если представляютъ интересъ, то лишь по отношенію къ тому, кто ими занимается, но отнюдь не къ предмету ихъ догадокъ. Такъ и я, продумавъ семь часовъ, ворочаясь на ночномъ вагонномъ диванѣ, ничего, конечно, не придумалъ кромѣ того, что было мнѣ и безъ думъ извѣстно.

Костю и его искусство я зналъ, Зою Николаевну тоже успѣлъ разглядѣть, несомнѣстимость ихъ была очевидна, „нишета“ не подлежала сомнѣнію; колебанія, шатанія и паденіе Костины, происшедшія вмѣсто истинны отъ столкновенія этихъ двухъ миѣній, тоже были доступны всякому непредубѣжденному взору, но всѣ эти бѣды были весьма поправимы чѣмъ-нибудь другимъ, а не выстрѣломъ.

Какъ бы тамъ ни было, но не безъ горечи и смуты переступалъ я порогъ церкви, гдѣ отпѣвали бѣднаго Щетинкина. Кусковъ распорядился, отдавая усоншему товарищу послѣднее хлопотанье; какъ и всегда, когда присутствуютъ не только близкіе родные и друзья, только у самага гроба публика хранила должную чинность, въ заднихъ же рядахъ, гдѣ остался я, царили достаточные „гомонъ и толкъ“.

Кусковъ защищалъ Зою отъ нареканій другого знакомаго, который утверждалъ, что именно ея „заразительность“—то и погубила Костю.

Глуховатая старушка, пробиравшаяся поклониться гробу, остановилась въ недоумѣніи:

— Какъ же говорили, просто покойничекъ, а выходитъ, что заразный?

Я успокоилъ ее, и она побрела впередъ, и же вышелъ на паперть, посмотрѣлъ на желтыя деревья, сице въ этотъ день небо, отнесъ свои цвѣты на приготовленную могилу и уѣхалъ, не повидавъ Зои Николаевны.

Еще недавно я слышалъ, что она продолжаетъ свое „зараженіе“ въ нѣсколько другихъ кругахъ, молва о приготовляе-

мыхъ ею, но никѣмъ не слышанныхъ произведеніяхъ растеть, о Костѣ она сожалѣть главнымъ образомъ потому, что онъ не кончилъ той пресловутой поэмы, отрывки изъ которой онъ читалъ тогда за обѣдомъ.

Обобщеній я не дѣлаю, но рассказываю, что случилось, предоставляя выводы производить читателю самому, если ему это не скучно.

Все проходить, конечно, и ко всему привыкаетъ человѣкъ, но теперь я гораздо больше понимаю слова св. Ефрема Сирина: „духъ праздности, унынія и любоначалія не даждь ми“,—ибо отъ этихъ духовъ происходитъ возвышенное и унылое празднословіе и отвращеніе отъ жизни съ ея трудами и радостями.

Августъ 1910.

НЕЧАЯННЫЙ ПРОВАНТЪ

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ

Въ ту зиму проводилъ я предпраздничные дни и вечера довольно для себя необычно: зансенный на далекій сѣверъ, я спѣшилъ то на маленькихъ взлохмаченныхъ лошадяхъ, покрытый тремя шубами, то, наконецъ, въ тряскомъ вагонѣ архангельской дороги, чтобы встрѣтить рождающаго Христа, Его звѣзду, волхвовъ и вертепъ не въ пути, а на твердомъ и осѣдомъ мѣстѣ, въ кругу друзей и родственниковъ. Особенно же настаивалъ на этомъ мой спутникъ, петербургскій торговецъ старинными иконами, книгами и всякой древней рухлядью; и день и ночь мы катили по замерзшимъ озерамъ и болотамъ, по дикимъ лѣснымъ горамъ, просыпаясь отъ крутыхъ спусковъ,—такъ что все-таки въ вагонѣ, съ топящейся печью и освободившись отъ шубъ, мы считали себя почти уже на мѣстѣ и какъ о прошломъ заговорили о лютыхъ морозахъ, отъ которыхъ по дере-

вяннымъ угламъ избъ стоитъ трескъ, ровно пушечная пальба. Предчувствуя петербургскія оттепели, спутникъ мой вымолвилъ:

— Да, въ Петербургѣ, можно сказать, сиротская зима, прямо для нищей братіи.

— Не знаешь даже, что хуже, холоднымъ быть или голоднымъ.

— Голоднаго, нишется, Богъ пропитаетъ,—сказалъ торговецъ и даже перекрестился.

Тутъ въ нашу бесѣду вмѣшался молчавшій до той поры незнакомецъ, единственный, кромѣ насъ, въ вагонѣ. Обративъ на него свои взоры, мы увидѣли безбородаго человѣка, съ острымъ носомъ и бѣгающими глазами; одѣтъ по-мѣщански. Удивительные въ немъ были только глаза, которые, когда переставали бѣгать, оказывались необыкновенной величины и прозрачности, съ такимъ выраженіемъ чистоты и удивленной наивности, что было даже странно, какъ могли они только что бѣгать по сторонамъ, а не все время смотрѣть на собесѣдника свѣтло и неподвижно. Владелецъ этихъ глазъ и вмѣшался въ нашъ разговоръ высокимъ, нѣсколько охрипшимъ голосомъ. Сначала онъ молча улыбнулся на крестное знаменіе моего сосѣда, потомъ

произнесъ застѣнчиво: „Знаете, выходятъ иногда престранныя оказіи съ пропитаніемъ“. Не ожидая никакъ новаго собесѣдника, мы промолчали, а тотъ продолжалъ съ еще большею запинкою:

— Вы простите, господа хорошіе, что я такъ вступаю; я въ томъ расчисленіи говорю, что иногда большія неуройства выходятъ съ такимъ вотъ неожиданнымъ пропитаніемъ, какъ ихъ степснство изволили сказать. Случай такой былъ у насъ въ монастырѣ.

— А развѣ вы изъ монастыря?

— Три года, какъ вышелъ, а то пятнадцать лѣтъ безвыходно въ обители пребывалъ.

— Да сколько же вамъ лѣтъ?

— Тридцать три года,—былъ отвѣтъ и тотъ же удивленный взглядъ въ упоръ.

Я удивился; спутникъ же мой, толкнувъ меня локтемъ въ бокъ, только прошепталъ: „За чемоданчикомъ-то, ваше благородіе, присматривайте“. Большой любитель старомодныхъ вагонныхъ встрѣчъ и лѣсковскихъ „разказовъ кстати“, я усѣлся поудобнѣе и, въ ожиданіи монашескаго „à propos“, вымолвилъ: „Какой же былъ случай въ вашемъ монастырѣ? Подѣлитесь, если возможно“.

— Да занятнаго мало, хотя, съ другой стороны, и разительное совпаденіе. Разсказать, конечно, можно.

Послѣ такихъ, довольно обычныхъ предисловіи, нашъ попутчикъ передалъ намъ слѣдующее повѣствованіе, которое я, въ свою очередь, постараюсь пересказать наиболѣе связнымъ и краткимъ манеромъ, сохраняя, насколько возможно, стиль первоисточника. Вотъ что мы услышали подъ ровный стукъ вагона, я—удобно расположившись на волчьей шубѣ, спутникъ же мой—дѣлая видъ спящаго, но неукоснительно наблюдая за цѣлостью нашего багажа.

— Въ старину нашъ монастырь славенъ былъ, богатъ, но съ теченіемъ времени все падалъ и падалъ, одно время былъ даже обращенъ въ женскій, и къ настоящему времени отъ всего прошлаго богатства и славы остались только прочныя, неистребимыя постройки, древнее книгохранилище, да старинныя ризы, наполовину отосланныя въ музей. Келій было такъ достаточно, что не только большинство стояло заколочеными или было обращено въ кладовыя, въ которыхъ, кстати сказать, крысамъ мало было чѣмъ поживиться, но на братію даже

приходилось чуть не по двѣ келіи на душу. Деревень кругомъ верстъ на двадцать пять никакихъ, а которыя и за двадцать пять верстъ, такъ до того убоги, что прибыли отъ нихъ обители никакой не бывало. Побогаче и постепеннѣе мужики—все старовѣры, а православные, которые не пьяницы, столь нищи, что самимъ впору Христовымъ именемъ питаться, а не то, что монастырю помогать. Въ ближайшемъ городѣ—то же самое, и хотя была у насъ гостиница, но всегда почти пустовала или же занята была дальними приѣзжими. Однажды по веснѣ приѣзжалъ къ намъ даже художникъ изъ Петербурга, долго жилъ, все писалъ снимки съ воротъ, да съ башенъ, да съ иконъ,—но серьезной публики посѣщало насъ мало. Братіи было очень немного, люди были все немудрящіе или, какъ говорится, „препростые“. Бѣдность ихъ была подлинная, такъ что нерѣдко приходилось задумываться просто о дневномъ пропитаніи. Какъ-то къ той порѣ, когда случилось то происшествіе, что я намѣренъ вамъ рассказать, эта нужда особенно усилилась и именно къ сочельнику. Всѣ готовятся встрѣтить Рождество Христово радостно и обильно, а у насъ и крысы даже всѣ разбѣжались. Говорятъ, что,

наѣвшись, трудно пѣть, да ужъ и на голодный желудокъ—не приведи Господи; колокола—и тѣ будто въ великій постъ звонятъ. Мнѣ, какъ человѣку о ту пору молодому, можно сказать отроку еще (шелъ мнѣ тогда девятнадцатый годъ), все ни-почемъ, къ монашеской жизни былъ еще жаденъ, развожу себѣ каноны и въ усъ не дую.

И вотъ въ такос-то бѣдственное время пожаловали къ намъ печальныя гости: старая старушка и молодая барыня, чиновница ли, купчиха или помѣщица,—кто ее знаетъ? Мы всѣ переполошились: чѣмъ же мы гостей дорогихъ кормить-то будемъ? Гости-никъ имъ даже докладываетъ, что такъ-то и такъ-то, какъ бы на пищу обиды не вышло, но барыня только бровями повела и говоритъ съ безпечностью: „Ничего, отецъ, мы не прихотливы, будемъ ѣсть то же, что и вы, а если не дадите, такъ у насъ и съ собой закуска есть“. Таково-то шутить и ручкой на два большіе тюка показываетъ. Но тюки-то попросила на ледникъ отправить, закуски же изъ небольшой корзинки стала доставать: икру, семгу, балыкъ, ну, что мірянамъ въ посту полагается. И мы нѣсколько успокоились, думаемъ: навѣрное

въ тюкахъ всякая живность замороженная, двумъ женщинамъ не съѣсть, а коли прогостятъ до праздника, такъ и на нашу долю кое-что перепадетъ. Барыня наша все шутитъ и весело разговариваетъ, но видъ невеселый показываетъ: то брови сдвинетъ, то вдругъ говоритъ, говоритъ, оборветъ и задумается, станетъ одну и ту же тарелку со стола на комодъ, да на столъ съ комода переставлять, то въ застывшее окно на алую зорю смотрѣть примется. Безъ шубы оказалась худенькой, въ родѣ дѣвочки, сама румяная, волосы черные, какъ сажа, заплетены хитро, а глаза величиной со старинные часы карманные, какъ вскипетъ ими, даже жутко становится. Старуха же, надо полагать, была нянькою или какою другою служащей, а можетъ, и родственницей по-купечески состояла; звали ее Леонтьевой, барыню же молодую звали Зинаидой Павловной.

Такъ прожили онѣ дня два, ходили не ко всѣмъ службамъ и все справлялись, какимъ манеромъ къ намъ депеши доходятъ, а мы отродясь и депешъ-то никакихъ не получали. Молилась Зинаида Павловна усердно, но въ мѣру, и видно было, что что-то ее беспокоитъ. Потомъ службы три барыня

наша пропустила, нянюшка говорила, занемогла ея хозяйка; хотѣли за лѣкаремъ снарядить въ городъ, но больная отказалась и стала домашнія травы пить. Какъ-то полъ вечеръ возвращался я изъ лѣсу съ дровами, какъ слышу изъ гостиничнаго окна стучить мнѣ наша гостья. Привязалъ я лошадь къ столбу, взошелъ на крыльцо, у дверей замолитвовалъ, изнутри сказали „аминь“, но никакого движенія, ни шаговъ не слышно. Вхожу—никого; изъ-за перегородки слабый голосочекъ наша госпожа подаетъ: „Войдите ко мнѣ, я не совсѣмъ здорова, но одѣта. Леонтьевна побрела куда-то, оставила меня, скучно очень, да и дѣло къ вамъ есть“.

— Какое же говорю, у васъ ко мнѣ дѣло, Зинаида Павловна,—а за перегородку вступить не смѣю. Самъ думаю: какъ же, вотъ, въ окошко стучала, а съ кровати сойти не можетъ?

— Стучать меня изволили?—спрашиваю.

— Звать я васъ не звала, но видѣть васъ очень рада, къ тому же у меня и дѣло къ вамъ есть, Алеша.

Правда, что меня Алксѣемъ звать, но какъ же она это знаетъ и зачѣмъ все одно и то же про дѣло твердить? Какое у нея

ко мнѣ дѣло можетъ быть? Подумаль я, такъ и промолвилъ:

— А мнѣ показалось, что вы въ окно меня стучали.

— Я не стучала, вамъ почудилось, — отвѣтила та все еще изъ-за перегородки.— Войдите сюда, я одѣта, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Перекрестился я потихоньку и вступилъ. Зинаида Павловна, дѣйствительно, одѣтою лежала, разметавшись, сама блѣдная, а щеки огнемъ горять, и глаза еще больше слѣзались и чернѣе. На столикѣ огарокъ горитъ, и пачка писемъ лежитъ. Стою я и молчу, и она молчитъ, въ потолокъ смотритъ. Я кашлянулъ, а она, не сводя глазъ съ потолка, тихонько шепчетъ: „Боже мой, Боже мой, чо жъ это будетъ?“, и, не моргая, горько заплакала. Я ступилъ шагъ впередъ и спрашиваю:

— Что съ вами, госпожа Зинаида Павловна? я за Леонтьевной сбѣгаю, у васъ горячка, навѣрное.

Но она головой покачала, что, молъ, не надо, и тихо же продолжаетъ:

— Вы, Алеша, челоуѣкъ чистый и монахъ; скажите мнѣ по совѣсти, можетъ ли челоуѣкъ изъ любви любимаго челоуѣка убить

и не извергомъ самому остаться? — И вскинула на меня глазами. Подумаль я и отвѣчаю:

— Хоть я и монахъ, но до чистоты мнѣ далеко, а что насчетъ того, что вы спрашиваете, такъ я этого сказать вамъ на себя взять не могу. Это у старцевъ надо спрашивать, а я еще молодъ и эти дѣла мало знаю.

Но собесѣдница моя будто отвѣта и не слушала, снова глаза завела и говорить:

— И не извергомъ самому остаться?.. Сколько, вы думаете, мнѣ лѣтъ, Алеша?

— Лѣтъ двадцать, двадцать три.

— Много больше, не угадали.—Разсмѣялась и задумалась, потомъ снова начала:

— Холодно сегодня, Алеша?

— Не особенно.

— А я все зябну.

— Хорошо печи топлены; вы не ишаче, какъ нездоровы; напрасно за лѣкаремъ не погнали тогда.

— Нѣтъ я здорова.

— Какое же ужъ это здоровье.

Помолчавъ, я снова завелъ:

— Какое же у васъ дѣло ко мнѣ, Зинаида Павловна?

Будто вспомнивъ что, гостья говоритъ:

— Ахъ, да, дѣло; не помню, право, страшно мнѣ чего-то одной.

Тутъ въ двери стукнули, барыня на кровати вскочила и — хватъ меня за руку, а рука какъ огонь: „Тише, говорить, это Петръ Прохоровичъ!“

Я озираюсь и говорю: „Никакого Петра Прохоровича нѣтъ у насъ, откуда ему взяться? Не извольте разстраиваться“.

Успокоилась слегка, легла, и съ улыбкой отвѣчаетъ: „Это глупо, конечно, я нервничаю. Какъ онъ съ погребца сюда придетъ? Вы правы, да не совсѣмъ“, — добавила она совсѣмъ спокойно и даже какъ бы съ усмѣшкой. Стучала это Леонтьевна; та и къ нянькѣ съ тѣмъ же вопросомъ: „Холодно сегодня, Леонтьевна?“

— Холодно да не совсѣмъ, голубка, скоро ѣхать пора.

Тутъ я вступилъ: „Какъ же вы, сударня, въ такой хворости въ путь отправитесь?“ Но старуха отвела меня къ двери и говоритъ: „Шелъ бы ты, брате, въ церковь, а я госпожу спиртомъ натру“. А барыня по постели заколотилась и кричить: „Какъ я поѣду?! Не могу я съ нимъ разстаться!“ Постоялъ я за дверью, послушалъ, но барыня не унималась, а пуще прежняго, на манеръ

кликнуть, выкликать начала. Такъ я ушелъ, а она все колобродила.

Послѣ службы рассказалъ я отцу игумену все, что видѣлъ и слышалъ, тотъ пожевалъ губами и сказалъ: „И пусть лучше уѣзжаетъ, это она тебя на любовь прельщала“.

На утро наши гости, дѣйствительно, спозаранокъ собрались и уѣхали, а тюки, какъ мы и предполагали, оставили намъ на поминъ души раба Божьяго Петра и за здравье Зинаиды. Сама-то Зинаида, уѣзжая, виѣ себя была: глаза мутные, щеки, что огонь, слезы рѣкой льются, сама все что-то причитасть и въ няньку прячется, чтобы словъ не разобрать. Приказанья всѣ Леопольевна отдавала. Такъ, въ такой разстройкѣ и уѣхали.

Въ сочельникъ пошли мы провіантъ чудесный смотрѣть,—и что бы вы думали? Въ обонхъ тюкахъ, вмѣсто индюшекъ, куръ, гусей,—мертвое тѣло, въ куски изрѣзанное, замороженное и камфарой пересыпанное. Голова отдѣльно, руки, ноги—тоже, туловище тоже врозь. Мужчина молодой, видный, полный, рослый и бѣлый. Всѣ мы какъ шарахнемся, по кельямъ дрожимъ, потому начальству дали знать, не помнимъ, какъ и праздники провели.

Потомъ въ газетѣ уже прочитали, что это былъ Петръ Прохоровичъ, котораго изъ ревности жена его, Зинаида Павловна, убила, разрѣзала, заморозила и съ собою недѣли три возила, пока до насъ не довезла. Оправдали ее; говорятъ, что въ любовномъ безуміи была, а по мнѣ, такъ не похожа была на сумасшедшую.

Вскорѣ я изъ монастыря ушелъ, годъ пробродилъ, опять прищелъ; гдѣ только не былъ? Но никто на Зинаидинъ вопросъ мнѣ отвѣта не далъ.

— Это насчетъ чего же?

— Насчетъ изверговъ.

Разсказчикъ умолкъ, а я спросилъ его:

-- А что же съ ней потомъ случилось?

Глаза вдругъ забѣгали и, запинаясь, онъ отвѣтилъ:

— Не знаю и самъ.

— Вы все-таки вѣдь ее искали и теперь ищете?

Еле слышно тотъ прошепталъ:

— Можеть быть.

ОПАСНЫЙ СТРАЖЪ

ВЫ бы ошиблись, подумавъ, что этотъ небольшой, но густой садъ съ круглой клумбой астръ и съ пестрой листвою осеннихъ деревьевъ, деревянная скамейка со спинкою, балконъ съ лѣстницей къ песчаной дорожкѣ, деревянный домъ съ мезониномъ и раскрытыми окнами, скворешникъ на высокой соснѣ, бѣлые барашки по холодной лазури,—что все это находится гдѣ-нибудь въ Тургеневской усадьбѣ или на заглохшей дачѣ, — все это находилось не только въ городѣ, но даже въ Петербургѣ и въ наши дни. Вы убѣдились бы въ этомъ тотчасъ, какъ приглядѣлись бы къ лицамъ, оживлявшимъ этотъ осенній пейзажъ, и если видъ мечтательно сидѣвшей на ступенькахъ молодой женщины въ розовомъ платьѣ съ книгой въ рукахъ не вполне утвердилъ бы васъ въ этомъ, то ужъ не могло бы остаться никакого сомнѣнья при взглядѣ на дѣвушку въ модной прическѣ и узкомъ

тоже розовомъ платьѣ, играющую въ крокетъ съ высокимъ плотнымъ студентомъ и двумя подростками. Молодая женщина мечтательно смотрѣла на играющихъ, и лишь шелестъ книжныхъ листовъ, которые гѣжно переворачивалъ вѣтеръ, временами выводилъ изъ задумчивости разсѣянную чтицу. Взрослые игроки не внимательно слѣдили за ходомъ игры къ большому негодованію младшихъ партнеровъ, которые съ визгомъ торжествовали, когда удавалось угнать шаръ черезъ всю площадку, клумбу, дорожку, высокую траву, отверстія широкой рѣшетки, — на мощеную дорогу къ воротамъ; и стукъ шаровъ задорно мѣшался со стукомъ колесъ, шумомъ трамвая за заборомъ и далской корабельной сиреной. Изъ комнатъ доносились звуки Мендельсоновскихъ дуэтовъ, потомъ заплѣли что-то вродѣ Грига. Положивъ розовую ручку на зеленый рукавъ сюртука, дѣвушка подошла со своимъ кавалеромъ къ лѣстницѣ и звонко сказала нѣсколько капризнымъ тономъ: „мама, мы съ Сергѣемъ Павловичемъ пойдсмъ прогуляться, хорошо?“

— Идите, идите! — медленно отвѣтила та.

Никто бы не сказалъ, когда эти женщины стояли другъ противъ друга, что это

мать и дочь; сестры самое ббльшее: тѣ же томительно черные волосы, густыя, готовыя нахмуриться брови, смугловатое съ румянцемъ лицо, сочный розовый ротъ, нѣсколько сутуловатая, крѣпкая (особенно у дочери) фигура, не маленькія руки, бѣлые зубы. И если матери въ сорокъ два года казалось двадцать восемь, то дочери въ девятнадцать можно было дать двадцать пять. Сильный подбородокъ придавалъ что-то не совсѣмъ русское ихъ лицамъ.

Дѣти, запрыгавъ, стали кричать: „И мы пойдемъ съ Вѣрочкой и Сергѣемъ Павловичемъ“. Но дама остановила ихъ ручкой, молвивъ мягко: „Нѣтъ, дѣти, съ Вѣрочкой вы не пойдете; отправляйтесь на качели, а потомъ спать, тетя Катя давно ждетъ съ ужиномъ“. Сама же, спустившись въ садъ, она долго ходила по дорожкѣ, руки за спину, мечтательно и какъ то сладко улыбаясь. Облака въ вышинѣ порозовѣли, на улицѣ зажгли фонари; въ домѣ уже не пѣли Грига, а стучали ножками и тарелками; изрѣдка со свистящимъ шумомъ пролеталъ вагонъ, изсѣкая синія искры изъ проволоки, да вдали не унималась сирена. На балконъ выпло еще двѣ женщины, одна изъ нихъ позвала: „Лидя, ты въ саду?“

— Да — отозвалась изъ сада ходившая.

Опершись о столбикъ, стоявшая на балконѣ продолжала: „Каковъ вечеръ! я не жалѣю, что мы раньше пріѣхали въ городъ“.

— Обыкновенно ты возвращалась въ октябрѣ.

„А гдѣ Вѣрочка?“

— Она пошла пройтись.

„Съ Павиликинымъ?“

— Съ нимъ.

„Это ты ихъ послала, Лида?“ — улыбнувшись, промолвила старшая.

Лидія Петровна съ легкимъ смѣхомъ поднялась по ступенямъ, обняла сестру и, цѣлуя ее, прошептала: „Я ихъ не посылала; но я такъ сдѣлала, что они пошли, — смотри, смотри и сдѣлала“.

Она еще разъ поцѣловала свою сдѣлющую сестру, обняла другую женщину, и втроемъ, затянутая, въ свѣтлыхъ платьяхъ будто молодая дѣвушка, онѣ вошли въ комнату, гдѣ за чайнымъ столомъ сидѣло штукъ восемь дѣтей разнаго возраста, весело смѣясь, глухая бабушка въ чепцѣ мазала хлѣбъ масломъ, а краснощекая фрейлейнъ въ самоварномъ пару раздавала дымящіяся чашки. У пьянино горѣли свѣчи, на столѣ было чисто и аккуратно, тарелки были украше-

ны русскими пословицами, а въ корзинахъ у окна стояли фикусы и драцены.

Вѣрочка вошла въ комнату, не снимая шляпы, разрумѣнившаяся, легкой походкой, держа нѣсколько розъ въ рукахъ. Дѣти повскакали со стульевъ, шумно радуясь, а она тою же радостной поступью подошла къ Лидіи Петровнѣ и, протягивая ей цвѣты, сказала: „Это тебѣ, мама“.

— Спасибо, милая; тебѣ весело было?

„Да, мама“, — серьезно отвѣтила дѣвушка.

Мать, глядя ее по волосамъ, прошептала, будто дохнувъ въ синія кудри: „Передъ сномъ зайди ко мнѣ въ спальню, дитя“.

Та вскинула большими рѣсницами удивленно, но помолчавъ, молвила просто: „да!“—и сѣвъ за пьянино, шумно заиграла какую-то трудную пьесу.

.

Всѣ, бывшіе въ первый разъ въ семействѣ Гроделіусъ, поражались, главнымъ образомъ, большимъ количествомъ людей, живущихъ подъ одною кровлей, особенно женщинъ. Потомъ, когда разберешься, какъ кто кому приходится, ихъ казалось уже не такъ много, но въ первую минуту—бабушка, Лидія Петровна, тети Катя, Лена и Со-

ня, Вѣрочка и шесть подростковъ, между которыхъ какъ-то терялся одиннадцатилѣтній Володя—производили впечатлѣніе неисчерпаемаго женскаго населенія. Несмотря на совершенно русскія имена, на то, что всѣ онѣ родились и выросли въ Петербургѣ и даже специально на Васильевскомъ островѣ, откуда выѣзжали только куда-то подъ Порховъ въ небольшое имѣніице, что съ дѣтства воспитаны были на русскихъ классикахъ, изъ которыхъ болѣе всего пришли имъ по душѣ Тургеневъ и Фетъ,—тѣмъ не менѣе онѣ были нѣмки, чѣмъ обуславливалось ихъ дружное безъ ссоръ житье, ровный, бодрый, веселый нравъ, семейственность, скромность, и точное распредѣленіе обязанностей въ этой составной женской семьѣ, которое установилось, когда старикъ Петръ Матвѣевичъ Гроделиусъ былъ еще живъ и самъ управлялъ большимъ часовымъ магазиномъ на 6-ой линіи, Лидія Петровна еще не потеряла своего мужа Саши Хвостова, сестра Катя не выходила еще замужъ за мичмана Бромеліуса, Соня и Лена не обратились еще въ старухъ дѣвъ, и не зснѣли по дому и саду новые голоса юныхъ Хвостовыхъ и Бромеліусовъ. Какъ во многихъ нѣмецкихъ

семействахъ, сестрамъ были даны опредѣ-
ленные, различныя назначенія, которыя онѣ
сохраняли и до сей поры; а именно: стар-
шая Катя считалась отличной хозяйкой,
никто лучше не умѣлъ дѣлать лимоннаго
и ванильнаго печенья, художественно рас-
положить овощи вокругъ жаркаго, варить
пастилы, солить и мариновать; Лена была
недурной портнихой и обшивала семью,
придавая скромнымъ платьямъ видъ далеко
не доморощенный, Соня была, такъ сказать,
домашній *esprit fort*; т. е. смѣлая умница,
насмѣшница безъ предразсудковъ, съ го-
дами все болѣе и болѣе утверждавшаяся
въ своемъ почетномъ, но не весьма радост-
номъ призваніи дѣвственнаго философа; на
долю же Лидіи Петровны оставалась роль
душевнаго человѣка,—не считая музыкаль-
наго таланта, которымъ въ извѣстной мѣрѣ
были одарены и всѣ прочіе члены этой
дружной семьи. Сами себя они нѣмцами не
считали, ходили къ обѣднѣ въ Кіевское
подворье, любили по лѣтамъ ѣздить въ
Порховское имѣніице, были радушны и со-
храняли русскіе обычаи, но дѣлали все это
какъ-то не по-русски: методично, наивно и
нѣсколько тупо. Вѣроятно, въ семьѣ было
пріятно и весело, такъ какъ ее охотно по-

сѣщала молодежь не только для развлечения: попѣть, поиграть, побѣгать, поболтать и выпить чаю съ лимоннымъ печеньемъ, но и за совѣтомъ и съ разными горями, всегда рассчитывая встрѣтить душевное участіе у Лидіи Петровны и не ошибаясь въ этомъ расчетѣ. При видимой свободѣ, жизнь у Гроделіусовъ была не совсѣмъ свободной именно отъ избытка душевности, при которомъ всѣ личныя дѣла дѣлались какъ бы общимъ достояніемъ. Потому дамы и посѣтители гостепріимнаго дома нѣскольکو косились на Сергѣя Павловича Павиликина, имѣвшаго какія-то секретныя дѣла и отношенія на сторонѣ въ противоположность остальнымъ причесаннымъ и нечесаннымъ юношамъ, ходившимъ къ нашимъ милымъ нѣмкамъ. Будучи не крайне высокаго происхожденія, вращался Павиликинъ тѣмъ не менѣе въ такъ называемомъ „свѣтѣ“, и если бывалъ у Гроделіусовъ, такъ только потому, что имѣлъ обыкновеніе бывать вездѣ, гдѣ не скучно. А, можетъ быть, и другая причина влекла его на мирный островъ, чего всего больше, по правдѣ говоря, и боялась Лидія Петровна. Не то, чтобы совсѣмъ боялась, но смотрѣла на Вѣрочку и Павиликина съ какой-то трево-

гой, хотя и съ удовольствіемъ. Велъ себя Сергѣй Павловичъ съ изысканной простотой и съ изящною грубоватостью, подражая какимъ-то высшимъ образцамъ, былъ фатовать и надмененъ, такъ что нельзя было павѣрное даже сказать, умненъ ли онъ, глупъ ли, хорошъ или дуренъ. Въ городѣ ходили про него всевозможныя сплетни, особенно послѣ его неудачнаго сватовства къ Настѣ Гамбаковой и дружбы съ ея братомъ Костей, но подробности не доходили до мирнаго пріюта на Большомъ проспектѣ, оставляя только смутное впечатлѣніе чего-то таинственнаго, если не темнаго. Тѣмъ болѣе это тревожило всѣхъ дамъ, что, при всей ихъ относительной образованности, умѣ и прекраснодушіи, въ нѣкоторыхъ вопросахъ онѣ были наивнѣе маленькой Зиночки, которую только недавно стали вывозить на Божій свѣтъ въ плетеной колясочкѣ.

.

Все это вспомнилось Лидіи Петровнѣ, когда Вѣрочка, подошедъ къ ней, поцѣловала ее въ шею и спросила: „Ты хотѣла поговорить со мной, мама?“ Мать отложила начатое письмо къ одной изъ безчисленныхъ кузинъ, приласкала опустившуюся у

ея погь дѣвушку, и улыбаясь, промолвила
будто не отвѣчая на вопросъ:

„Ты полюбила его, дитя?“

Какъ привыкшая въ душевныхъ разгово-
рахъ понимать съ полуслова и не представ-
ляться безтолковой, дѣвушка отвѣчала съ
легкой заминкой:—Я не знаю, мама, я еще
не рѣшила сама въ себѣ,

„Но что говоритъ твое сердце?“

— Скорѣе „да“, скорѣе говоритъ: „люби“.

Наклонившись низко къ дочери, Лидія
Петровна прошептала: „Нужно всегда слу-
шаться сердца“.

— Я знаю, ты меня такъ учила, но я
боюсь ошибиться.

„Въ немъ?“

— Нѣтъ, въ томъ, что мнѣ подсказы-
ваетъ сердце.

„Не надо бояться, нужно быть храброй
въ любви“.

— Я знаю, потому я и колеблюсь, что,
разъ опредѣливъ, я буду смѣлою до конца,
я чувствую это.

„Узнаю мою Вѣрочку“—сказала мать и
умолкла; молчала и дѣвушка, застывъ у ко-
лѣнъ матери.

Лампа съ голубымъ абажуромъ освѣщала

милую группу. Наконецъ Лидія Петровна прервала молчаніе:

„А онъ любитъ тебя?“

Густо покраснѣвъ, Вѣрочка отвѣчала:

— Не знаю, какъ это можно знать? Сергѣй Павловичъ—такой странный человѣкъ.

„Такъ что ты, бѣдная, не знаешь этого?“

Молодая женщина принялась цѣловать сидѣвшую у ея ногъ и, наконецъ, будто осянненная какою-то мыслью, сказала просительно, но твердо:

„Это намъ необходимо знать, Вѣрочка, и узнаю это я“.

— Ты, мама?

„Да, я. Ты еще дитя, не знаешь многого, и здѣсь такъ много темнаго, не выясненнаго. Позволь мнѣ быть на стражѣ твоей любви. Развѣ я не первый другъ тебѣ? Повѣрь, я сдѣлаю это со всею тонкостью и душевностью, на какую только способна, но ты мнѣ также передавай все, все“.

— Конечно, и теперь, какъ и всегда, я буду съ тобой откровенна, мама, но будетъ ли такимъ же съ тобою и Сергѣй Павловичъ? зачѣмъ тебѣ вступать въ этотъ романъ, если ему суждено быть?

„Для тебя, дѣтка; мы будемъ переживать этотъ романъ втроемъ! подумай, какая ра-

дость, какой восторгъ! Ты сама многого не можешь дѣлать, не можешь знать, что знаю и сдѣлаю я. Мы будемъ втроемъ!“

Неизвѣстно, увлекла ли въ достаточной мѣрѣ Вѣрочку перспектива переживать романъ втроемъ съ Лидіей Петровной, во всякомъ случаѣ, она отвѣтила болѣе, чѣмъ сдержанно:

— Я знаю, что никто меня не любитъ, какъ ты, мама; дѣлай, какъ найдешь нужнымъ.

Мать обняла свою дочь, цѣлуя и говоря:

„И знай, и вѣрь, что ничего дурного не можетъ быть, гдѣ руководитъ любовь“.

— Спокойной ночи, мама,—сказала Вѣрочка вмѣсто отвѣта. Прошла къ себѣ, легла тихонько, но долго не спала, прислушиваясь къ сонному дыханію двухъ дѣвочекъ, помѣщавшихся въ одной съ нею комнатѣ, сидѣла, обнявъ руками колѣни и все думала о „странномъ человѣкѣ“ Сергѣѣ Павловичѣ Павиликинѣ. О немъ же думала и Лидія Петровна восторженно, и радуясь, и тревожась за Вѣрочку, готовая опять помолодѣть и пережить чужое счастье, и счастье чье же? той Вѣрочки, той дѣвочки, которая давно ли бѣгала съ голыми колѣнками по Порховскимъ лугамъ за бѣдными сѣверными мотыльками?
.....

Одною изъ большихъ радостей Лидіи Петровны было положеніе „молодой матери“. И дѣйствительно, если на вопросъ великаго русскаго писателя: „что можетъ быть прекраснѣе молодой женщины съ ребенкомъ на рукахъ?“, всякій отвѣтитъ, что та же молодая женщина безъ ребенка на рукахъ еще прекраснѣе, то врядь-ли кто будетъ отрицать, что всегда радостно и плѣнительно видѣть мать подругой, старшей сестрой, повѣренной, совѣтчицей своей любимшей дочери. Мечтала долго объ этомъ и Лидія Петровна,—и вотъ мечты ея осуществились. Она съ нѣскольکو неожиданнымъ жаромъ предалась своей роли, стараясь узнать, что встрѣтитъ Вѣропкино чувство въ отвѣтъ на свой юный порывъ со стороны такого страннаго, съ виду пустоватаго, но что-то затанявшаго въ себѣ (о, безъ сомнѣнія!) Павликиша. Вѣроятно, ни одна ревнивая жена, слѣдящая за вѣтреннымъ мужемъ, ни одна старѣющая любовница, что старается сохранить слишкомъ юнаго возлюбленнаго, ни одна влюбленная институтка, стерегущая въ корридорѣ, когда пройдетъ обожаемый законоучитель,—никто изъ нихъ такъ не искалъ встрѣчь, уединенныхъ tête-à-tête'овъ и душевныхъ на-

меками разговоровъ, какъ дѣлала это любящая мать на стражѣ. Нуженъ ли былъ ей спутникъ въ театръ, — сопутствовалъ Сергѣй Павловичъ; случалось ли ее проводить поздно вечеромъ, — проводникомъ оказывался Павликинъ; пѣла ли она Грига и Чайковского, — отстранивъ насмѣшливую сестру, она сажала за пианино нашего студента, который небрежно принимался аккомпанировать, изрѣдка взглядыная слѣтлыми глазами снизу вверхъ на взволнованную пѣвицу. Со стороны можно было подумать, что двѣ соперницы играютъ роль, когда Лидія Петровна крылатою походкой подбѣгала къ дочери, шепча ей что-то и обнимая ее, а та, краснѣя и улыбаясь, пересбирала свой шарфъ, глядя на молодого человѣка, стоявшаго въ отдаленіи. Какъ пансіонерка, шептала старшая: „иди, Вѣрочка, иди, — я еще не знаю... но кажется... вотъ, вотъ, все будетъ ясно“.

А та, хмурия брови, чѣмъ то томилась и пристально глядя на мать, шептала тоже: „зачѣмъ, мама?“...

— Развѣ ты не видишь, что такъ нужно?

„Да, вѣроятно, такъ нужно“.

— Ты вчера говорила, онъ поцѣловалъ тебя въ щеку... и что же ты почувствовала?

Склонивъ голову на грудь родной подруги,

Вѣрочка прошептала: „я люблю его, мама!“

Слегка вскрикнувъ, Лидія Петровна стала покрывать лобъ, щеки, губы, шею и руки дочери мелкими поцѣлуями, въ то время какъ счастливый виновникъ тройныхъ переживаній уже бренчалъ „Китаяночку“, а на лицѣ его нельзя было прочесть, видитъ ли, чувствуетъ ли онъ, что происходитъ у него за спиною. Казалось, и бабушка и тети Катя, Лена и Соня не вполне уяснили себѣ положеніе и смутно тревожились, и только дѣти безопасно прыгали, взявшись за руки и напѣвая въ тактъ: „Сергѣй Павлычъ, Сергѣй Павлычъ, Сергѣй Павловичъ, Сергѣй“. Голосъ Вѣрочки преодолевъ нестройное дѣтское пѣніе, звонко раздался въ дверяхъ: „Сергѣй Павловичъ, пройдемтесь по саду до чая!“

— Охотно,— отвѣтилъ тотъ, вставая.

Обѣ женщины стояли, обнявшись, въ одинаковыхъ платьяхъ; старшая съ улыбкой отдѣлила отъ себя другую, будто уступая се молодому человѣку, пошедшему за верхнимъ платьемъ. Онъ долго оставался этотъ вечеръ въ квартирѣ Гроделіусовъ, дольше, чѣмъ это было принято, такъ что не только Зиночка, дѣти и бабушка удалились на

покой, но даже тети, Катя, Соня и Лена скрылись, а Лидія Петровна все играла этюды Шумана, а молодые люди все шептались на диванѣ, такъ что лампы уже начали гаснуть.

Прощаясь, мать спросила: „ну что же, Вѣрочка?“

Та устало отвѣтила: „завтра! я счастлива“.
— Господь съ тобою. Спи спокойно.

.

Еще не отлетѣли сны съ дѣвичьяго изголовья Вѣрочкиной постели, какъ фрейлейнъ постучалась, говоря, что мамаша проситъ барышню къ себѣ. Лѣниво, наскоро умывшись, въ туфляхъ, дѣвушка, вся розовая еще отъ недавняго сна, вошла въ комнату матери. Та сидѣла у Зиночкиной колясочки, въ капотѣ, блѣдная, держа въ рукахъ разорванный конвертъ. Молча, она поцѣловалась съ дочерью, и вдругъ слезы потокомъ хлынули изъ ея глазъ, такихъ же, какъ у Вѣрочки.

„Мама, но что съ тобою!?“

Сквозь слезы та говорила: „бѣдное дитя мое, плачь, плачь, и я съ тобою поплачу!“

„Но что случилось? объясни, сдѣлай милость“.

— Прочти это письмо.

„Это письмо ко мнѣ?“

— Нѣтъ, но прочти его.

„Зачѣмъ же я буду читать чужія письма?“

— Ахъ, когда дѣло идетъ о жизни, о большемъ нежели жизнь, о счастье, время ли выказывать пустую шепетильность?

„Да чье же это ужасное письмо?“ вскричала дѣвушка и прочла на конвертѣ:—Константину Максимовичу Гамбакову.

Слегка отстранясь и хмурия брови, она спросила:—Это письмо отъ Сергѣя Павловича?

„Да“.

— Зачѣмъ же оно у тебя въ рукахъ, а не въ почтовомъ ящикѣ?

„Зачѣмъ и какъ, это все равно. Мы должны знать, должны, пойми, дитя“.

— И что же ты знаешь?

„Прочти и ты узнаешь“.

— Нѣтъ,—дѣвушка упрямо потрясла головою.

„Да? тогда я прочитаю вслухъ и ты должна будешь слушать его“.

— Ахъ, такъ? тогда давай я прочитаю его сама.

„Повѣрь мнѣ, Вѣрочка, что только любовь къ тебѣ побудила меня къ этому шагу“.

Дочь тихо сказала: „зачѣмъ ты это дѣлала мама?“ и принялась читать. По мѣрѣ того, какъ она читала, брови ея все сдвигались, дрогнули руки, державшія трепещущій почтовый листъ и съ гнѣвныхъ губъ слетали возгласы: „не можетъ быть! какая низость!“ Вдругъ остановившись она спросила: „а это что же?“ и зачитала изъ письма: „пожалуй, могутъ подумать, что я — альфонсъ старухи Хвостовой! цѣлую, твой Сережа“.

„Кто же эта старуха? ты, мама?“

— Я — отвѣтствовала Лилія Петровна и помолчавъ добавила: какъ онъ насъ отдѣлалъ!

Вѣрочка такъ и осталась съ раскрытымъ письмомъ на колѣняхъ и, наконецъ, прошептала: „какой низкій поступокъ! Фу!“ И опять обѣ замолкли, только Зиночка, проснувшись, что-то гулила, стараясь обѣими ручками запихать себѣ въ ротъ ноженку. Вѣрочка встала, сказавъ: „ты понимаешь, мама, что этотъ человѣкъ для меня не существуетъ больше“.

— Вѣрочка, не говори такъ теперь, мы потомъ увидимъ, что намъ нужно.

„И теперь, и потомъ, и всегда я буду говорить одно и то же: онъ для меня потерянь

навѣкъ, навѣкъ, навѣкъ“. И она даже топнула ногою, стиснувъ зубы.

— Но, Вѣрочка, подумай, посовѣтуйся со своимъ сердцемъ.

„Что же ты хочешь, чтобы я дѣлала?“

— Слѣдовала голосу чувства.

„Но я именно это и дѣлаю“, молвила дочь, пожавъ крутыми плечами.

— Да, Вѣрочка, а что же ты хотѣла мнѣ сказать?

„Такъ, вздоръ. Теперь все равно“, отвѣтила та, краснѣя. Походивъ по коврику, добавила тихо: „Сергѣй Павловичъ вчера мнѣ слѣлалъ предложеніе“.

.

Вечеромъ, отозвавъ Павиликина въ сторону, Вѣрочка сказала ему безъ предисловія:

„Мы совершили не совѣмъ хорошія поступокъ по отношенію къ вамъ: мы прочли ваше письмо къ Гамбакову. Конечно, это некрасиво, но, какъ говорится, „око за око“. Что васъ заставляло играть всю эту недостойную игру? Кажется, мы не заслуживали такого отношенія“.

— Повѣрьте, Вѣра Александровна, это было не болѣе, какъ шутка..

„Я не только вѣрю, но вижу, что это было такъ“.

-- Вы не поняли меня: шуткой было письмо къ Костѣ.

„Вы стыдились вашего чувства?“

Да,— сконфуженно сознался тотъ.

Вѣрочка, помолчавъ, сказала ясно: „Я вамъ не вѣрю, Сергѣй Павловичъ, и вамъ лучше будетъ не посѣщать насъ больше“.

Тотъ поклонился, говоря: „Какъ вамъ угодно. До свиданія“.

— Прощайте! — отвѣтила Вѣрочка, не двигаясь. Въ столовой дѣти, окруживъ студента, не пускали его уходить, прося сыграть „Китайночку“; теть Катя соблазняла лимоннымъ печеньемъ, и даже бабушка убѣждала, но Вѣрочка, выйдя, сказала зпонко: „дѣти, пустите Сергѣя Павловича, ему нужно домой, а „Китайночку“ сыграю вамъ я“. И, сѣвъ за піанино, заиграла громко и весело, межъ тѣмъ какъ дѣти, взявшись за руки, прыгали и пѣли: „Сергѣй Павлычъ. Сергѣй Павлычъ, Сергѣй Павловичъ Сергѣй“. Лидія Петровна положила руку на плечо Вѣрочки, шепча: „не насилуй себя, другъ мой!“. Тогда дочь, не прерывая игры, взглянула прямо въ глаза матери, такіе же, какъ у нея самой, и отчетливо выговорила: „я ненавижу тебя, мама“.

ВАНИНА РОДИНКА

Ю. Л. Ракитину

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

НЕ было ничего удивительнаго въ томъ, что у Вани Разсудина на правой рукѣ, тамъ, гдѣ она закругляется, переходя въ плечо, — была родинка въ видѣ треугольника, или въ видѣ сердца, если читателю такъ кажется поэтичнѣе. Не было ничего удивительнаго, потому что у кого же ихъ нѣтъ, хотя и не на плечѣ и не въ видѣ сердца? — не было ничего удивительнаго и въ томъ, что эту родинку никто не видѣлъ, а кто видѣлъ, то не обращалъ особеннаго вниманія. Нѣсколько удивительно было то, что въ это утро, стоя у раскрытаго, но занавѣшаннаго кисею окна, самъ Ваня смотрѣлъ не на дворъ и цвѣтущія сирени за нимъ, не на синее лѣтнее небо, не на бѣгающаго Нерона, — а на свою руку, скосивъ глаза и спустивъ рукавъ рубашки. Положимъ, рука была очень милая, по отрочески почти тонкая, но круглая, отъ ранняго солнца и родинки

казавшаяся бѣлой и розоватой,—но что же смотрѣть четверть часа на свою собственную руку? Тѣмъ не менѣе это созерцаніе, очевидно, очень занимало мальчика, такъ какъ на стукъ въ дверь онъ лѣнливо и неохотно надѣлъ спущенный рукавъ и, избразивъ на свосмъ кругломъ, нѣсколько курносомъ лицѣ неудовольствіе, поспѣшно пошелъ умываться.

Стукъ въ дверь означалъ, что дядя Эсперъ Петровичъ уже вышелъ въ столовую и принялся за „Новое время“, что пробило половина девятого и что въ этомъ домѣ никакихъ мечтаній и созерцаній, хотя бы самыя невинныя, не должны были нарушать разъ установленнаго порядка.

Вѣроятно, у Вани былъ болѣе томный видъ, чѣмъ полагалось укладомъ дядинаго житія, потому что Эсперъ Петровичъ, глянувъ изъ за газеты своими сѣрыми, нѣсколько мутными глазами, спросилъ у племянника:

— Ты хорошо спалъ, мальчикъ? ты что-то блѣденъ.

Будто въ опроверженіе словъ говорящаго до ушей покраснѣвъ, Ваня отвѣтилъ:

— Хорошо, тебѣ такъ показалось.

— Если тебя что беспокоитъ, откройся: ты знаешь, я не имѣю предразсудковъ.

— Я это знаю, но мнѣ нечего особеннаго сообщать тебѣ.

— Тѣмъ лучше—отвѣтилъ дядя—нужно избѣгать экстренностей.

Мальчикъ промолчалъ, но не могъ дожидаться конца чаепитія и ухода дяди въ кабинетъ: ему казалось, что и Петръ мѣшкаетъ съ булками, и казачекъ Андруша не достаточно проворно наливаетъ и разноситъ чай, и что онъ стучитъ сапогами и задѣваетъ за стулья больше, нежели всегда, и что газета заключаетъ въ себѣ двойное количество телеграммъ, хроникъ, покойниковъ и фельетоновъ, и что жуется Эсперъ Петровичъ медленнѣе обычнаго,—хотя все происходило въ этой свѣтлой столовой, похожей на каютъ-компанію, какъ вчера, какъ третьего дня, какъ недѣлю назадъ. Не зналъ онъ, какъ пробыть за книгами, какъ просидѣть завтракъ (о длинный, несносный, постылый завтракъ!), пока стрѣлка не покажетъ, наконецъ, желанные три часа.

Мы по привычкѣ и для скорости называемъ своего героя мальчикомъ, на самомъ же дѣлѣ это былъ уже молодой человѣкъ восемнадцати лѣтъ, нѣсколько тонкій, блондинъ и розовый, — но когда онъ, смотря въ зеркало, прошепталъ: „она меня лю-

бить“, улынулся и поцѣловалъ собственное отраженіе, — конечно, это былъ мальчикъ, только мальчикъ. Онъ прошепталъ: „она меня любитъ“ и снова, скосивъ глаза, посмотрѣлъ на плечо, будто подъ тканью бѣлой блузы была видна та родинка, отъ которой рука кажется еще бѣлѣе и розовѣе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Иа циферблатъ другихъ часовъ, но гдѣ стрѣлка медленно подползала къ тѣмъ же тремъ, внимательно смотрѣли, обнявшись, три дѣвушки. Онѣ были въ одинаковыхъ платьяхъ, схожи одна съ другою, румяны и свѣжи, такъ что старинный поэтъ или любящій поэтическія традиціи писарь успѣшно сравнилъ бы ихъ съ розами. Онѣ всѣ улыбались, и когда стрѣлка сравнялась съ жирной римской цифрой, всѣ три какъ-то разомъ бросились къ окну и съ крикомъ — „вотъ онъ идетъ“, выбѣжали изъ комнаты.

Мать этихъ грацій, Анна Павловна Комарова, имѣла не только устойчивое, но нѣсколько даже оригинальное міропостиженіе. Впрочемъ, это было не столько міропостиженіе, сколько взглядъ на отношеніе половъ. Сама — вдова, не чаявшая души въ

Сонечкѣ, Варенкѣ и Катенькѣ, она была убѣждена, что міръ существуетъ только для женщинъ и даже въ частности для ея дѣвочекъ, сильный же полъ терпѣлся, и то съ большими притѣсненіями, только какъ антуражъ для милыхъ розъ. Все молодое населеніе вселенной дѣлилось на ея дѣвочекъ, подругъ, кавалеровъ и „мальчишекъ“, остальные были „старики“, къ которымъ примѣнялась уже нѣсколько другая мѣрка и къ нимъ смиренно причисляла Анна Павловна и себя. „Мальчишки“ искоренялись всячески и даже лица ихъ не замѣчались, кавалеры примѣчались и сообразно преданности ласкались, подруги хвалились и прославлялись, но „розы“—розы были божество. И даже кавалеры холились какъ жертвы на закланіе—не болѣе, „мальчишкамъ“ же, безликимъ и безсчетнымъ, была объявлена вѣчная, священная война.

Лишенная чрезмѣрнаго фанатизма матери и дочери смутно раздѣляли эти амазонскіе взгляды, и въ домѣ Комаровыхъ и прославлялось, и воспѣвалось, и утверждалось лишь вѣчно-женское, какъ перлъ единственный созданія. Мужчины могли только получать жалованіе, хорошо грести и править, когда катаются барышни, охотиться и танцовать,

но вы бы несказанно удивили и оскорбили этих милых дамъ, спросивъ, напримѣръ: „красивъ ли сосѣдній реалистъ?“ Это было бы неслыхано. Такой вопросъ, когда есть сонмъ подругъ и, наконецъ, три розы!

Три розы спустились въ садъ навстрѣчу Ванѣ, но двѣ, пощebetавъ и притворно что-то вспомнивъ, убѣжали, оставивъ Ваню съ Варей посреди лужайки, открытой со всѣхъ сторонъ. Не приглашая дамы въ тѣнь и не выпуская ея руки изъ своей, онъ проговорилъ:

— Какъ я люблю васъ, Варя, если бы вы знали...

— Я знаю, — сказала та, потупясь.

— Но вы, вы... любите ли вы меня?

— Меня не было бы здѣсь сейчасъ иначе.

— Но какъ она мила, плутовка! расцѣловать! — мечтала мать, смотря изъ окна черезъ лорнетъ на эту сцену.

— Ахъ прелесть, прелесть, — прощелестѣли Сонечка и Катенька, обнявшись.

А на лужайкѣ межъ тѣмъ разговоръ продолжался.

— Я не могу повѣрить: неужели вы меня любите, милая Варя? Неужели вы меня поцѣлуете?

Въ отвѣтъ барышня безъ словъ подста-

вила свою щеку, которую, почти не приближаясь, но вытянув шею и губы, поцѣловалъ мальчикъ.

Площадка была совѣмъ открыта, свѣтило солнце, а за спущенными шторами блестяли удовольствіемъ три пары глазъ.

Варя, поправивъ волосы, сказала: „идемте въ домъ, мы собирались гулять“.

А на встрѣчу имъ выходили уже Анна Павловна, Соня и Катя. Барышни многозначительно улыбались и переглядывались, а дама ласково сказала красному, какъ ракъ, кавалеру: „можетъ быть, Ваня, вы выпьете чаю раньше: самоваръ еще горячій“. Ваня покраснѣлъ еще больше, не привыкши къ любезному обращенію и не зная, что онъ съ этой минуты переходитъ изъ ряда ненавистныхъ „мальчишекъ“ въ почетный разрядъ кавалеровъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Странно перадостнымъ вернулся Ваня домой, что не ускользнуло даже отъ не весьма примѣтливаго взгляда Эспера Петровича. Дядя, не имѣвшій обыкновенія безъ спроса входить въ чужія дѣла, не разспрашивалъ племянника о причинѣ его разстройства, но что оно не осталось незамѣченнымъ

явствовало изъ того, что Эсперь Петровичъ тонкимъ голосомъ запѣлъ арію Далилы. Когда же смутное Ванино состояніе не прошло и черезъ десять дней, дядя спросилъ его самъ:

— Что, Ваня, тебѣ будто не совѣмъ по себѣ?

Тотъ вздохнулъ въ отвѣтъ, ничего не говоря. Тогда дядя снова завелъ:

— Я не навязываю въ конфиденты, ты понимаешь? Но, можетъ быть, тебѣ самому будетъ полезно и желательно получить совѣтъ отъ человѣка, къ сожалѣнію, болѣе опытнаго, нежели ты. Тогда тебѣ необходимо будетъ открыть мнѣ, въ чемъ дѣло. Я не могу ничего сказать безъ этого. А между тѣмъ, ты самъ на себя не похожъ, не ѣшь, плохо спишь, повидимому, и очень не важно выглядишь. Ты знаешь, я человѣкъ безъ предрасудковъ, но здоровье это главный базисъ нашего счастья.

Здоровье было дядинымъ конькомъ и онъ любилъ при случаѣ, или даже безъ случая, распространяться о сохранности своей относительной молодости и свѣжести, упуская тѣмъ не менѣе изъ виду свои опасенія простудъ, поздняго ложенія, свои режимы, діеты, корсеты и синапизмы.

Ваня и на второе предложеніе Эспера Петровича лишь провздыхалъ, и только когда они дошли уже до скамейки на холму—второе обычное мѣсто остановокъ ихъ рѣдкихъ уединенныхъ прогулокъ—онъ началъ свое признаніе, прерываясь то вздохами, то даже скупыми, не частыми слезами.

— Эсперъ Петровичъ, я полюбилъ...

— Что жъ удивительнаго въ этомъ, другъ мой? я такъ и думалъ... Ну и что же, тебѣ не отвѣчаютъ?

— Я не знаю, какъ вамъ объяснить... мнѣ кажется, что да, но понимаете, что это дѣлается какъ бы въ награду за мою преданность и любовь, а не по своему почину, и при томъ мнѣ именно отвѣчаютъ на любовь, а не любятъ, какъ я люблю и какъ хотѣлъ бы, чтобы мменя любили.

— Объясни. Это не глупо что ты говоришь.

Помолчавъ, Ваня снова началъ болѣе взволнованнымъ, но и еще болѣе плачевнымъ тономъ:

— Ну, напримѣръ, я люблю кого-нибудь, его душу, его тѣло, я люблюсь имъ и цѣлую его и жду того же самаго отъ него по отношенію ко мнѣ. Вы понимаете? мнѣ мало,

что меня только такъ любятъ, какъ Варя Комарова...

— Ахъ, это—Варя Комарова?

Будто не слыша вставки и несясь въ своихъ изліяніяхъ, Ваня продолжалъ теперь зазвенѣвшимъ голосомъ:

— Миѣ нужно, чтобы тотъ, кто меня любить, такъ же мменя цѣловалъ, такъ же нѣжно перебиралъ миѣ волосы, ласкалъ меня любилъ мои глаза, руки, плечи, шею, какъ и я, какъ и я...

— Въ твоемъ возрастѣ это, конечно, вполне законное желаніе,—промолвилъ дядя и помолчавъ, добавилъ:—Пойдемъ какъ-нибудь къ Аглаѣ Николаевнѣ, хочешь?

— Пожалуй,—беззвучно отвѣтилъ Ваня, какъ-то повисая на рукѣ Эспера Петровича, съ которымъ шелъ подъ руку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Аглая Николаевна Шрейберъ, несмотря на лѣто жившая въ каменномъ домѣ, имѣла изящныя вещи, книги и первый цвѣтникъ въ окрестности. Тому, кто проходилъ черезъ обвитый хмѣлемъ и настурціями балконъ въ узкія сѣни, увѣшанныя англійскими литографіями, и въ крошечныя, но двѣ го-

стинья, синюю и розовую; и такъ даль-
ше—по ряду маленькихъ, но какъ-то разно-
калиберно убранныхъ комнатъ—до новаго,
уже ничѣмъ не увитаго балкона, выходя-
щаго на чистый мощенный дворъ,—не при-
ходило въ голову, что онъ находится на
петербургской дачѣ, а не во Фіезоле, при-
ютѣ какой-нибудь международной эстетики.
Это впечатлѣніе не прошло бы, пожалуй,
у невнимательнаго наблюдателя, при видѣ и
самой хозяйки дома, тонкой, средняго ро-
ста рыжей дамы съ большимъ ртомъ, въ
узкомъ, всегда почти сѣромъ платьѣ. Жила
она очень замкнуто и среди немногочи-
сленныхъ ея посѣтителей видное мѣсто за-
нималъ Эсперь Петровичъ, такъ что ничего
не было удивительнаго въ томъ, что Ванъ
было предложено дядей посѣтить этотъ
салонъ, гдѣ онъ доселѣ не бывалъ. Впро-
чемъ, едва ли посѣтителей Аглай Нико-
лаевны можно было назвать „салономъ“,
такъ какъ ея гости собирались вразбродъ,
не образуя никакого кружка, и мало дру-
жили между собою.

Ваню Эсперь Петровичъ повелъ къ со-
сѣдкѣ не въ первый свой визитъ, но пред-
варительно отправился одинъ и выждавъ,
когда уйдутъ другіе посѣтители, долго бе-

сѣдовалъ о чемъ-то съ хозяйкою, измѣнивъ даже своему режиму ложиться въ одиннадцать часовъ, а на прощаніе, цѣлуя маленькую ручку, проговорилъ:

— И такъ, если вы позволите, я приведу къ вамъ его.

— Пожалуйста, я буду очень рада. Все, что вы говорите, меня крайне интересуетъ. Когда, черезъ нѣсколько дней, дядя послѣ объѣда будто мелькомъ сказалъ племяннику: „ты сегодня что дѣлаешь? пойдешь къ Аглаѣ Николаевнѣ, а то такъ за лѣто и не соберемся“,—Ваня не былъ нисколько ни удивленъ, ни обрадованъ. Все равно онъ вотъ уже двѣ недѣли никуда не выходилъ, не отдергивалъ кисейныхъ занавѣсокъ, не притрагивался къ книгамъ, а все время почти лежалъ, закинувъ руки за голову и ничего не говоря.

Онъ даже къ Шрейберъ пошелъ, какъ былъ дома, въ нѣсколько смятой бѣлой курткѣ, съ ромашкой въ петлицѣ. Солнце еще не зашло, дробясь ровно въ верхней половинѣ рамы и освѣщая нѣсколько театральнымъ розовымъ свѣтомъ улыбавшуюся изъ окна Аглаю.

Она такъ и осталась у окна, только обернувшись къ нему спиною, ждать, когда го-

сти до нея дойдутъ; она взглянула на Ваню, на котораго теперь падалъ алый лучъ изъ окна, и сказала смѣющимся голосомъ:

— Я и не знала, мой другъ, что у васъ такой большой и такой милый племянникъ; отчего вы его такъ тщательно скрывали? Вы находили, что онъ васъ старитъ? Моя дружба къ вамъ еще болѣе упрочится отъ этого новаго знакомства. Только онъ не умѣетъ причесываться, это нужно совсѣмъ не такъ дѣлать. Хотите, на сегодня я буду вашимъ куаферомъ? Не думайте: я дѣлаю это для себя, только для себя, потому что мнѣ больно видѣть, какъ вы себя безобразите вихрами.

Ваня былъ очень благодаренъ вечернему солнцу за то, что оно, заливая комнату розовымъ свѣтомъ, лишало возможности замѣтить яркій румянецъ, въ который вогнали мальчика быстрыя слова Аглай. Онъ не успѣлъ опомниться, какъ его увели въ соседній покойчикъ и, сидя на неудобномъ, низкомъ пуфѣ, не зная куда дѣвать высоко-поднявшіяся колѣнки, онъ равнодушно (влругъ—смертельно равнодушно), будто за кѣмъ чужимъ, слѣдилъ въ зеркалѣ при свѣчахъ, какъ невидныя въ отраженіи руки измѣняли его лицо. И только, когда изъ

глубины стекла на него глянуло новое лицо, которое ему понравилось и не показалось своимъ обычнымъ, онъ всталъ, обернулся и поцѣловалъ руку Аглаи Николаевны. Та же беззвучно смѣялась: и глаза, и ротъ, и маленькая ручка въ перстняхъ, и сѣрое съ зелеными полосками платье—все, казалось, трепетало отъ тихаго смѣха.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Эсперъ Петровичъ не пѣлъ арію Далилы, но съ какимъ-то тайнымъ довольствомъ ходилъ по столовой, не разспрашивая Ваню, а будто ожидая его признанія. Онъ, очевидно, хорошо зналъ своего племянника, потому что не прошло и двухъ минутъ, какъ Ваня заговорилъ отъ окна.

— Вотъ видишь, дядя, ты беспокоился о моемъ здоровьѣ, теперь все прошло. Я тебѣ очень благодаренъ.

— За что, мой другъ!

— За то, что ты меня познакомилъ съ Аглаей Николаевной!

— Ахъ такъ! Не стоитъ благодарности; я самъ очень радъ. Не правда ли, милая женщина?

— Ахъ, очень. Такая тонкая, образованная, съ такимъ вкусомъ.

Дядя похлопалъ его по плечу, молча, и позвонилъ, чтобы давали полотенца, такъ какъ наступилъ часъ купанія. Отъ прозрачной пронизанной солнцемъ зеленоватой воды вся купальня казалась зеленой,—зеленымъ казался и узкій заливъ озера, гдѣ отражалась зелень густыхъ березъ. Зайчики бѣгали по досчатымъ стѣнамъ, попадая иногда на ногу, спину, грудь купальщиковъ. Замѣтивъ, что Ваня смотритъ скосивъ глазъ, себѣ на плечо, Эсперъ Петровичъ спросилъ:

— Что ты смотришь такъ?

— Ничего,—отвѣтилъ Ваня, покраснѣвъ и видя, что молчаніемъ другой какъ бы продолжаетъ свой вопросъ, добавилъ:

— У меня тутъ родинка.

— Ну и что же?

— Больше ничего.

Дядя тоже посмотрѣлъ и, вдругъ распустившись въ улыбку, спросилъ:

— Аглая ее не видала?

— Что вы дядя! Вѣдь для того, чтобы ее было видно, мнѣ нужно снять рубашку.

— Ты правъ: я не сообразилъ,—какъ-то странно промолвилъ Эсперъ Петровичъ, будто про себя.

Съ купанья нужно было возвращаться мимо Комаровыхъ. Ваня теперь всегда спѣ-

шилъ скорѣй миновать это мѣсто, опасаясь случайныхъ встрѣчъ. Но если можно избѣжать случайностей, трудно, безъ ненужной грубости, избавиться отъ намѣреннаго свиданія. А между тѣмъ было очевидно, что Соня Комарова, стоя у калитки, въ это утро кого-то ждала, и, когда Разсудины поравнялись съ мелкими акаціями, окоймлявшими садъ трехъ розъ, стало ясно, что это былъ Вани, кого ожидала дѣвушка. Дядя, поклонившись, прослѣдовалъ впередъ, мальчикъ же, съ полотенцемъ на плечѣ, остановился на мосткахъ, не зная, съ чего начать разговоръ. Соня пришла къ нему на помощь, сказавъ:

— Войдите, вы насъ совсѣмъ забыли. Караулю зеленщика, да онъ ужъ, видно, прошелъ.

— А что Варя, Варвара Николаевна, какъ поживаетъ?

— Ничего, живемъ, что намъ дѣлается? — сухо отвѣтила дѣвушка, улыбаясь вкось. Такъ, въ молчаніи, они поднялись по лѣсенкѣ, потомъ прошли по дорожкѣ до балкона, гдѣ Соня громко сказала, обращаясь къ находившимся въ домѣ: „вотъ я привела къ вамъ бѣглеца!“ и прошла внутрь.

За нею слѣдомъ бросилась Варенька, пся

красная, что-то шепча и тормаша сестру за руку. Ваня все стоялъ у крыльца, пока не раздался голосъ Анны Павловны:

— Входите, входите, молодой человѣкъ. Мои дѣвицы, конечно, убѣжали причесываться, вы ихъ знаете, вѣчно такъ.

Ваня это зналъ, хотя всегда удивлялся, почему дядя Эсперъ и онъ, не будучи дѣвицами, съ утра уже были болѣе или менѣе готовы и доступны обозрѣнію; притомъ прежде, когда онъ часто бывалъ у Комаровыхъ, ему доводилось видѣть трехъ розъ въ различныхъ достаточно домашнихъ видахъ. Такъ онъ думалъ, вертя въ рукахъ сорванную травинку, межъ тѣмъ какъ дама уже послала за дочерьми и тутъ же при Ванѣ стала имъ доказывать нелюбезность такихъ исчезновеній при появленіи кавалеровъ.

— Что дѣлать, — прошептала она, — дѣвочки всегда дики и стыдливы.

Одна изъ дѣвочекъ сказала Ванѣ:

— Пойдемте гулять на полотно, сегодня не жарко, — и скрылась отыскивать шляпу.

Всю дорогу вдоль зеленыхъ покатыхъ холмовъ, открытымъ лугомъ, гдѣ вдали на голубомъ съ барашками небѣ сквозилъ, какъ сѣрая прошивка, желѣзнодорожный мостъ, вдоль плоскаго съ тростникомъ и кочками

озера, — всю дорогу Ваня не говорилъ со смущенной и какъ то фальшиво веселой Варенькой. Только когда они взошли на мостъ и стали глядѣть на прямую, какъ линейка, линію, уходящую безъ своротовъ черезъ болота, лѣса, холмы на сѣверъ, — онъ сказалъ, не поворачивая головы, тихо и раздѣльно:

— Соня, мнѣ нужно поговорить съ вами, устройте это.

Кивнувъ головой утвердительно, та громко заговорила съ сестрами.

Когда онъ отстали, Соня первая начала.

— Какъ наши желанія совпали. Мнѣ самой нужно поговорить съ вами.

— О чемъ же?

— Конечно, о Варѣ, вы же сами знаете.

Мальчикъ кивнулъ головою, молвилъ: „ну и что же?“

— Да то же, что развѣ такъ поступаютъ? Вы говорили, что ее любите.

— Это правда.

— Ну?

— Но она меня не любитъ.

— Какъ вамъ не грѣхъ?! Развѣ она не отличала васъ на прогулкахъ, вездѣ... Развѣ вы ее не цѣловали, наконецъ?

— Я самъ подходилъ къ ней на прогул-

какъ, вездѣ, я ее цѣловалъ, потому что я любилъ ее, былъ влюбленъ въ нее. Она позволяла только это дѣлать.

— Но чего же вамъ больше нужно, глупый вы человѣкъ?

— Чтобы она сама меня любила.

— Но что же для этого нужно дѣлать: вѣшаться вамъ на шею, бѣгать за вами и цѣловать руки? Этого, пожалуй, вы не дождетесь.

— Я не знаю.

— Поймите же, это смѣшно, вы не барышня. Чего вы хотите?

— Я не знаю,—съ тоской промолвилъ Ваня.

— Варя чистая дѣвушка и любить васъ.

— Я — тоже чистый,—тихо прошепталъ мальчикъ.

Соня быстро взглянула на него, усмѣхнувшись, и замѣтила:

— Это совсѣмъ другое дѣло. — Потомъ, вдругъ, будто озаренная мыслью, на весь лугъ воскликнула:—Вы влюбились въ Аглаю? да? да?

— Я не знаю, оставьте меня въ покоѣ!— весь всхнувъ, отвѣтилъ тотъ и бросился бѣжать впередъ.

— Что случилось? — спрашивали подошедшія сестры.

Сидя на травѣ, Соня громко смѣялась, повторяя:

— Онъ сошелъ съ ума: влюбился въ Аглаю!

— Какъ тебѣ не стыдно, Соня! проговорила Варенька, надувая губки.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Такъ тихо, такъ успокоительно, такъ безмятежно было, бросивъ весла, стоять въ челнокѣ на гладкомъ, спокойномъ, бѣлесовато-голубомъ озерѣ. Аглая Николаевна, распустивъ бѣлый зонтикъ, молчала, молчалъ и Ваня, снявъ бѣлую фуражку, такъ что причесанные теперь на проборъ волосы казались золотыми на солнцѣ.

— Вы очень хорошенькій, Ваня, вы знаете? у васъ зеленые глаза и отлично очерченный ротъ, у васъ нѣжныя руки и длинныя ноги. Покажите вашу шею: по шеѣ можно судить о цвѣтѣ кожи на тѣлѣ. Ничего, розовата и нѣжна.

Ваня хотѣлъ добавить: „а на плечѣ у меня родинка“, но воздержался. Аглая, межъ тѣмъ, продолжала.

— Вы знаете, что вы недурны?

— Да, знаю.

Аглая нѣсколько недовольная спросила:

— Кто же вамъ это говорилъ?

— Никто, я самъ знаю.

Дома, разливая чай, дама спросила:

— У васъ, Ваня, много знакомыхъ молодыхъ людей, товарищей?

— Почти совсѣмъ нѣтъ.

— Это жалко!—протянула Аглая.

Чтобы поправиться, Ваня быстро произнесъ:

— Вотъ я хожу къ Комаровымъ; тамъ бываютъ кавалеры.

— Когда вы отучитесь отъ этого ужаснаго слова? Но это совсѣмъ не то. Какъ вы не понимаете?

— У меня есть дядя, есть вы, — прибавилъ онъ робко.

— Да, это, конечно; но это опять не то.

Ваня робко взявъ Аглаину руку, молвилъ:

— Чего жъ мнѣ больше желать? Если вы позволите быть всегда около васъ, если и вамъ это будетъ пріятно, чего жъ мнѣ больше желать?

— Конечно, мнѣ это будетъ пріятно: вы такой милый мальчикъ, на васъ пріятно смотрѣть, хочется васъ погладить, приласкать,—но не боитесь ли вы такой дружбы?

она легко можетъ перейти въ другое чувство.

— Съ моей стороны? — спросилъ Ваня, какъ-то задыхаясь.

— И съ вашей, и съ моей, — отвѣтила Аглая серьезно. Ваня вдругъ перешелъ къ мѣсту, гдѣ сидѣла Аглая, опустился у ея стула на полъ и прошепталъ: „Аглая Николаевна, вотъ я люблю васъ“. Она же, наклонясь и какъ-то некстати размѣявшись, стала покрывать быстрыми и острыми поцѣлуями волосы, лобъ, глаза, щеки и губы мальчика. — „И вы, и вы?“ — будто ошеломленный шепталъ Ваня, обнимая ея колѣни.

Аглая, словно вспомнивъ что-то важное, взяла тонкую китайскую чашку и, обнявъ Ваню одною рукою, водила пальцемъ по нѣжному рисунку, говоря:

— Смотрите, Ваня, какое сочетаніе красокъ, и что тутъ изображено! Вотъ видите: сидитъ семья на маленькой террасѣ и пьетъ чай, вотъ рыбаки идутъ на ловлю, козелъ стоитъ на холмикѣ, возлюбленный спитъ, а дѣвушка вѣромъ отгоняетъ мухъ, а только что они оба играли въ шашки и рвали смородину, по небу летитъ птица и розовый цвѣтъ его отъ темнаго пятнышка кажется

еще розовѣ. Отъ маленькаго пятнышка какъ усиливается тонъ и яркость.

И будто задумалась. Ваня приподнялся на колѣняхъ и прошепталъ ей въ ухо:

— У меня на плечѣ есть родинка!

— Да? — полуспросила женщина, не ображая въ чемъ дѣло, но на всякій случай улыбаясь.

Постучавъ у дверей, вошла горничная и подала на подносѣ письмо. Аглая, сказавъ „простите“, быстро разорвала конвертъ и нѣсколько разъ прочла немногія строчки на толстой сѣрой бумагѣ. Потомъ задумалась, будто забывъ о Ванѣ. Тотъ всталъ съ подавленнымъ вздохомъ и сказалъ: „я пойду, Аглая Николаевна“.

— Идите, другъ, мы скоро увидимся, — нѣжно, но разсѣянно проговорила она и поцѣловала мальчика.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Должно быть, это былъ дѣйствительно экстренный случай, которыхъ такъ избѣгала Эсперъ Петровичъ, что Ваня пришелъ къ нему въ спальню послѣ одиннадцати вечера, что дядя разговаривалъ сидя на кровати въ ночномъ бѣльѣ, что Ваня ходилъ

по комнатѣ, раздувая пламя свѣчи, которая, вѣроятно, по случаю такой экстренности была зажжена вмѣсто электричества.

Эсперъ Петровичъ молчалъ, опершись руками о постель и свѣсивъ ноги, Ваня же то говорилъ, то умолкалъ и снова принимался за монологъ, никѣмъ не прерываемый.

— Ты понимаешь, это все не то, не то, она меня любитъ такъ же, какъ рѣдкую чашку, какъ переплетъ отъ книги, но я же живой человѣкъ, во мнѣ течетъ кровь, если меня уколятъ, мнѣ будетъ больно. Я люблю и хочу, чтобы меня любили, а не любовались только мною, какъ шкапомъ Louis XVI. Тамъ, у Комаровыхъ, и этого даже не понимаютъ, тамъ я просто кавалеръ при барышняхъ, а здѣсь — игрушка. А я, я вотъ съ руками, ногами, грудью— Ваня Разсудинъ, вотъ что я. И такъ какъ я люблю, то хочу чтобы любили именно меня, какъ я есть. Если же этого нельзя, то что же тогда? что же тогда?

И Ваня сѣлъ, будто все досказалъ. Эсперъ Петровичъ потеръ за ухомъ и началъ:

— Утромъ я все сообразилъ бы гораздо лучше, но и теперь понимаю, въ чемъ твое желаніе. Это дѣйствительно трудно, разъ

даже Аглая Николаевна тебя не удовлетворила. Рѣдко имѣютъ такія чувства... обыкновенно просто влюбляются въ барышень Комаровыхъ, имъ же нѣсть числа. Это не глупо и правильно, что ты говоришь. Но встрѣчается это позднѣе, когда просыпается любовь. Теперь же я подумаю, до города едва ли что можно сдѣлать. Только ты обѣщай не дѣлать глупостей: тамъ стрѣляться, топиться и т. п. Аглая права, у тебя нѣтъ подходящихъ товарищей; это развлекаетъ, понимаешь? Ты знаешь, какъ я хорошо тебя знаю, я ничего не упущу изъ виду, даже твоей родинки, если тебѣ угодно. Повѣрь мнѣ, все устроится и экстренности, подобныя сегодняшней, не скоро повторяются. Спи спокойно.

Ваня поцѣловалъ Эспера Петровича, промолвивъ:

— Я не знаю, почему, но я вамъ вѣрю.

— Конечно, надо быть безъ предрасудковъ, но благоразумнымъ и не впадать въ крайности.

— Я знаю.

МЕЧТАТЕЛИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— Сашенька, Зиночка, разъ Виталій будетъ говорить, нужно сѣсть, потому что это будетъ на добрыхъ полчаса — такъ проговорилъ Ваня и первый опустился на траву.

Вслѣдъ за нимъ со смѣхомъ, расправляя юбки, сѣли на мягкую зелень Александра и Зинаида Львовны, Марта Фуксъ, Петръ Сергѣевичъ Мельниковъ, и даже Клавдія Павловна осторожно примостилась на пенекѣ; одинъ Виталій Павловичъ, безъ фуражки, остался стоять спиной къ обрыву и обративъ къ компаніи свое худое въ веснушкахъ лицо. Онъ даже прокашлялся, будто дѣйствительно собираясь говорить рѣчь. То, что онъ сказалъ, была, конечно, не рѣчь, а скорѣй рацея, но длилась она дѣйствитель-

но добрыхъ полчаса, хотя слушатели не особенно утруждали себя вниманіемъ.

Говорилъ онъ восторженно, сбивчиво и мечтательно о молодости, веснѣ, о томъ, какіе здѣсь собрались все хорошіе люди, говорилъ онъ, какъ соловей поетъ, опьяняясь звуками собственныхъ словъ и даже слегка закрывая глаза.

— Что, други, есть краше и милѣ весны, любви и юности? — и посмотрите вокругъ себя: — не распустились ли всѣ цвѣты и деревья, не пахнетъ ли черемухой и сиреню, не молоды ли мы всѣ (не хмурься, Клаша, — ты, можетъ-быть, моложе насъ всѣхъ — духомъ, духомъ), и наконецъ не всѣ ли поголовно мы влюблены? Вотъ передъ нами счастливая пара — Петя и Зина, конечно, Марта Николаевна безъ ума любитъ своего мужа и взаимно любима имъ, у милого Вани навѣрно есть тоже предметъ, — иначе, почему бы онъ такъ сіялъ и веселился? Клавдія Павловна та любитъ весь міръ, и даже я, — я, долженъ признаться, уязвленъ стрѣлою амура, но кто она — это я вамъ не открою ни за что. Нѣтъ ни за что не назову, кого люблю я.

Если бы ораторъ не замолчалъ, то можно было бы сказать, что сго прервала Александ-

ра Львовна: во всякомъ случаѣ послѣ небольшой паузы она заговорила первой, и было такое впечатлѣніе, будто она прерываетъ если не чью-то рѣчь, то во всякомъ случаѣ мысли.

— Вы такъ все хорошо распредѣлили, Виталій Павловичъ, что на мою долю ничего не осталось, но я могу составить *postscriptum* къ вашему диѳирамбу. И Александра Львовна влюблена и тоже не скажетъ ни за что „кого люблю я“. Видите, и я умѣю загадывать загадки не хуже вашего!

А сама взглянула, покраснѣвъ, на веснушчатое лицо Виталія и поднялась съ земли, будто давая понять, что вопросъ исчерпанъ. Вслѣдъ за нею поднялось и все общество и медленно отправилось по дорожкѣ мимо рѣдко посаженныхъ яблонь къ бѣлѣвшей далеко въ концѣ террасѣ.

Клавдія Павловна, взявъ подъ руку брата и немного отставъ, сказала ему тихо:

— Я тебя одобряю, Витя. Саша прямая и хорошая дѣвушка, ты имѣешь глазъ.

Тотъ молодцовато вздернувъ голову, что совсѣмъ не шло къ его фигурѣ, худенькой и сутуловатой, промолчалъ и только крѣпче прижалъ сестрину руку.

Аллея къ дому такъ длинна, что, пока на-

ши герои ее пройдутъ, мы поспѣемъ читателя познакомить съ ними, тѣмъ болѣе, что во время пути ничего особеннаго не случилось.

Зинаида и Александра Львовны Прохоровы были сироты важнаго генерала, умершаго лѣтъ шесть тому назадъ послѣ десятилѣтняго вдовства и оставившаго дочерямъ изрядный достатокъ, свѣтское воспитаніе, пылкій и живой характеръ и милую, немного слишкомъ россійскую внѣшность. Онѣ были похожи другъ на друга, но не сходствомъ близнецовъ или даже сестеръ, а какимъ-то отдаленнымъ семейнымъ сродствомъ, которое всего яснѣе сказывается въ незамѣтныхъ мелочахъ: улыбкѣ, интонаціи, манерѣ пожимать плечами и т. п.

Они гостили у своей тетки—Марты Николаевны Фуксъ, мужъ которой, важный городской дѣлецъ, не могъ и не хотѣлъ покидать своей финансовой атмосферы для тихаго лѣтняго затона: впрочемъ, никто изъ гостившихъ у Фуксовъ молодыхъ людей особенно объ этомъ не жалѣлъ, такъ какъ банкиръ, не смотря на свою любезность и предупредительность, вносилъ что-то стѣсняющее и чуждое въ ихъ веселый хорюводъ, и было даже не совсѣмъ понятно,

что общаго между нимъ и его собственной женой.

Гостили же тамъ Виталій Павловичъ Меркурьевъ со своей сестрой Клавдіей Роммеръ уже старѣющей вдовой, сохранившей какую-то молодую наивность и нерусскую разсудительность, вѣроятно, заимствованную отъ покойника мужа, англичанина и фабриканта, да еще самые молодые гости—Петръ Сергѣевичъ Мельниковъ и его двоюродный братъ Ваня.

Въ имѣніи Фуксовъ, которое хозяинъ не захотѣлъ передѣлывать, было все еще на барскую ногу, просторно и запущенно, такъ что всѣмъ залетнымъ птицамъ было гдѣ размѣститься хотя и не счень просторно, но зато уютно, да и то сказать—въ молодости лучше, чѣмъ когда бы то ни было, понимаемъ пословицу, „въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ“. Обиды, конечно, и могли бы быть, но какъ-то всѣ такъ распредѣлились парами, по молчаливому соглашенію, что никакихъ треній не обнаруживалось; только одинъ Ваня бродилъ одинокимъ,

Передъ часомъ, войдя на ту же бѣлую террасу, которая помѣщалась въ концѣ аллеи, и смотря на выплывавшую бокомъ оранжевую луну, Саша обратилась къ Виталію Павловичу:

— Вы, конечно, догадываетесь, Виталій Павловичъ, что я отлично поняла, къ чему была ваша рѣчь и на что она мѣгала: могу вамъ сообщить, что вы не промахнулись, хотя и кажетесь человѣкомъ разсѣяннымъ.

Виталій, прервавъ ее, молвилъ:

— Но отчего я разсѣянъ? Оттого что глаза мои всегда устремлены на одну точку, мысли мои заняты однимъ и тѣмъ же, и сердце тоже.

Усмѣхнувшись, Саша сказала:

— И эта точка, конечно,—я?

— Да, вы; вы сами не знаете, Александра Львовна, насколько я васъ люблю.

Онъ хотѣлъ-было взять ее за руку, но ловко ускользнувъ, дѣвушка отвѣтила сухо-вато:

— Надѣюсь, мы не будемъ повторять объясненія въ любви, которыя я уже имѣла.

— Да, но вы ничего мнѣ не отвѣтили.

— Какъ вы любите точки надъ і. Вы мало обращались съ женщинами; развѣ мы когда-нибудь скажемъ прямо? Нужно смотреть, догадываться и по-ни-мать. Если бы у васъ голова не такъ была занята мною, и вы больше бы обращали на меня вниманія, вы бы ужъ давно поняли.

— Что?—будто вздохнулъ ее собесѣдникъ.

— Ахъ, Боже мой, да то, что я васъ люблю, конечно,

— Александра Львовна!—возопилъ тотъ и протянулъ обѣ руки впередъ, но въ эту же минуту на террасу легкимъ шагомъ взошли Зиночка и Петя, которые не стѣснялись гулять по вечерамъ вдвоемъ, будучи уже объявленными женихомъ и невѣстой.

Отъ смущенія говоря громко, Виталій Павловичъ произнесъ:

— А мы съ Александрой Львовной хотѣли итти искать васъ къ чаю.

— Отчего это сегодня мы такъ экстренно понадобились, и почему ты такъ кричишь?—спросилъ Петя, не видя въ темнотѣ румянца, заливашаго лицо Виталія.

— На террасѣ очень резонансъ хороший, — промолвила Саша, и всѣ вчетверомъ прослѣдовали въ пустоватую столовую, гдѣ на диванѣ сидѣли Марта и Клавдія, прислушиваясь, какъ въ темной гостиной Ваня игралъ Грига.

— А ужъ самоваръ почти остылъ,—сказала Марта Николаевна, особенно зорко взглядываясь въ лица пришедшихъ, а Клавдія Павловна, задержавъ нѣсколько брата спросила тихо:

— Ну, что, Витя, кажется, скоро за ужи-

номъ придется пить за двѣ пары нареченныхъ?

— Да, да, да, уповаю, — отвѣтилъ тотъ такъ громко, что всѣ повернули головы, а Ваня пересталъ играть.

II.

И Дѣйствительно, недѣли черезъ три Александра Львовна, найдя Марту въ бесѣдѣ, гдѣ была сдѣлана плита для варки варенья, обратилась къ ней взволнованно:

— Милая тетя, можно мнѣ съ вами поговорить?

Спокойно отложивъ книгу и глянувъ на дѣвушку открытыми сѣрыми глазами, та промолвила:

— Конечно, дитя; развѣ мнѣ когда-нибудь не доставало времени или желанья тебя слушать? Но отвѣть мнѣ сама сначала на одинъ вопросъ: отчего это волненіе, развѣ случилось что-нибудь важное?

— Да, тетя! — воскликнула та, опускаясь передъ Мартой на колѣни.

— Осторожно: здѣсь пролито варенье. Ну какое же важное открытіе ты мнѣ сдѣлаешь?

— Тетя, Виталій Павловичъ проситъ меня выйти за него.

— Что же удивительнаго, развѣ могло быть иначе? Я давно знаю, что онъ тебя любить.

— Такъ что вы одобряете?

— Я не говорю, что я одобряю, я только говорю, что онъ тебя любить, и для меня нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе; но я совѣмъ не знаю, любишь ли ты его, и что изъ этого выйдетъ.

— Да, и я люблю его, — сказала дѣвушка, покраснѣвъ.

Видя, что Марта ничего не отвѣчаетъ, она повторила:

— Да и я люблю его; развѣ ты мнѣ не вѣришь? Я всегда была прямой.

— Ты всегда была прямой, — медленно повторила тетка, и стала, не спѣша, снимать пѣнки.

Осы жужжали надъ тазомъ, сильно пахло лѣсной земляникой, и солнце палило почти по-іюльски, такъ что было странно видѣть Марту Николаевну такой же причесанной, затушеванной, отнюдь не раскраснѣвшей и занимавшейся вареньемъ такъ, будто она вышивасть бисеромъ. Въ молчаніи она медленно произнесла:

— Странно.

— Что странно, что странно — вдругъ какъ-то заколотилась Саша.

— Во-первыхъ, не бѣснуйся, а во-вторыхъ, я сказала „странно“ на свои собственные мысли, совѣмъ не относительно тебя. А если ты хочешь знать мое мнѣніе насчетъ твоего брака съ Виталіемъ Павловичемъ, такъ имѣй въ виду, что онъ большой фантазеръ и все привыкъ видѣть въ розовомъ свѣтѣ. Онъ очень слабъ, а ты...

— А я? — подхватила Саша.

— А ты, — милая, прямая дочь генерала Прохорова, но ты очень взбалмошна, и такому мужу, какъ Виталій съ тобой придется крутенько.

— Но я его люблю! — отвѣтствовала Саша съ вызовомъ.

— Нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь, Саша, и отъ души тебѣ желаю счастья! — она наклонилась ко все еще сидящей на землѣ дѣвушкѣ и поцѣловала ее въ лобъ.

— А все-таки, тетя, вы Зину любите больше меня.

— Не скрою, больше.

— И Петю.

— Я не понимаю, при чемъ тутъ Петья? — слегка нахмурившись и тотчасъ же заставивъ исчезнуть морщины со лба, сказала Марта

Николаевна и снова принялась снимать пѣнки.

Саша сердцемъ угадала, что тетя Марта предпочитаетъ ей старшую сестру Зинаиду, хотя никто не могъ бы замѣнить разницу въ обращеніи съ ними всегда ровно и въ мѣру веселой и, можетъ-быть, не въ мѣру благоразумной госпожи Фуксъ. Но это была правда, что у тети Марты сердце лежало больше къ живой и крутой, но имѣвшей какую-то сдержанную силу Зинаидѣ, нежели къ взбалмошной Сашѣ. Въ концѣ концовъ или скорѣе, въ концѣ лѣта обѣ дѣвицы Прохоровы соединили каждая свою молодую жизнь съ другой юной судьбой на все долгое время до гробовой доски, на всѣ бѣдствія и радости.

И Марта Николаевна одинаково хлопотала и радостно покровительствовала обѣимъ парамъ въ день ихъ свадьбы; тѣмъ болѣе было удобно проявлять такую одинаковость отношенія, что обѣ свадьбы имѣли общее время и мѣсто, т.-е. всѣхъ четырехъ обвелъ вокругъ аналоя одинъ и тотъ же сельскій батюшка въ одинъ и тотъ же прекрасный день.

Было все совершенно попросту, гостей никого не было, кромѣ шаферовъ, и даже

Андрей Ивановичъ Толстой, на прїѣздъ котораго очень разсчитывали Петя и Ваня, не прїѣхалъ, ограничившись присылкой депеши. Послѣ ужина всѣ гуртомъ же отправились на ближайшую станцію, чтобы ѣхать въ Петербургъ, гдѣ хотѣли заранѣе приготовить себѣ уютное и привлекательное жилье до начала осени.

До станціи было верстъ двѣнадцать, и всю дорогу со всѣхъ трехъ экипажей перекликались и пересмѣивались весело и беззаботно, и только подъ самый конецъ, когда два первые экипажа ускакали далеко впередъ, на третьемъ завелся разговоръ, тихій, безъ смѣшковъ и веселья. Марта Николаевна и Клавдія Павловна говорили серьезно и дущевно вполголоса, какъ всегда говорится, когда ночь навалитъ на густыя деревья темную вату, а звѣзды, мерцая, нисколько не свѣтятъ, а только кажутъ по сторонамъ обманчивыя дороги. Ваня, сидѣвшій на козлахъ, иногда вставлялъ свои фразы и тоже говорилъ тихо, будто въ церкви или въ комнатѣ спящаго.

Говорилось о судьбѣ, предстоящей двумъ беззаботнымъ парамъ, и Клавдія Павловна по сестрински пытала тетю Марту, разузнавая, какая на самомъ дѣлѣ жена досталась ей Витѣ.

— Вы напрасно беспокоитесь, Клавдія Павловна, Саша дѣвушка прямая и любящая. Это ничего, что у нея крутой нравъ.

— А развѣ сами вы не беспокоитесь, Марта Николаевна, скажите по правдѣ?

— За кого? За Сашу?—нисколько.

— А я такъ гораздо больше беспокоюсь за Петю, — вдругъ произнесъ изъ темноты Ваня. — Вы его мало знаете, а межъ тѣмъ это рѣдчайшій человѣкъ.

— Я знаю,—еле молвила Марта.

— Нѣтъ, вы не знаете, какой онъ, — гдѣ вамъ знать, — а я то съ дѣтства выросъ съ нимъ и люблю его, какъ родного. Онъ очень стыдливый и отгороженный, т.-е. очень себя сдерживаетъ, и то, что въ немъ себѣ не нравится, — искореняетъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень смѣлый, такъ знаете, по духу смѣлый, не на вздоръ какой-нибудь, а на дѣйствительныя рѣшенія. Это—нѣжный цвѣтокъ, и потомъ посмотрите, какая красота!

— Да, онъ очень красивъ, — снова отозвалась Марта.

— Я только одного человѣка знаю лучше Петра Сергѣевича.

— Кого же?—спросилъ кто-то изъ дамъ.

— Это — Андрей Ивановичъ Толстой.— Его и самъ Петя боготворить.

— Да, онъ много о немъ рассказывалъ,— сказала Клавдія Павловна неохотно.—Петръ-то Сергѣевичъ очень его хвалить, а въ городѣ о немъ и нѣчто другое говорятъ.

Ваня несмотря на темноту, возвысилъ голосъ:

— Ахъ, мало ли что говорятъ. Вотъ отрубите мнѣ сейчасъ голову, если същется другой такой благородный, смѣлый, нѣжный и чистый человѣкъ, какъ Андрей!

— И что же, онъ тоже очень красивъ?— спросила насмѣшливо Марта.

— Куда лучше Пети Мельникова!— воскликнулъ задорно Ваня, и разговоръ поневолѣ прекратился, потому что уже, блистая разноцвѣтными огнями, въ клубахъ освѣщеннаго пара, за поворотомъ обнаружилась станція, а веселые голоса новобранцевъ имъ кричали:

— Ну, какъ же вы доѣхали, все ли переговорили? А мы думали, что у васъ ужъ колесо сломалось!

— Нѣтъ, колеса у насъ не сломалось, а переговорили мы все и даже больше того!— отвѣтилъ Ваня, высаживая своихъ дамъ.

III.

Пріѣхавъ въ холодный Петербургъ, обѣ сестры поселились близко другъ отъ друга,

чтобы и въ городѣ не нарушать того единенія, къ которому они въ дѣтствѣ привыкли. Устроились они почти одинаково, несмотря на то, что Зинаида Львовна могла бы жить гораздо шире, чѣмъ Сашенька, такъ какъ и Мельниковъ былъ человѣкъ не бѣдный. Выбрали они Фурштадскую, какъ улицу и скромную и вмѣстѣ съ тѣмъ соответствующую ихъ традиціямъ. Казалось, ихъ двойная жизнь должна была бы протекать въ мирѣ и любви, потому что чего же человѣку больше надобно? Всѣ они были молоды, любили другъ друга. Молодые люди ходили куда-то на службу, а ихъ жены по мѣрѣ силъ и способности устраивали имъ домашній уютъ, чтобы все было чисто, аккуратно и нарядно, и выѣзжали они всегда вчетверомъ въ какіе-нибудь солидные театры или по почтеннымъ родственникамъ, гдѣ было скучновато, но все хранило видъ незыблемаго семейнаго очага.

Такъ шло мѣсяцъ, два, но дальше, хотя все съ виду оставалось попрежнему, наблюдательный человѣкъ могъ бы замѣтить какую-то переменъ, особенно въ Александрѣ Львовнѣ, которая стала безпокойна и нервна, что не совсѣмъ соответствовало ея живому, но ровному характеру. Противъ ожи-

данія она стала проявлять излишнюю суетность и какое-то болѣзненное тщеславіе въ вещахъ, казалось бы, мало кому нужныхъ. Будто какое-то соперничество съ собственной сестрой, у которой мужъ былъ богаче и краше, и которую всѣ, начиная отъ тети Марты до старухи няньки, любили больше, чѣмъ ее, Александру Львовну, теперь обнаружилось.

Мужъ ея, казалось, ничего не замѣчалъ, все еще видя въ ней ту, которую хотѣлъ видѣть. Лишь пристальный взглядъ сестры Клавдіи, бывавшей у нихъ не особенно часто, дольше, чѣмъ обыкновенно, останавливался на поблѣднѣвшемъ и похудѣвшемъ кругломъ лицѣ своей belle soeur.

Иногда, говоря пустяя фразы спокойнымъ и привѣтливимъ голосомъ, она будто хотѣла сказать совсѣмъ другое ничего не видящему брату.

— А у васъ новость. Этихъ вазъ сначала не было, и платье у тебя какое-то новое,— я его раньше не примѣчала! —говорила Клавдія, подымая глаза отъ книги.

— Да, это платье новое, я недавно сшила, а вазы вчера мнѣ понравились въ окнѣ, и Виталій за ними сѣздилъ.

— Очень миленькія, не правда ли?—будто виноватый, подтверждалъ мужъ.

— Ихъ могутъ легко разбить, — у васъ Глаша такая неловкая, хотя и честнѣйшая дѣвушка.

— Да, это ужасно! Я ужъ давно говорила Виталію, что нужно взять лакея,—быстро подхватила Саша.

— Не получилъ ли ты, Витя, наслѣдства?—спросила Клавдія, усмѣхаясь.

— Нѣтъ, насколько я знаю.

— Но что изъ того?—надменно отпарировала жена.

— Я ничего не хотѣла сказать дурного, по-вѣрь, — отвѣтила Роммеръ, но когда Саша вышла за двери, она обратилась къ брату:

— Отчего вы такъ шикарите? Вѣдь это же дурной тошъ. Какъ сама Саша не понимаетъ этого? Вѣдь ты еще покуда не министръ, и вы не московскіе богачи, чтобъ такъ швырять деньги! Зина и та живетъ гораздо скромнѣе, хотя ты знаешь, что Петя богатъ.

— Ахъ, Клаша, ты все преувеличиваешь. Вѣдь это такъ понятно въ Сашиномъ возрастѣ: она такъ молода, и ей не хочется быть хуже другихъ.

— Не только не хуже, но многимъ луч-

ше другихъ хочется быть ей, а молодость эта продлится еще добрыхъ пятнадцать лѣтъ.—И потомъ, вставъ и подойдя близко къ Виталію, Клавдія Павловна прошептала:—Не думаешь ли ты, Витя, что она завидуетъ Зинѣ?

— Нѣтъ, это было бы низко. И чему завидовать? Только тому, что они нѣсколько богаче насъ?

— Ты всегда на все смотришь въ розовые очки; она можетъ завидовать и тому, что Зина и красивѣе ея, и умнѣе, и даже тому, что у той такой мужъ.

— Ты думаешь, что она не равнодушна къ Петѣ? Какой вздоръ! — разсмѣявшись, отвѣтилъ Виталій. — Просто, ты стала скупенька подъ старость, милая Клаша.

Клавдія Павловна поджала губы, но сказала только:

— Миѣ очень жалко, что пришлось говорить объ этомъ, но вотъ я сказала,— смотри самъ.

Въ это время въ столовую вошла уже одѣтая къ выходу Александра Львовна и стала торопить мужа ѣхать куда-то съ визитомъ; она заговорила аффективно громко:

— Ну, что же, ѣдемъ, Виталій, а то не

успѣешь оглянуться, какъ темно станетъ. Надѣюсь, Вы окончили обсужденіе вопроса о нашей прислугѣ?—Она подчеркнула слово нашей, искоса глядя на Клавдію Павловну. Нѣсколько подождавъ, она добавила холодно:—Ты, Клавдія, обѣдаешь у насъ? мы къ обѣду будемъ, а на столѣ у меня лежатъ новыя книги.

— Нѣтъ, благодарствуйте, я уже ѣла, и мнѣ сейчасъ нужно уѣзжать по одному дѣлу.

Сидя на извозчикѣ, Александра Львовна сначала сердилась, что тотъ ѣдетъ слишкомъ медленно, и лошадь у него заморенная, и пролетка ободраная, пока ее не прервалъ Виталій Павловичъ:

— А ты, Саша, все-таки какъ-то слишкомъ не любезна съ Клавдіей.

Нахмурившись и помолчавъ минуту, та выговорила:

— Знаешь, Виталій, хотя она тебѣ и сестра, но должна признаться, что мнѣ не особенно нравится ея вмѣшательство въ разныя мелочи. Это дѣло наше съ тобой, понимаешь, и потомъ, что же, я мотовка, по ея?

— Она говорить отъ любви и попросту, и тебя нисколько не упрекать.

— Ну, вотъ и я ее тоже не упрекаю и попросту скажу, что это мнѣ не нравится, и тогда посмотримъ, что выйдетъ.

— Ты встала сегодня съ лѣвой ноги, Саша.

— Какая есть; я всегда такая, и вы меня имѣли время разглядѣть, я себя на таила.

Ужъ раздѣваясь ко сну, Виталій Павловичъ робко завелъ:

— А какъ тебѣ, Саша, нравится Петя?

— Вотъ новое дѣло. Я думаю — какъ и всѣмъ вамъ, — я очень дружна къ нему.

— А ты никогда не была въ него влюблена? — еще тише спросилъ Виталій Павловичъ. Отъ изумленія Александра Львовна перестала даже раздѣваться. Опустивъ руку со лиловымъ чулкомъ и широко раскрывъ глаза, она сначала долго смотрѣла на мужа и потомъ вдругъ стала неудержимо смѣяться.

— Чему ты, чему ты? — прерывая ее смѣхъ спрашивалъ мужъ.

Еще прерывистымъ отъ смѣха голосомъ Сашенька ему отвѣчала:

— Ты меня разодолжилъ, Виталій. Знаешь, всему есть предѣлъ.

— Но почему же тебѣ и не быть влюбленной въ Петю?

— Да потому, что я люблю тебя, глупый ты человекъ.

— Ахъ, такъ?

— А то какъ же? Ну, брось всякіе куражи и поиди ко мнѣ. Не хватало еще, чтобы и твои глупые вопросы были слѣдствіемъ визита твоей сестры! — Она привлекла, почти притащила его за руку къ себѣ и стала гладить по головѣ, плечамъ и шеи, какъ маленькаго ребенка, а онъ, уткнувъ носъ въ розовое и полное ея плечо могъ только бормотать:

— Милая Саша.

Она смѣялась и шлепала его по затылку иногда довольно больно и вдругъ произнесла совершенно спокойнымъ голосомъ:

— А знаешь, Виталій, гораздо выгоднѣе имѣть мѣсячнаго извозчика. Онъ стоитъ не больше ста или ста двадцати рублей въ мѣсяцъ, а у меня все равно на этихъ клячъ выходитъ больше четырехъ рублей въ день. Это будетъ даже экономно, и Клавдія Павловна можетъ быть довольна.

— Оставимъ про нее, — отвѣтилъ Виталій, снова обнимая жену за шею.

Уже засыпая, Сашенька пріоткрыла глаза и прошептала:

— Такъ я влюблена въ Петю Мельни-

никова?..—и съ тихимъ смѣшкомъ повернулася на другой бокъ.

IV.

Въ другой квартирѣ на той же Фурштаттской нѣкоторое безпокойство, но очень скрытое, нельзя было объяснить ужъ ничьими визитами. Да и было ли тамъ безпокойство? Не обманываетъ ли насъ навязчивая аналогія между двумя парами? Но если сестры были сестрами и дочерьми одного генерала Прохорова, то вѣдь мужья-то ужъ ничѣмъ не были схожи одинъ съ другимъ. И потомъ Зинаида Львовна и Петръ Сергѣевичъ такъ искренно любили другъ друга и были достаточно богаты, чтобы никакія мотовства не могли помѣшать ихъ взаимному согласію. Но часто въ концѣ, казалось бы, обычныхъ разговоровъ легкая складка ложилась на чело Зинаиды, но тотчасъ же исчезала какъ у тети Марты, а Петя долго смотрѣлъ молча, открывъ еще болѣе свои большущіе глаза, и потомъ, вздохнувъ, снова продолжалъ прерванный разговоръ. Они никуда почти не выходили и цѣлые дни и вечера проводили вдвоемъ, что впрочемъ и приличествуетъ новобрачнымъ, то читая вслухъ,

то занимаясь музыкой, то просто молча сия рука съ рукой, но все чаще и чаще во время чтенія жена ходила по комнатѣ руки назадъ, останавливаясь по временамъ у неза-вѣшанныхъ оконъ, откуда видно было, какъ проѣзжали по улицѣ рѣдкія кареты, или трубилъ автомобиль, и, повернувшись снова къ свѣту, разсѣянно отвѣчала на вопросы мужа.

Первое время онъ спрашивалъ:

— Что съ тобой, Зина, тебѣ не скучно?

А она отвѣчала:

— Какой вздоръ, съ тобою? Было бы скучно, я бы сказала, повѣрь.

Но потомъ онъ уже не спрашивалъ, а только молча взмахивалъ рѣсницами и снова принимался читать стихи.

Однажды, пробывъ передвечеръ у какихъ-то родныхъ, не снимая шляпы, Зина прошла въ залу и въ темнотѣ сказала мужу, крѣпко сжавъ его руку:

— Какъ скучно, Петръ, ахъ какъ скучно, и отчего, сама не знаю, а люблю я тебя безумно.

И склонилась головою на его плечо.

Петръ Сергѣевичъ ничего не сказалъ, но крѣпко прижалъ къ себѣ плачущую женщину и такъ стоялъ въ темной залѣ,

на потолокъ которой плыли круги отъ проѣзжавшихъ по улицѣ каретъ; и можетъ быть, никогда: ни когда въ двѣтникъ онъ сказалъ ей впервые „люблю“, а она убѣждала въ розовомъ платьѣ, ни когда, отвернувшись къ стѣнкѣ, она ждала его въ первую ночь, ни въ первые сладкіе дни ихъ тихой жизни,—никогда не чувствовалъ онъ ее такой близкой, маленькой, беззащитной, эту сильную Зину Прохорову, а себя, нѣжнаго Петю Мельникова, крѣпкимъ дубомъ.

Такъ онъ ей ничего и не сказалъ, а она сама поднявши голову, отчетливо молвила:

— Прости, Петя, я очень устала, но этого больше не повторится. — И поцѣловала его въ лобъ, какъ мать.

И такъ они прошли всѣ комнаты, не зажигая электричества, она впередъ, а онъ за ней и не казался уже самъ себѣ дубомъ Петръ Сергѣевичъ.

Но черезъ нѣсколько дней будто случайно, смотря газеты, Петя сказалъ:

— Поѣдемъ сегодня, Зинокъ, въ оперу, а потомъ гдѣ-нибудь поѣдимъ, мы засидѣлись, прихватимъ и Саню съ мужемъ съ собою.

Зиночка взглянула насмѣшливо и лукаво сказала:

— Нѣтъ, Петя, въ театрѣ я сегодня не поѣду, а посидимъ почитаемъ. — И добавила тихо: — Нельзя же, мой другъ, пить такими бѣлыми нитками.

Но когда, спустя нѣкоторое время, Петръ Сергѣевичъ повторилъ свое предложеніе, она согласилась, бросивъ вскользь:

— Ну чтò съ тобой подѣлаешь? только ужъ не зови Виталія съ Сашей, а поѣдемъ вдвоемъ и будемъ пить, и ты ухаживай за мной, будго мы не женаты, а влюблены другъ въ друга.

— Но развѣ это такъ исключаетъ одно другое? я не хотѣлъ этого сказать.

— Тѣмъ лучше: тебѣ еще удобнѣе будетъ изображать моего поклонника.

Не даромъ старая нянька называла Зиночку Прохорову „неудержимой“. Ей мало были извѣстны мѣра и вѣсь, и теперь, во время второго расцвѣта еще не увядающей ихъ влюбленности, она не хотѣла знать никакихъ препонъ и преградъ, а понеслась какъ буйная кобылица по полю, когда пыль не поспѣваетъ за нею, а вдали за рѣкою гулко слышится тупой топотъ. Не знающіе ихъ люди обращали вниманіе и завидовали Петру Сергѣевичу, когда они появлялись вмѣстѣ, всегда въ залахъ, а не въ кабинетахъ

ресторановъ (нарочно для показа, пусть, молъ, видятъ нашу любовь, всему свѣту съ башни крикну): Зиночка въ модныхъ и даже чуть-чуть кричащихъ туалетахъ, а Петръ Сергѣевичъ — красота неописанная, будто англійскій принцъ.

— Это будто изъ Мюссе, не правда ли, Петя, или изъ Бальзака?—шептала Зинаида Львовна, высоко подымая юбки, когда спускалась по лѣстницѣ.

— Это гораздо лучше, это изъ тебя, мой идолъ, милая ты моя причудница, — отвѣчалъ ей въ тонъ англійскій принцъ, а глаза его тосковали.

„Зачѣмъ, зачѣмъ все это? будто кокетка, развѣ я не влюбленъ въ нее и такъ? на островѣ необитаемомъ любилъ бы я ее еще втрое“.

Однажды будто замѣтила эту тоску Зинаида и спросила его, не опуская бокала, его же словами:

— Что съ тобой, Петя, тебѣ скучно?

А онъ ей отвѣтилъ:

— Какой вздоръ, съ тобою? было бы скучно, я бы сказалъ, повѣрь.

И Зинаидѣ, очевидно, вспомнилось то чтеніе и, не захотѣвъ, чтобъ мужъ въ томленіи въ темной гостиной сказалъ ей: -

„Какъ скучно, ахъ, какъ скучно“, — она быстро перемѣнила фронтъ и какъ отрѣзало.

Сколько ни звалъ ее Петръ Сергѣевичъ туда и сюда, все нѣтъ да нѣтъ, а начала вышивать какой-то длиннѣйшій половикъ, котораго, если растянуть, то хватило бы отъ Фурштадтской до самаго Исаакія.

У.

Ситцевая занавѣска отдѣляла сундуки и кровати отъ широкой и свѣтлой половины, гдѣ у трехъ оконъ было поставлено три стола, а на нихъ, въ родѣ уютной кухни, были расположены баночки, скляночки, горшечки, тарелочки и цѣлый ассортиментъ начисто вымытыхъ кистей, а въ отдѣльной латкѣ пятокъ сырыхъ яицъ.

За однимъ изъ столовъ сидѣлъ чернобородый мужчина, выводя по налсвакашенной и уже позолоченной липовой доскѣ съ выемкой красныя перья серафимовъ. На носу у него были очки, дѣйствовалъ онъ такой крошечной кисточкой, что было смѣшно, какъ она помѣщается и не выпадаетъ изъ толстыхъ короткихъ пальцевъ. Работалъ онъ молча, иногда тяжело вздыхая, но казалось,

что вздохи эти происходят не отъ какого-нибудь неудовольствія, потому что лицо его выражало тихую пріятность и серьезное умиленіе:

Повздыхавъ еще полчаса и глянувъ въ окно на спускавшіяся сумерки, онъ кликнулъ.

— Ты еще не кончила, Поликсена? скоро шабашить пора!—

Въ отвѣтъ на его окрикъ совершенно неожиданно за занавѣской обнаружилось присутствіе другого человѣка, и даже женщины, которая тоненькимъ голосомъ ему отвѣчала:

— А у меня давно ужъ свѣтъ вздутъ.

Отдернувъ занавѣску, Кузьма Тихоничъ вступилъ въ сундучное отдѣленіе, гдѣ оказалось тоже окно, у котораго стоялъ уже не столъ съ горшечками, а ножная машинка; столъ же стоялъ рядомъ, и на немъ помѣщалась лампа и куски, большіе и маленькіе, разноцвѣтныхъ тканей веселыхъ колеровъ. Обернувъ къ входящему маленькое круглое въ рыжихъ кудеркахъ личико, женщина проговорила:

— Сегодня среда, можетъ-быть, и Федоръ придетъ.

— Все можетъ быть, а у васъ какъ?

— А ужъ и не говорите; теперь Зинаида Львовна засѣла дома, силкомъ не вытащишь, а съ бариномъ хоть и не ругаются, а распря у нихъ большая; очень жалко Петра Сергѣевича.

— Такъ и всегда бываетъ. Вѣдь бракъ— это не фунтъ изюма съѣсть. Старики не глупѣ насъ были, любовь что—дунулъ и нѣтъ ея, а въ юныхъ годахъ и тѣмъ паче. Тутъ главное—характеръ и скромность взаимная, а безъ нихъ ничего не будетъ.

— Хорошо вы говорите, дяденька, да вѣдь, если взять въ розницу, обоими не нахвалишься, что Зинаида Львовна, что Петръ Сергѣевичъ.

— Ну вотъ и выходитъ, что порознь скучно, а вмѣстѣ тѣсно, я ихъ не знаю и говорить не смѣю: съ твоихъ словъ сужу, а не такую бы жену нужно Петру Сергѣевичу.

— Ужъ я сама не знаю, кто тутъ правъ, кто не правъ, да и то сказать: не мое это дѣло; такъ бы я сказала: барыня у насъ, какъ полямя пышетъ, а баринъ свѣчою теплется.

Кузьма Тихоновичъ, походя по комнатѣ, раздумчиво молвилъ:

— Трудно о чужихъ дѣлахъ судить,

вотъ тоже Федоръ про своего барина говоритъ...

Вѣрно что-нибудь экстренно понадобилось Поликсентъ, что она, низко наклонившись надъ ворохомъ лоскутковъ, стала въ нихъ разбираться и не поддержала бесѣды, и Кузьма Тихонычъ молча шагаль; такъ въ молчаніи они и пробыли, пока въ передней прозвонилъ звонокъ, и Поликсена, словно сорвавшись, побѣжала отворять двери высокому, рябому гвардейскому солдату. Лицо у него было круглое, и, несмотря на ростъ и коротко стриженую голову, всякому было бы замѣтно, что одни и тѣ же у нихъ раскосые глаза и большіе неумятыс рты. Пока Федоръ разоблачался, сестра его пошла стучать чашками и канфоркой; чай пили аккуратно и долго, по временамъ отставляя чашки, вытирая потъ, и снова за чай принимаясь, и разговоръ вели чинно о вѣстяхъ изъ деревни, о торговлѣ Кузьмы, о полковыхъ новостяхъ, о газетныхъ извѣстіяхъ, и только подъ конецъ Поликсена, собравшись съ духомъ, пропишала:

— Что это совсѣмъ забылъ твой баринъ нашего Петра Сергѣевича? а вѣдь прежде, говорятъ, близкіе друзья были.

— Этого я не могу знать, куда его вы-

сокоблагородіе ходить, а что насчетъ друзей, такъ у господина Мельникова теперь молодая жена есть, а ужъ женатый холостому какой товарищъ? Это и въ писаніи говорится—отлѣпится, моль, и прилѣпится.

— Насчетъ писанія-то, положимъ, братъ, ты путаешь, а что, конечно, у холостого человѣка одна забота, а у женатаго тысяча.

Снова пропищала Поликсена:

— А Андрей Ивановичъ не собираются жениться?

Солдатъ повелъ на нее глазомъ и сказалъ:

— Не могу знать; у насъ не спрашивалъ. А дѣвицъ и дамъ къ намъ не ѣздить.

— Вотъ-то хорошо! — пропѣла Поликсена.

— Чтò же, конечно, не плохо, разъ человѣкъ себя соблюдаетъ.

— Да,—сказалъ солдатъ и сталъ водить глазами по потолку.—Однако, пора и честь знать; спасибо на угощеньи.

— Ты приходи, Федя, почаще. Вѣдь и къ тебѣ-то мнѣ нельзя ходить. Аэонъ—чистый Аэонъ.

— Былъ Аэонъ, а вышелъ Агаэонъ,—промолвилъ солдатъ и снова заводилъ глазами по потолку.

Поликсена хихикнула, а Кузьма Тихоновичъ добавилъ:

— Пустое что-то прибираешь, служба.

— Да, — сказалъ солдатъ и сталъ прощаться, стуча сапогами, а Поликсена сѣла за швейную машинку и запѣла на мотивъ „Трансваль, Трансваль“:

„Аеонъ, Аеонъ, страна родная“.

— Тоже нашла занятіе, какіе псалмы пѣть.

— Вы, дяденька, человекъ старый и божественный, а я—молода и фантазію имѣю, мнѣ многое и простить можно.

— Да имѣй фантазію, сколько угодно, только Аеона тутъ не путай.

— Я не въ томъ расчисленіи, а я насчетъ господина Толстого задумавшись: я думаю, трудно ему при такой красотѣ себя соблюдать.

— Это ужъ не наша забота. Соблюдается, значитъ, Богъ ему помогаетъ.

— А можетъ-быть, онъ отъ природы—безчувственный?

— Все можетъ быть, только мой совѣтъ: и господина Толстого тебѣ къ фантазіи не приплетать.

— Мысль у меня, какъ птицы, дяденька:

„Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы ни труда“...

Но Кузьма Тихоновичъ, очевидно, совершенно разсердился и, махнувъ рукой, сталъ стелить себѣ постель на скрипучемъ сундукѣ, а Поликсена, хоть и не пѣла Аѳона, но все что-то шевелила губами и когда переходила отъ стола къ машинкѣ и шкапу, то дѣлала это въ припрыжку; зато когда на другой день съ утра она шила въ узенькой проходной у Мельниковыхъ, она все время тоненькимъ голосомъ выводила:

„Аѳонъ, Аѳонъ, страна родная“.

— Что это вы поете, душенька?—спросила, проходя, Зинаида Львовна.

Сканфуженная Поликсена сказала:

— Такъ, вздоръ, сама выдумала; вчера у насъ былъ братъ мой Федя, знаете, который у Андрея Ивановича въ денщикахъ, вотъ я и выдумала.

— Я не понимаю, что вы говорите; при чемъ тутъ Аѳонъ?

Улыбаясь, Поликсена залепетала:

— Очень это даже подходитъ къ господину Толстому, вы не знаете, вѣдь вы ихъ не видали...

— Не видала,—спокойно замѣтила Зинаида, какъ-то насторожившись.

— Ахъ Боже мой! Да какъ можно ихъ не видать?

— Выходить, что можно; а что?

Поликсена даже вскочила со стула и воскликнула:

— Ангелъ, просто ангелъ! — И потомъ, наклонившись къ уху Зинаиды, прошептала:—А между тѣмъ себя блюдутъ.

Снова складка тети Марты набѣжала и исчезла съ чела Зинаиды Львовны, и она, проходя мимо, сказала холодно:

— Смотрите, не обузьте мнѣ въ плечахъ, я не люблю, когда приходится перешивать сорокъ разъ.

Но когда Поликсена Дмитріевна Мальчикова уходила подъ вечеръ отъ господъ Мельниковыхъ, чтобы уже дома стучать машинкой, Зинаида Львовна, будто подкарауливая ее въ коридорѣ, спросила небрежно:

— Послушайте, милая, вѣдь этотъ, какъ его... ну поручикъ... Толстой... онъ былъ, кажется, очень друженъ съ моимъ мужемъ? я что-то вспоминаю.

— Какъ же какъ же, водой не разлить. Я думала, что вамъ все извѣстно, — оттого такъ и говорила.

Будто боясь услышать что-нибудь, Зинаида поспѣшно и какъ-то виновато заключила:

— Я все думала объ Аэонѣ и хочу спросить у мужа.

— Спросите, спросите: имъ, конечно, всѣ принадлежности извѣстны.

VI.

Время приносило мало перемѣнъ въ жизнь обѣихъ паръ, т.-е. не то, чтобы ничего не измѣнялось, но измѣнялось такъ определенно, такъ подсказанно, такъ по разъ принятому направленью, что почти могло сойти за развитіе, а не за измѣненіе. Но, вѣроятно, это развитіе зашло уже слишкомъ далеко, что Клавдія Павловна почти не узнала брата, когда тотъ вошелъ въ ея крошечную, но свѣтлую и опрятную переднюю съ половиками.

— Что съ тобою, Виталій? — воскликнула г-жа Роммеръ такъ громко, что канарейки запрыгали въ двухъ висячихъ клѣткахъ, пугливо попискивая.

— Кажется, ничего особеннаго; что тебѣ показалось? — отвѣчалъ братъ, не снимая пальто.

Войдя въ залу съ піанино и тоже съ половиками безъ канареекъ, но съ аквариумомъ, гдѣ меланхолически полоскался оди-

нокій сомъ, Виталій, криво улыбаясь, молвилъ:

— А можетъ быть, ты права, Клаша: со мною, если не случилось, то готово нѣчто случиться.

— Чтò же именно?—спросила Клавдія, поднимая глаза и переставъ играть ключами, висѣвшими у ея пояса.

— Мнѣ нужно посовѣтываться съ тобою, сестра, насчетъ очень важнаго дѣла. Сядемъ, если у тебя есть время.

— Конечно. Когда же у меня не бывало времени на твои дѣла, хотя бы и не столь важныя?

Сѣвши на потертый красный диванчикъ и видя, что братъ молчитъ, озираясь по сторонамъ, она первая возобновила разговоръ:

— Что же ты мнѣ хотѣлъ сказать, Витя?

— Ты не смѣйся, Клаша: тебѣ это можетъ показаться глупымъ и наивнымъ, но это очень важно, центрально важно, понимаешь?

— Покуда мало.

— Въ сущности, я человекъ очень нетребовательный, да и нельзя предположить, чтобы Саша захотѣла меня обидѣть; можно думать про нее, чтò угодно, но она не мо-

шенница же въ самомъ дѣлѣ! А мнѣ такъ будетъ гораздо свободнѣе, гораздо: никакихъ попрековъ, никакихъ трений, намековъ на твое вліяніе — ничего. Я никогда такъ сильно не понималъ евангелія.

Клавдія Павловна, нѣсколько отстранившись отъ собесѣдника, будто для того, чтобы лучше его видѣть, произнесла:

— Чѣмъ больше ты говоришь, Виталій, тѣмъ меньше я тебя понимаю. Объясни мнѣ толкомъ, въ чѣмъ дѣло?

— Ну, если бы человѣкъ имѣлъ на ногахъ золотыя гири и шелъ ко дну, не лучше ли бы было сбросить эти гири, выплыть и быть спасеннымъ? И, будто объяснивъ вполнѣ свою мысль, онъ взглянулъ прямо въ глаза г-жи Роммеръ которая, посмотрѣвъ на него съ нѣкоторымъ испугомъ, крикнула шевелившейся въ сосѣдней комнатѣ служанкѣ:

— Дуня, выведи, пожалуйста, Томми погулять.

И лишь когда та отвѣтила: — „Слушаю съ“, — и затихъ радостный собачій лай уводимаго монса, Клавдія Павловна, наклонясь къ брату и понизивъ голосъ спросила:

— Ты хочешь перевести капиталъ на имя Саши?

— Ну, конечно! какъ ты не догадалась

объ этомъ тотчасъ? Какъ мнѣ раньше не приходило этого въ голову? Подумай, какъ это будетъ хорошо...

— Ничего хорошаго я въ этомъ не вижу. Можетъ-быть, это очень благородно, но совершенно бесполезно и даже вредно, для нея, разумѣется. Подумай и о женѣ. Да, да, да. Не смотри на меня такъ; въ данномъ случаѣ ты поступаешь, какъ эгоистъ, ты готовъ погубить, именно погубить во избѣжаніе неприятныхъ „трений“, какъ ты выражаешься, человѣка, котораго ты любишь, если не уважаешь.

— Я не понимаю, что ты говоришь,— растерянно пролепеталъ Виталій Павловичъ.

— Ага, теперь ты не понимаешь. Ты думалъ, всѣ будутъ удивляться твоему благородству, тебя хвалить и прославлять, какъ самоотверженнаго благодѣтеля? Я не знаю, можетъ-быть, всѣ такъ и будутъ къ тебѣ относиться, а вѣрнѣе, что пожмутъ плечами и посмѣются, но я, сестра твоя, которая любить тебя не меньше себя, прямо скажу тебѣ, что это будетъ глупо и вредно и для нея, да и для тебя.

— Но почему же, почему?—спрашивалъ, ходя по пятамъ за разсерженной сестрою, Виталій Павловичъ.

Не останавливаясь, та говорила.

— Все равно, ты теперь ничего не поймешь, но вѣрь мнѣ: я тебя прошу этого не дѣлать, серьезно прошу объ этомъ.

— Это невозможно, Клаша, это перемѣнимо.

— Что можетъ быть перемѣнимымъ? Только то, что уже сдѣлано.

Виталій Павловичъ сѣлъ на тотъ же диванчикъ, гдѣ только-что бесѣдовалъ съ сестрою, закрылъ лицо руками и только повторялъ:

— Этого измѣнить нельзя, нельзя, нельзя.

— Но почему нельзя? — недоумѣвала Клавдія.

Тогда Виталій отвелъ руки отъ восторженнаго и заплаканнаго лица и сказалъ съ нѣкоторой торжественностью, но не совсѣмъ увѣренно:

— Потому что это уже сдѣлано.

Внезапно остановивъ свою ходьбу, сестра воскликнула:

— Ты меня морочишь, Виталій!

Тогда тотъ болѣе твердымъ голосомъ подтвердилъ:

— Все уже совершено!

Впущенный Томми скакалъ вокругъ неподвижной Клавдіи Павловны, хватаясь зу-

бами за бренчавшіе ключи и яростно лая, та же, забывъ о присутствіи Дуни и стараясь заглушить собачій шумъ, кричала:

— Я не знаю, Виталій, отъ святости или отъ глупости ты такой!

Но, видя, что углы губъ у брата опускаются внизъ и выраженіе лица изъ неопредѣленно-восторженнаго дѣлается опредѣленно-обиженнымъ, Клавдія Павловна отпихнула Томми ногою и, подсѣвъ къ брату, произнесла:

— Во всякомъ случаѣ ты поступилъ благородно, но жалко, что ты не посоветовался раньше со мною.

Положивъ голову на сестрино плечо, Виталій сквозь слезы проговорилъ:

— А ты увѣряла...

— Что?

— Что никто не скажетъ, что я поступилъ благородно.

Виталій Павловичъ слегка улыбнулся и, видя, что сестра сидитъ крѣпко задумавшись, тихонько позвалъ забившагося подъ диванъ Томми. Клавдія Павловна, вздохнувъ, встала и сказала:

-- Обѣдай у меня, Витя.

— Да, если позволишь. Ты не повѣришь, какъ меня измучили всѣ эти исторіи.

— Еще бы,— равнодушно отозвалась сестра и вышла, позвякивая ключами.

VII.

По секрету можно сказать, что Виталій Павловичъ разстраивался, такъ сказать, предвосхищая событія, потому что ничего еще не было сдѣлано, все было поправимо, никакого общанія, связывавшаго его передъ Александрой Львовной, дано не было, а просто ему казалось, что это рѣшеніе его поступить такъ настолько сильно, что предположеніе ему представлялось уже совершившимся фактомъ. И теперь, войдя уже въ положеніе самоотверженнаго героя и благороднаго мужа, онъ легко переносилъ всякія скучныя официальности, связанныя съ такими шагами. Ему казалось, что первое слово объ этомъ было произнесено именно имъ, Виталіемъ Павловичемъ, и онъ какъ бы закрывалъ уши на то, что молча подсказано ему это было его женою. И потомъ онъ дѣйствительно думалъ, что отстранясь отъ матеріальныхъ заботъ, весь отдавшись въ руки Саши, онъ на самомъ дѣлѣ будетъ свободнѣе, спокойнѣе и независимѣе. Когда онъ сообщилъ женѣ о твердомъ сво-

емъ рѣшеніи, та безъ изумленія глянула на него, поцѣловала и сказала:

— Я не хотѣла этого, Виталій, и не просила, но, можетъ-быть, такъ будетъ дѣйствительно лучше и для тебя, главнымъ образомъ.

Получивъ все на руки, Александра Львовна проявила неожиданно большую практичность и дѣловитость, даже ея расточительность какъ бы уменьшилась, такъ что Виталій торжествовалъ и не могъ достаточно нахвастаться своимъ поступкомъ, на что у него уходило почти все свободное время. Клавдія не поддавалась восторженнымъ изліяніямъ брата и сухо только поговаривала:

— Ну, слава Богу, что все такъ хорошо устроилось.

Сашенька уже мѣсяца два окружала себя „свитой“, т.-е. порядочнымъ количествомъ мужчинъ молодыхъ и не слишкомъ молодыхъ, которые часто бывали у Меркурьевыхъ, сопровождали хозяйку на концерты и въ театры, присылали ей цвѣты и конфеты и ревновали ее одинъ къ другому, стараясь наперерывъ получить какія-либо оказательства предпочтенія. Но этихъ оказательствъ никакъ нельзя было замѣтить, вѣроятно даже самой Александрѣ Львовнѣ.

Виталию Павловичу, который состоялъ, нѣсколько затушеванный, тоже въ числѣ „свиты“, къ концу февраля сдѣлалось очевиднымъ, что только три изъ поклонниковъ его жены могутъ считаться, если не опасными, то во всякомъ случаѣ не совсѣмъ пріятными для его самолюбія мужа. Эти трое были: Святославъ Графовъ, высокій длинноногій юноша, молчаливый бѣлокурый поэтъ Штейнъ и немолодой уже господинъ, служившій въ какой-то канцеляріи и фамиліи котораго никто не зналъ, но всѣ называли Рудечка или Рудольфъ Петровичъ. Онъ былъ ни красивъ, ни некрасивъ, былъ загадоченъ, остеръ на языкъ и считался злымъ. Виталию Павловичъ не зналъ опредѣленно и не могъ догадаться, кто же изъ этихъ трехъ предпочитаетъ его женой, но ему было ясно, что куда-то улетѣла ея любовь къ нему и замѣнилась другимъ чувствомъ, безпокойнымъ и не радостнымъ. Впрочемъ, это было настолько замѣтно, что не ускользнуло даже отъ глазъ Поликсы, которая по рекомендаціи госпожи Мельниковой заходила иногда въ домъ Меркурьевыхъ для мелкаго шитья и починки.

Наконецъ Виталию Павловичъ рѣшилъ напрямикъ объяснить со своей женою. Вой-

дя въ ея комнату, гдѣ она сидѣла за какимъ-то письмомъ, онъ долго ходилъ, не зная, съ чего начать. Александра Львовна кончила письмо, надписала адресъ, новый чистый листъ передъ собой положила и задумалась. Думая, что вотъ время, мужъ сказалъ:

— Какое солнце сегодня!

— Да, свѣтитъ солнце, это не часто бываетъ,—отозвалась Саша и снова начала писать, не наклоня къ бумагѣ раскраснѣвшагося неровно лица.

Такъ она окончила писемъ шесть, запечатала ихъ сургучомъ, и солнце свои лучи перевело съ двери на печку, а Виталій все метался, не приступая къ томящему его разговору. Александра Львовна долго смотрѣла въ раздумьи на огонь непотушенной свѣчи, колеблемый быстрыми поворотами мужа, и наконецъ сама произнесла:

— Ты хочешь спросить меня что-нибудь, Виталій?

Вздрогнувъ, тотъ подошелъ вплотную къ стулу, гдѣ сидѣла жена, и ломая руки, сказалъ очень громко:

— Да, Саша, намъ надо поговорить; я больше не могу такъ.

— Что же говори, спрашивай! — слегка съезжившись, отвѣчала жена; видя, что тотъ

умолкъ, она снова повторила: — говори, спрашивай, Виталій, я готова.

— Скажи мнѣ, Саша, кого изъ нихъ ты любишь?

— Изъ кого, изъ нихъ?

— Ну изъ этихъ троихъ: Графова, Штейна и Рудольфа Петровича?

— Поумнѣй-то ничего не нашелъ спросить,—какъ-то облегченно проворчала Александра Львовна и, овладѣвъ уже голосомъ, можетъ-быть и волненіемъ, добавила: — Разберемъ каждого въ отдѣльности: ты говоришь Графовъ, но вѣдь это же мальчикъ, развѣ можно серьезно съ нимъ считаться? Я еще не въ томъ возрастѣ, когда нравятся несовершеннолѣтніе. Посмотри, какія письма онъ пишетъ, развѣ мужчина можетъ писать такъ женщинѣ?

— А онъ тебѣ писалъ?

— Боже мой, не будешь же ты играть въ Отелло! Мало ли кто пишетъ ко мнѣ, я не обязана все показывать тебѣ, и притомъ по такимъ пустякамъ стоитъ ли тревожить священную персону супруга?

Она встала, легко прошла къ бюро и, доставъ нѣсколько узенькихъ розовыхъ бумажекъ, сильно пахнувшихъ духами, протянула ихъ мужу, говоря:

— Во-первыхъ, дамская бумага уже предосудительна, и потомъ смотри...

И, ставъ за спиною Виталія, ничего не разбиравашаго въ бисерномъ почеркѣ, стала громко вычитывать:

„Вашъ, Вашъ, Вашъ! я готовъ на все, дѣлайте со мной; что хотите, принадлежу Вамъ и духомъ и тѣломъ, я ничего не боюсь! Вашъ, Вашъ, Вашъ“.

— Чтò же ты находишь смѣшного въ этомъ? онъ серьезно тебя любитъ.

— Какъ ты не понимаешь! Неужели нужно быть женщиной, чтобы понять, насколько абсурдно подобное обращеніе? Можно подумать, что это написано не мнѣ, а не знаю, кому... Пойми, вѣдь все это я могла *ему* писать, а никакъ ни *онъ мнѣ*. Что за перемѣщеніе ролей!

— Зачѣмъ же ты съ нимъ такъ ласкова?

— Мнѣ пріятно видѣть около себя красивыхъ людей, а ласкова съ нимъ не больше, чѣмъ со всѣми остальными, по-моему.

Александра Львовна говорила весело и свободно, будто въ гостиной, и въ то же время чувствовалась дружеская откровенность, такъ что со стороны показалось бы страннымъ, почему это господинъ такъ волнуется и разстроено бѣгаетъ по комнатѣ,

тогда какъ его собесѣдница сидитъ себѣ на пуфѣ и разсуждаетъ совершенно независимо. Сдѣлавъ тура три, Виталій Павловичъ остановился, руки въ карманъ, и снова началъ:

— А Штейнъ тоже слишкомъ молодъ для тебя?

— Штейнъ? Знаешь, я не любительница поэзіи; это дѣло скорѣй Зины.

— Однако, онъ бываетъ-то здѣсь и ухаживаетъ за тобой.

— Въ томъ-то и пикантность и носъ Зинѣ. — Александра Львовна даже засмѣялась и, положивъ руку на мужнинъ рукавъ, сказала совсѣмъ уже конфиденціально и лукаво:—Зина бы и хотѣла его залучить, да я не дамъ, понимаешь!

— Ну, а Рудольфъ Петровичъ?

— Что же Рудольфъ Петровичъ? Онъ очень милый собесѣдникъ и интересный человекъ, но я, къ сожалѣнію, не демониическая женщина, и мнѣ жизнь еще не надоѣла, чтобы влюбляться въ Рудечку. При томъ, въ случаѣ безнадежной любви, я бы искала экземпляръ получше.

— Кого же?

— Не знаю, не искала еще и не встрѣчала,—отвѣтила совсѣмъ просто Саша.

Тогда Виталій опустился на коверъ у

жениныхъ ногъ и, обнявъ ее, спросилъ шопотомъ:

— Кого же ты любишь?

Очевидно, онъ ждалъ, что алыя уста произнесутъ: „тебя, мой другъ“, но Саша, подумавъ, потрясла головой и такъ же просто и раздумчиво сказала:

— Не знаю; по-моему, никого.

Тогда уже Виталій самъ рискнулъ напомнить:

— А меня развѣ ты не любишь?

— Ну да, конечно, но это не идетъ въ счетъ...

Обнявъ ее еще крѣпче и поднявшись на колѣняхъ, мужъ настаивалъ:

— Нѣтъ, ты скажи по-хорошему.

Александра Львовна, насторожившись, сказала:

— Постой минутку; кажется, стучать въ дверь.

— Тебѣ показалось; такъ скажи, скажи.

— Чтò такое?

— Любишь ли ты меня?

— Да по правдѣ сказать, не люблю, особенно, когда ты такой, какъ ты сейчасъ.

Вскочивъ, какъ укушенный, Виталій закричалъ:

— Саша, Саша, чтò ты сказала! Это ужа-

сно, забудь эти слова, возьми ихъ назадъ!

Саша тоже встала и возвысила голосъ:

— Чтò ты кричишь на меня? Что я сказала, я и не забуду и не желаю ни забывать, ни брать обратно. Вотъ тоже новости.

Теперь уже оба бѣгали въ гармоническомъ соотвѣтствіи.

— Можеть-быть, мнѣ уѣхать?—кричалъ Виталій.

— Дѣлай какъ хочешь.

— Ты меня выгоняешь?

— Кто тебя выгоняетъ? Домъ—твой!

— Нѣтъ—онъ твой, все переведено, ты позабыла.

Александра Львовна остановилась и, сразу понизивъ голосъ, сказала:

— Это—низко съ твоей стороны дѣлать такіе намеки; ты отлично знаешь, что ничего не измѣнилось.

— Я вижу самъ!

— Чтò ты видишь?

— То, чтò вижу.

— Ничего ты не видишь! — досадливо сказала Саша и пошла къ двери.

Виталій ес вернулъ:

— Такъ ты меня гонишь?

— Никто тебя не гонить.

— Но ты меня не любишь?

— Позволь мнѣ сейчасъ не отвѣчать на этотъ вопросъ.

Виталій Павловичъ бросилъ на полъ съ трескомъ неразбиваемую пепельницу и прокричалъ:

— Прощайте, я ѣду. Вы меня выгнали! Сашенька пожала плечами и вышла.

Виталій бросился за ней, рванулъ дверь, но столкнулся носъ къ носу съ Поликсеной, несшей цѣлый ворохъ скроенной матеріи.

— Вамъ что угодно?—спросилъ онъ, очевидно, не узнавая портнихи.

— Я къ Александрѣ Львовнѣ — пролепетала та, роняя свою ношу.

— Ея нѣтъ, и меня скоро не будетъ совсѣмъ, совсѣмъ; уѣду отъ васъ, живите, какъ знаете.

Сочтя эти фразы за приглашеніе къ разговору, Поликсена участливо и робко молвила, моргая глазами:

— Зачѣмъ же вамъ уѣзжать, Виталій Павловичъ?

— Приходится, — трагично произнесъ тотъ, садясь къ окну; видя, что Поликсена молчитъ, онъ повторилъ съ добавленіемъ.— Приходится, когда жена выгоняетъ.

— Можетъ ли это быть? -- воскликнула портниха, всплеснувъ руками.

— Выходить, что можетъ быть,—пожавъ плечами, произнесъ Виталій и, помолчавъ, прошепталъ:—Куда я дѣнусь?

Поликсена, осмѣлившись, наклонилась къ нему и тоже шопотомъ посовѣтовала:

— Къ сестрицѣ, Клавдіи Павловнѣ.

— Ея здѣсь нѣтъ, она въ деревнѣ.

— Въ деревню,—болѣе оживленно подсказала дѣвушка...

Но Виталій Павловичъ пропустилъ какъ-то мимо ушей ея шопотъ и вдругъ, взявъ Поликсену за обѣ руки, спросилъ:

— Вамъ жалко меня, Поликсена?

— Еще какъ жалко-то! мнѣ и барыню жалко.

Не дослушавъ конца, Виталій воскликнулъ, будто его осянула внезапная мысль.

— Я переѣду на время къ вамъ!

— Чего это?

— На время я переѣду къ вамъ, понимаете?

Поликсена, покраснѣвъ и затрепетавъ какъ-то, заговорила быстро:

— Да что вы? Пожалуйста, пожалуйста. Удобно ли вамъ будетъ? Боже мой.

— Я такъ рѣшилъ, вы не оставляйте меня, Поликсена. Одѣньтесь, выйдемъ вмѣстѣ. Вы не знаете, какъ мнѣ трудно.

Поликсена теперь сама взяла руку Виталія обѣими руками и произнесла тихо:

— Не надо горевать, всѣмъ трудно; нужно быть веселымъ, Виталій Павловичъ, и всѣмъ будетъ легко и ласково. — Потомъ побѣжала за кофточкой, бросивъ на лету:— ждите меня у воротъ!

Виталій долго стоялъ, прижавъ лобъ къ оконному стеклу, потомъ обозрѣлся, перекрестился и быстро пошелъ къ передней, жалостно думая о своей судьбѣ.

VIII.

Виталію Павловичу было до слезъ жалко себя самого, когда онъ укладывался на Поликсениной кровати, межъ тѣмъ какъ дѣвушка помѣстилась въ большой половинѣ съ горшечками, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему было и сладостно переносить незаслуженную обиду, позоръ, особенно на глазахъ этихъ простиыхъ и, какъ ему казалось, сочувствующихъ людей.

Поликсена, дѣйствительно, сочувствовала Виталію Павловичу, какъ она сочувствовала всѣмъ несчастнымъ и, видимо, страдающимъ, особенно, если они оказались таковыми въ слѣдствіе романическихъ причинъ. И, улег-

шись на крутомъ сундукѣ, Поликсена не смыкала глазъ, все думая о судьбѣ господъ Меркурьевыхъ и Мельниковыхъ, строя небывалые романы и вплетая туда неожиданно и странно Андрея Ивановича Толстого, безъ котораго не обходились ни одни ея мечтанія, хотя бы самыя фантастическія. Такъ и теперъ при лампадномъ мерцаньи изъ-за занавѣски ей чудился подпоручикъ въ какой-то необыкновенной и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомой формѣ, стоящимъ на возвышеніи, а вокругъ него толпились женщины и мужчины и въ числѣ ихъ Александра и Зинаида Львовны, ихъ мужья, и сама Поликсена въ отдаленіи стояла, какъ чужая, на берегу канавки, за которой разстился широкой лугъ, гдѣ и имѣлъ мѣсто вышеописанный апофеозъ господина Толстого. Эта картина была, такъ сказать, заключеніемъ воображаемыхъ подвиговъ и романовъ Андрея Ивановича. Поликсена была возвращена къ дѣйствительности стопами и легкимъ шорохомъ, доносившимися изъ-за перегородки. Помолчавъ нѣкоторое время, она тихошюкно окликнула:

— Виталій Павловичъ, а Виталій Павловичъ, это вы? что съ вами, голубчикъ?

Въ отвѣтъ стenanія усилились, а шорохъ

нѣсколько стихъ. Поликсена побудила Кузьму Тихоновича, но видя, что это бесполезно, сама встала босою и, открывъ немного занавѣску, увидѣла гостя въ бѣльѣ стоявшимъ на колѣняхъ передъ столомъ, за которымъ висѣли иконы. Опъ крестился, кланялся и стоналъ все громче и громче, наконецъ приникъ головою къ краю стола и замолкъ. Поликсенѣ стало невыносимо это зрѣлище, и она снова принялась тормошить своего дядю, но тотъ спалъ, какъ убитый. Постоявъ въ полутьмѣ и безпокоясь теперь уже тѣмъ, что стоны прекратились, она окликнула Виталія на этотъ разъ уже полнымъ голосомъ:

— Виталій Павловичъ, да что съ вами, Господи Боже мой!

Тотъ встрепенулся, провель рукою по лицу, присѣлъ на колѣняхъ и, будто проснувшись и не понимая, откуда раздается звавшій его голосъ, воскликнулъ:

— Кто это? Гдѣ я?

— Это я—Поликсена, конечно. Неужели вы все позабыли?

— Помню, помню. У васъ добрая душа, а Сашенька-то, Сашенька!..

Все еще стоя у занавѣски и придержи-

вая рукою расходившіяся ея половинки, Поликсена посовѣтовала:

— Ложитесь вы, голубчикъ, спать, ради Бога!

— Сейчасъ, сейчасъ! я теперь совершенно спокоенъ,—раздалось изъ другого отдѣленія, и вскорѣ послышался скрипъ кровати, на которую рухнулъ Виталій Павловичъ, но или сонъ бѣжалъ его глазъ, или онъ нашель, что не всю свою и чужую жалость онъ истощилъ, такъ какъ теперь ужъ онъ окликнулъ хозяйку, не отходившую отъ занавѣски:

— Поликсена, вы здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь, куда я дѣнусь! Да что же вы не спите? Можетъ-быть, вамъ неудобно или свѣтъ мѣшаетъ?

— Пѣтъ, отлично, мнѣ просто не спится, да и какъ спать, можно ли? Можно ли?— Помолчавъ, онъ продолжалъ: — Поликсена, подите, посидите здѣсь.

— Ну, постойте, одѣнусь немного.

Она придвинула стулъ къ кровати и зажгла свѣчу, отъ которой тѣни, болѣе черныя, нежели отъ лампаднаго сіянья, перегибались со стѣнъ на потолокъ. Виталій лежалъ ничкомъ, закутавшись въ одѣяло и,

казалось, плакалъ. Поликсена будто про себя произнесла:

— Бѣдненькій, бѣдненькій! Каково такъ мучиться? а все она—любовь-злодѣйка?

Виталій Павловичъ заерзалъ въ досадливомъ нетерпѣніи и вдругъ, откинувъ одѣяло, спустилъ ноги, поднялъ взлохмаченную голову и прошепталъ, схвативъ Поликсену за руку:

— У васъ есть сѣрныя спички?

Та испуганно отвѣтила:

— Нѣтъ.

— Ну такъ уксусная эссенція? что-нибудь, что-нибудь!

И, забывъ о присутствіи дѣвушки, въ одномъ бѣльѣ сталъ бѣгать по каморкѣ, ища глазами какой-нибудь жидкости.

— Чтò вы, чтò вы, Виталій Павловичъ? грѣхъ какой! Сейчасъ дяленьку скричу.

И она заплакала. Наконецъ гость бросился къ занавѣскѣ со словами:

— Красокъ выпью, красокъ, киновари кровавой, желтой охры!

Но Поликсена, моментально переставъ плакать, подбѣжала къ Виталію и, схватившись обѣими руками за его рубашку, подтащила его къ кровати, снова туда бросила и закрыла одѣяломъ. Тотъ охотно позво-

лилъ продѣлать это надъ собою и закрылъ глаза, словно утомленный бореньемъ. Поликсена жалобно посмотрѣла на персгородку, за которой почивалъ сномъ праведнымъ дяденька Кузьма Тихоновичъ и прошептала:

— Господи, вотъ наказанье-то!

Открывъ глаза и устремивъ ихъ на потолокъ, Виталій Палловичъ началъ слабымъ голосомъ, будто вспоминая слегка забытую роль или собирая обрывки бреда:

— Я ли не любилъ ея? Я ли не отдалъ ей все: жизнь, любовь, состояніе? и что же? Ужасно, ужасно! А вѣдь она не плохой человѣкъ: она пряма и горяча; что же тогда другія? Страшно подумать! Изъ собственнаго дома, какъ тряпку, какъ выжатый лимонъ, меня вышвырнули. Я не ропщу, не каюсь, я радъ, радъ, что такъ случилось, что такъ все обнаружилось. А какъ сулило все прочное счастье, когда я впервые держалъ ее за руку и поцѣловалъ передъ всѣми тамъ, въ сельской церкви!

Поликсена, наклонившись къ лежащему, начала тонкимъ голосомъ, словно ему въ тонъ:

— Не горюйте, голубчикъ: вы цѣловали, за руку держали, сколько времени жили вмѣстѣ, ѣли, пили, гуляли, досыта посмотрѣть-

ся могли. Рай, чистый рай! А каково приходится, когда не слышишь, не видишь, не только что поцѣловать, подойти близко не смѣешь, а рада бы, кажется, сапогъ его стоптанный вмѣсто Казанской поставить и плакать передъ нимъ день и ночь. Это знали ли вы, Виталій Павловичъ?

Виталій отвѣчалъ со своего клироса:

— Не она ли клялась мнѣ на крестѣ всегда любить меня, вѣрной быть и ласковой? а вѣрность и ласка, и любовь для другихъ оказались у ней, а не для мужа.

Поликсена, какъ антифонъ, подхватила:

— Вы клятву имѣли и ласку видѣли хоть полчаса, а каково, когда и думать не смѣешь, чтобы слово одно, взглядъ одинъ получить и какъ кладъ въ каморку снести, чтобы тамъ яркимъ солнцемъ въ лютые морозы свѣтило? Федоръ въ первый разъ говоритъ: „Хорошъ у меня баринъ“, я-то разсмѣялась еще, а какъ лѣтомъ въ Красное къ брату пріѣхала, его нѣтъ, садъ посередь домовъ и всѣ окна въ него; у одного стоитъ офицеръ, собакъ свистить, китель разстегнуть, сорочка тоже, бѣлая кожа, какъ перчатка, глазъ карій, щеки розовыя, на подборъ причесанъ, и говоритъ мнѣ: „кого намъ угодно?“ Я ни впередъ, ни назадъ не

двинусь, какъ дура, такъ меня всю прошибло; молчу; двѣ собаки со стриженными хвостами въ окно прыгнули, онъ раму закрылъ, а я все стою; не знаю, когда опомнилась, такъ, не видавши Федора, и уѣхала.

— А теперь вы его видите?

— Рѣдко, въ церкви, гдѣ они бывають, на проспектѣ, у подъѣзда иногда.

— Да о комъ вы говорите?

— О Толстомъ, Андреѣ Ивановичѣ.

— Такъ вѣдь онъ очень далеко живетъ отсюда.

— Въ ротахъ. Да это что! ноги молодья, не замѣчаешь, какъ бѣжишь, ровно на велосипедѣ: со Спасской на Пантелеймоновскую пройти, а роты по дорогѣ окажутся.

Долго перекликались Поликсена и Виталій, наконецъ послѣдній глубоко вздохнулъ, засыпая, Поликсена долго смотрѣла на спящаго, тихонько поцѣловала его въ лобъ и осторожно вышла на цыпочкахъ.

Утромъ, уже стоя въ дешевой шляпкѣ съ картонкой, она указала на спящаго Кузьмѣ Тихоновичу, промолвивъ:

— Препростой баринъ, чистая у нихъ душа.

— Слабъ ужъ очень, да и выдумываетъ, кажется, на себя половину.

Но Поликсена недовольно прервала дядо:
— Онъ—несчастный человѣкъ, его грѣшно обижать.

— Самъ бы себя только не обижалъ. Да и то: другой разъ обида человѣку ко спасенью бываетъ... Къ сестрицѣ Клавдіи поскорѣй отправить ихъ надоть.

IX.

Бывають люди, какъ неискусные токари, что выточать столовую ножку въ добрый столбъ, а начнутъ поправлять, совсѣмъ переломятъ; или какъ раскрашивальщики лубочныхъ картинъ: красной мазнутъ,—окрасить и лицо, и волосы, и небо, и журавля колодезнаго; за зеленую примутся—зазеленятъ лугъ и корову, и скотницу, и мельницы на горизонтѣ. Такъ рука не знаетъ ни удержку, ни мѣры. Такою все больше и больше казалась Петру Сергѣевичу его жена Зинаида Львовна. Какъ бы ни мѣнялась она: была ли модницей, или скромной домосѣдкой, хотя онъ и зналъ, что она это дѣлаетъ и старается для него, все ему было неприятно и раздражительно, вездѣ онъ видѣлъ или неестественность, или пересоль. Даже самое желаніе угодить ему, попасть съ нимъ

въ ногу ему казалось безтактнымъ и неу-
мѣстнымъ, будучи столь очевиднымъ. Ипо-
гда ему хотѣлось выругаться площадною
руганью, когда Зина, скромно одѣтая, вы-
шивала еще неоконченный половикъ или пе-
редавала ласково тарелку супа, пододвигая
незамѣтно ближе къ нему любимые имъ
пирожки или гренки. И, чувствуя себя не-
справедливымъ, онъ злился на нес, которая
заставляла его быть таковымъ. Ея руки, гла-
за, подбородокъ съ ямочкой, густыя, пря-
мыя брови онъ любилъ попрежнему, но ему
казалось, что теперь онъ въ плѣну у какой-
то другой женщины, неприятной и чужой,
какою стала теперь для него Зина. И поче-
му? Но это было несомнѣнно. Въ долгіе
одинокіе зимніе мѣсяцы они имѣли возмо-
жность подробно и точно узнать другъ
друга, и Петръ Сергѣевичъ съ горемъ ни-
дѣлъ, что каждой нотѣ его гаммы соотвѣт-
ствовала у жены нота на четверть тона то
ниже, то выше. Это его мучило и бѣсило,
тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ, какъ изъ
любви къ нему Зина старается, принора-
вливается, чуть не ломаетъ своего нелом-
каго характера, и какъ это все тщетно и
напрасно и еще болѣе фальшиво. Не гово-
ря уже о тѣхъ тайникахъ, которыя, невы-

даваемые, были какъ-то произвольно оскорбляемы нерѣдко Зинаидой Львовной.

Иногда онъ подолгу смотрѣлъ въ ея глаза (любимые, цѣлованные такъ сладко глаза) и зло и любопытно думалъ, что въ этомъ мозгу, въ этой коробкѣ, какой составъ тамъ тяжелѣе или легче, чѣмъ въ его, что такъ непонятно, непохоже и враждебно они думаютъ, желаютъ, воспринимаютъ, любя другъ друга. Къ марту онъ уже пересталъ думать, любить ли онъ Зинаиду, а жилъ, какъ съ неприятнымъ иногда, иногда же пріятнымъ компаньономъ; другой разъ, забывшись, даже вдругъ удивлялся, почему это у него въ домѣ ходитъ, ѣсть, спитъ какая-то посторонняя, красивая и высокая дама и не собирается уѣзжать, не надѣваетъ перчатокъ и шляпы.

Мартъ былъ теплый и вѣтреный, не ясный, только къ концу похолодѣло, тронулся ледъ, засинѣло небо, и облака помчались ко взморью, какъ второй ледоходъ. Петръ Сергѣевичъ пошелъ пѣшкомъ къ Фуксамъ на далекій Васильевскій островъ, желая подумать хорошенько о своей жизни и отношеніяхъ къ Зинѣ во время долгаго пути, но вмѣсто всякихъ думъ незамѣтно для себя твердилъ всю дорогу какія-то глупыя вирши:

„Въ мѣсяцѣ мартѣ
Безъ дальнихъ словъ
Попѣрь онъ къ Мартѣ
На Wassily Ostrów“.

Когда онъ ловилъ себя на этомъ занятіи, то сердился и секунды двѣ думалъ о Зинѣ, что какъ нелѣпо, что у нея нигдѣ нѣтъ родинки на всемъ тѣлѣ, но потомъ, помахивая палкой, снова принимался за прежніе стишки.

Домъ Фуксовъ не имѣлъ петербургскаго вида, развѣ только гдѣ-нибудь на окраинахъ около фабрикъ могутъ встрѣчаться такіе особняки съ воротами, дворомъ и садомъ, за которыми высятся силошныя пятиэтажныя стѣны. Все у нихъ было чисто и благоустроено; въ саду были клумбы рѣдкихъ цвѣтовъ по лѣтамъ, а на ледникѣ, покрытомъ дерномъ, была устроена бесѣдка, обвитая хмелемъ; домъ былъ двухъэтажный съ двумя балконами, со внутренними лѣстницами и съ кухней въ подвалѣ. Снаружи, при видѣ цѣльныхъ богемскихъ оконъ, затянутыхъ тюлемъ, съ веселыми зелеными ставнями, новоокрашенныхъ воротъ, двери съ чисто вычищенной гравированной доскою, можно было подумать, что здѣсь живетъ дружная семья съ веселыми играми и смѣ-

хомъ, съ большой толпой подростковъ и маленькими дѣтьми, съ дядюшками и тетюшками, а никакъ не скучная пара двухъ одинокихъ людей, рѣдко видѣвшихъ другъ друга, какими были Марта Фуксъ и ея супругъ.

Дѣвушка провела Петра Сергѣевича въ комнату Марты и, сказавъ: „обождите минутку“,—вышла, прикрывъ дверь.

На піанино была развернута „Zauberflöte“, клубки пестрой шерсти съ обрѣзками канвы лежали на переддиванномъ столикѣ, въ вазѣ стояли розы и въ горшкахъ гіацинты, а на окнѣ желтая французская книжка рядомъ съ бумагой, карандашемъ, ключами и миниатюрными костяными счетами. Чистота и порядокъ были образцовые, но они не мертвили это обиталище, а, напротивъ, придавали какую-то милую скромность протекавшей тутъ жизни. Петръ Сергѣевичъ сначала ходилъ по ковру, останавливаясь у оконъ, черезъ которыя виденъ былъ сквозной еще по-весеннему садъ. Подробно осматривая комнату, гдѣ былъ впервые, онъ подумалъ: „будто Фаустъ въ горницѣ Гретхенъ!“, мысленно разсмѣялся, но не могъ отогнать отъ себя впечатлѣнія мирнаго, серьезнаго и любовнаго въ своемъ

одиночествѣ житья. Прошло минутъ сорокъ, издали доносились чьи-то голоса, Петръ Сергѣевичъ рѣшилъ войти въ сосѣдній покойчикъ, отдѣленный отъ будуара только драпри; очутившись въ темной проходной комнатѣ, гдѣ была отворена дверь на балконъ, и увидя, какъ изъ сада подымались въ разговорѣ хозяйка и его жена Зинаида Львовна, онъ не захотѣлъ показываться, а опустился у драпри на стулъ, думая, что Зина скоро уйдетъ, тѣмъ болѣе, что она была въ шляпѣ, накидкѣ и съ зонтикомъ въ рукѣ. Но дамы, очевидно, собирались не уходить, но заняться чаепитіемъ, потому что раздался звякъ ложечекъ и хрупкій звонъ тонкихъ чашекъ. Говорили о немъ, и Петръ Сергѣевичъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что Зина повѣряетъ тетѣ Мартѣ тѣ же сомнѣнія, тѣ же недоумѣнія, что и ему не давали покоя вотъ уже сколько времени, но со своей точки зрѣнія, т.-е. она не понимала того, что ему казалось яснымъ и очевиднымъ, естественное же и простое для него—сѣ казалось страннымъ и тревожнымъ. На лицо Марты Николасвны, которая одна была ему видна изъ его засады, набѣгала и тотчасъ исчезала знакомая складка. Играя ложкой, она раздумчиво произнесла:

— Очень трудно совѣтовать, потому что мы съ тобою слишкомъ разные люди, и то, что для меня легко, тебѣ покажется труднымъ. Какъ-то Ваня назвалъ Петра Сергѣевича „отгороженнымъ“, теперь я только вполне понимаю все значеніе этого качества, потому что я сама такова, и что бы я тебѣ ни говорила, ты не поймешь и только подосадуешь. Даже то, что ты стараешься измѣниться, совершенно напрасно и бесполезно; это не въ твоемъ характерѣ, и это такъ замѣтно, что можетъ быть ему неприятнымъ.

— Я дѣлала это изъ любви къ нему, я думала, такъ будетъ лучше намъ обоимъ,— отозвалась Зина.

— Но что же вышло?

— Ничего не вышло.

— Вотъ видишь. Потому что ты слишкомъ молода, чтобы любить его за самого него, а не за его любовь къ тебѣ. Ты отвѣчаешь на его любовь, вотъ и все. И онъ слишкомъ молодъ, чтобы уступить тебѣ. Я не знаю, что тебѣ посовѣтовать; подожди, тамъ видно будетъ.

— Такъ трудно ждать!

— Но ты, Зина, никого не любишь другого!?

— Нѣтъ, тетя.

Тетя Марта снова нахмурилась и, какъ-то странно улыбаясь, добавила:

— И его попрежнему любишь?

— Мнѣ кажется... — начала Зинаида Львовна, но вдругъ, прервавшись, замѣтила:—Въ той комнатѣ никого нѣтъ?

Хозяйка встала, прислушиваясь; она казалась совсѣмъ молодой въ свѣтломъ платьѣ съ прямымъ рядомъ густыхъ свѣтлыхъ волосъ, розовыми щеками и свѣжимъ, не тонкимъ ртомъ. Петръ Сергѣевичъ всталъ и тихонько вышелъ. Будто онъ впервые видѣлъ и слышалъ Марту Николаевну, и, когда онъ закрывалъ глаза, все видѣлся ему розовый ротъ, свѣтлые волосы и свѣтлые сѣрые глаза госпожи Фуксъ, ея комната, гдѣ вѣяло тихою, милою, отгороженною жизнью, раскрытую „Zauberflöte“ на піанино и клубки пестрой шерсти. Ея слова были будто точный безъ фальши откликъ на его завѣтнѣйшія мысли, и, вспоминая весь образъ жизни Марты, онъ удивлялся, какъ онъ раньше не замѣчалъ того, чтò бросалось въ глаза. Будучи живой и радостной, она добровольно очертила кругъ вокругъ себя, своихъ желаній и мечтаній, за который переступать считала некрасивымъ и неумѣст-

нымъ, отзываясь въ то же время на все. Онъ рисовалъ ее еще привлекательнѣе, можетъ-быть, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ и, неизвѣстно, куда бы привели его мечтанія, если бы высокій нѣсколько сиповатый голосъ его не окликнулъ:

— Петя, сколько времени не видѣлись!

Не поспѣлъ Мельниковъ сообразить, въ чемъ дѣло, какъ почувствовалъ себя въ объятіяхъ и на щекѣ у себя прикосновеніе коротко стриженныхъ усовъ.

Андрей Ивановичъ Толстой былъ все тотъ же, высокій и тонкій, съ розовыми щеками и неподвижными, широкими карими глазами. Разговорились, какъ давно не видавшіеся друзья, перебивая одинъ другаго, перескакивая съ предмета на предметъ, мѣшавшая мелочи съ важнымъ, оживленно и любовно. Подъ конецъ Петръ Сергѣевичъ спросилъ:

— Я очень измѣнился, Андрюша?

— Порядочно, — отвѣтилъ тотъ, улыбаясь.

— А ты такъ все такой же, — восторженно оглядывая Толстого, сказалъ Мельниковъ.

— Да со мной ничего и не случилось важнаго.

— А со мною что же случилось?

— Ну все-таки, ты вот женился.

— Ахъ да, я и забылъ совсѣмъ!

— Вотъ какъ? Ну, прошай. Заверни какъ-нибудь, по старой памяти. Пообѣдаемъ вмѣстѣ.

— Непремѣнно, непременно. Вѣдь и ты найдешь къ намъ, не правда ли?

— Постараюсь,—отвѣчалъ тотъ не совсѣмъ охотно и, поцѣловавшись съ Петромъ Сергѣевичемъ, повернулъ по Фонтанкѣ, высокій и тонкій, сопровождаемый двумя собаками.

Мельниковъ и въ самомъ дѣлѣ будто позабылъ, что онъ женатъ,—такъ отлетѣли отъ него всѣ вопросы и заботы, и такая безпечная легкость влилась въ него отъ этой встрѣчи. Зинаида Львовна встрѣтила его особенно ласково и тихо, заглядывая въ глаза, которые онъ опускалъ, боясь, что жена прочтетъ въ нихъ то, чего не должна была знать. Отчего не должна? Наоборотъ, должна, должна. Нечестно скрывать, что все измѣнилось, что онъ отъ нея далекъ, что случилось то, что случилось. И сказать ей ласково, но твердо. Съ такимъ намѣреніемъ онъ подошелъ къ ней рѣшительнымъ шагомъ и сказалъ, положивъ руку ей на плечо:

— Зина, я долженъ тебѣ сказать...

Она же, удержавъ его руку, склонилась къ нему и прошептала счастливо:

— Знаешь, Петя, я буду матерью скоро!

И оба будто застыли. Онъ не поцѣловалъ ея, не погладилъ, ничего; и она сама уже, поднявъ глаза, все еще склоненная, спросила:

— А ты что долженъ мнѣ сказать?

Петръ нѣсколько хрипло прошепталъ:

— Что никогда, никогда я тебя такъ не любилъ, какъ теперь, и буду любить всегда-всегда одну тебя, что нѣтъ ближе, роднѣй, дороже мнѣ человѣка, нежели ты. Помни это.

— Помню!—прошептала Зинаида Львовна, не опуская глазъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Всякому, кто, не зная, вошелъ бы въ квартиру господина подпоручика Андрея Ивановича Толстого, показалось бы, что онъ вступилъ въ обиталище одинокой женщины или немолодой дѣвушки, такъ чисто, цѣломудренно и даже чуть-чуть сурово

тамъ было. Или же могло прійти въ голову, что это—жилище вдоваго священника, на что указывало, между прочимъ, обиліе книгъ духовно-нравственнаго и религіозно-философскаго содержанія, а также наличность въ каждой изъ четырехъ небольшихъ комнатъ иконъ, содержимыхъ въ завидномъ порядкѣ. Эти покои отнюдь не были похожи на будуары, избави Боже, но кромѣ тщательнѣйшей опрятности въ нихъ было что-то до трогательности чистое и цѣломудреннос, что, можетъ быть, ошибочно, но принято считать исключительною принадлежностью прекраснаго пола. Даже легкій намекъ на арматуру, помѣщавшійся надъ традиціонной тахтой въ кабинетѣ, не нарушалъ дѣвической внѣшности обстановки. Единственною роскошью скромной квартиры были постоянно свѣжіе цвѣты, размѣщенные въ различныхъ мѣстахъ; и еще, что нѣсколько смягчало общій строгій видъ, это—обиліе свѣта и всеелые колера обой и обивокъ. Запахъ кожи, табаку и духовъ какъ-то странно не нарушалъ гармоніи и лишь въ кухнѣ, во владѣніяхъ Федора, переходя въ слишкомъ казарменный букетъ, впрочемъ, безъ преувеличенія, напоминалъ, что все-таки это—жилище гвардейскаго

подпоручика, а не свѣтелка Грехтенъ и не монастырская келья. Но если, какъ иные утверждаютъ, всякій человѣкъ имѣетъ внѣшность, которой онъ заслуживаетъ, и если это соотвѣтствіе возможно распространить и далѣе, то квартира Андрея Ивановича могла бы намъ дать нѣкоторыя данныя о внутреннемъ обликѣ своего хозяина. Во всякомъ случаѣ о его внѣшнихъ привычкахъ, которыя тоже что-нибудь да значать. Скромный и застѣнчивый отъ природы, онъ мало пилъ, не былъ игрокомъ, ни волокитой, а все свободное отъ службы время проводилъ или за чтеніемъ или въ обществѣ трехъ-четырехъ товарищей. Не надо думать, чтобы это былъ ханжа или принципиальный трезвенникъ; при случаѣ и въ компаніи онъ, конечно, и пилъ и ѣздилъ по садамъ и ресторанамъ, и не корилъ себя за это, но у него не было въ этомъ потребности, кутежи не входили въ обиходную программу его существованія, и онъ безъ нихъ легко могъ обходиться. А, можетъ-быть, онъ зналъ, что когда его щеки отъ вина сдѣлаются еще розовѣе, а потомъ поблѣднѣютъ, каріе глаза, потемнѣя, заблистаютъ, ротъ со стриженными усами полуоткроется, тогда онъ, Андрей Ивановичъ,

сдѣлается болѣе болтливъ, нежели слѣдуетъ, и можетъ легко проговориться, а проговариваться ему никоимъ образомъ нельзя было. Кажется, подозрѣніе въ томъ, что ему было въ чемъ проговориться, владѣло многими изъ его товарищей, и они нарочно подпивали Толстого, но всякій разъ, какъ только неестественный румянецъ у него смѣнялся смертельно блѣдностью, неукоснительно Андрей Ивановичъ подымался изъ-за стола и, сославшись то на неотложныя дѣла, то на нездоровье, удалялся къ себѣ, не сказавъ ничего, что бы дало ключъ къ его тайнѣ, которую многіе считали существующей, хотя не было никакихъ вѣшнихъ причинъ думать это. Его молодой другъ Мейеръ, пристально слѣдившій за нимъ во время пирушекъ, всегда облегченно вздыхалъ, когда тотъ уходилъ, а веселье шло своимъ порядкомъ, выписывали женщинъ, требовали еще вина, перекочевывали съ мѣста на мѣсто и такъ до утра, а то и до слѣдующаго вечера. Выходилъ Андрей Ивановичъ рѣдко, притомъ никогда никому не было извѣстно точно, куда онъ выѣзжаетъ, даже довѣренному вообще Оседору. Эти выходы, конечно, не уменьшали толковъ, а, наоборотъ, ихъ увеличивали, но едва ли

кто зналъ справедливое ихъ значеніе и цѣль.

И въ этотъ вечеръ Владиміръ Сергѣевичъ Мейеръ сидѣлъ въ кабинетикѣ Толстого одинъ въ совершенномъ невѣдѣніи относительно того, скоро ли вернется хозяинъ. Но его интересовала главнымъ образомъ длительность выхода Андрея Ивановича, но, казалось, никакъ не самый фактъ его отсутствія. Федоръ, стоя у притолоки, старался разузнать у гостя, куда ѣздитъ его высокоблагородіе, и какіе изрѣдка собираются къ нимъ люди, при чемъ изъ товарищей бывали только Владиміръ Сергѣевичъ и г-нъ Толстой. Но Мейеръ, растянувъ по тахтѣ свои длинныя ноги и оперши на руку бѣлокурую голову, смотрѣлъ на топящуюся печку, неохотно отвѣчая на почтительные вопросы денщика. Наконецъ въ передней послышался звонокъ, въ отвѣтъ на который изъ кухни раздался двойной собачій лай. Мейеръ, не вставая съ дивана, поцѣловался съ пришедшимъ, который, распорядившись насчетъ чая, присѣлъ къ Владиміру и молча сталъ смотрѣть на ту же топящуюся печку. Положивъ руку на плечо Толстому, тотъ сказалъ:

— Усталъ, Андрюша, поди?

— Немного, но это пустяки.

— Всѣ были?

— Кромѣ больныхъ, всѣ. Да, кстати, изъ Парижа отъ Анатолія письмо, тебѣ кланяется, цѣлуетъ.

— Благодарствуй. Скоро ли и мнѣ доведется ходить съ тобою?—раздумчиво добавилъ Владиміръ Сергѣевичъ.

— Не будешь самъ себѣ портить, такъ не долго ждать.

— Охота тебѣ цукать меня, Андриюшенька.

— О тебѣ же забочусь, — ласковостью стараясь смягчить наставительность своихъ словъ, сказалъ Андрей Ивановичъ, всталъ и разстегнулъ китель.

Владиміръ съ дивана произнесъ, закидывая руки за голову и смотря въ потолокъ, гдѣ прыгалъ отблескъ красныхъ углей:

— Ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ хочется скорѣй вступить.

— Изъ-за дружбы ко мнѣ?

— Да, и изъ-за этого.

— Спасибо, голубчикъ, но, главное, должна быть искренняя увѣренность въ справедливость и спасительность общества. Ты прочиталъ книги, чтó у меня взялъ позавчера?

— Нѣтъ, не совсѣмъ еще, — виновато отозвался младшій.

— Чтò же ты дѣлалъ?

— Когда?

— Напримѣръ, хоть сегодня.

— На скэтингъ былъ.

Андрей Ивановичъ поморщился, но сдержался и спросилъ только:

— Кто же тамъ былъ?

— Она опять была.

— Познакомилъ?

— Чтò ты! мыслимо ли?

Владиміръ Сергѣевичъ быстро поднялся и подошелъ къ сидѣвшему за столомъ Андрею. Тотъ, не оборачиваясь, продолжалъ разбирать какія-то письма.

— Ты не сердись, Андрюша, и не считай меня слишкомъ легкомысленнымъ.

— Тѣмъ хуже, если это не легкомысліе, — проворчалъ Толстой, не отрываясь отъ писемъ.

— Я не зналъ, какъ бы я благодарилъ судьбу, если бы мнѣ сейчасъ представился случай доказать мою вѣрность и любовь къ тебѣ.

Андрей обернулся и, посмотрѣвъ на правильное, дѣтское лицо Мейера, его открытые сѣрые глаза и непослушную бѣлокурую прядку, падавшую на лобъ, сказалъ ласково:

— Полно, Володя, я настолько тебѣ вѣрю, что знаю вздорность всякихъ скэтинговъ. Если бъ я тебѣ не вѣрилъ, какъ бы я тебя ни любилъ, развѣ мнѣ пришло бы хоть на минуту въ голову ручаться за тебя?

И онъ поцѣловалъ его нѣжно и нѣсколько сухо. Потомъ будто, чтобы переменить разговоръ, не предполагая, насколько онъ совпадаетъ съ темой, произнесъ равнодушно:

— Кстати о скэтингѣ; я получилъ письмо, гдѣ именно на Марсовомъ полѣ мнѣ назначаютъ свиданіе и сегодня.

— Ты не былъ?

— Ну, конечно.

— И не знаешь, отъ кого письмо?

— Не имѣю никакого представленія. Да вотъ письмо, тамъ описанъ костюмъ; можетъ-быть, ты сегодня видѣлъ и эту даму, если былъ не всецѣло поглощенъ своей незнакомкой.

И онъ протянулъ листокъ, гдѣ было размашистымъ женскимъ почеркомъ начертано:

„Не зная васъ, но много слышавъ, убѣдительно прошу не отказать мнѣ въ свиданіи. Лучше въ нейтральномъ мѣстѣ. Дѣло очень важное. Повѣрьте, это не авантюра. Пріѣзжайте завтра въ 5^{1/2} въ скэтингъ на

Марсовомъ полѣ, Я буду въ лиловомъ платьѣ съ мѣхомъ, шляпа съ большимъ сѣрымъ перомъ, у пояса фіалки. Повѣрьте, что вы не раскаетесь, согласившись на мою просьбу. Покуда нѣтъ надобности знать мое имя“.

Толстой читалъ спокойно, не обративъ вниманія, что его товарищъ, вдругъ поблѣднѣвъ, схватился крѣпко за спинку его кресла.

— Я, конечно, не поѣхалъ, но... что съ тобою, Володя?

Тотъ хрипло прошепталъ: — Да вѣдь... да вѣдь это была... она, она! моя дама, Андриша! Лиловое платье съ мѣхомъ, фіалки— только у нея сегодня были!

Толстой, усмѣхнувшись, молвилъ:

— Жаль, что я не пошелъ, а то могъ бы составить тебѣ протекцію.— И потомъ, вдругъ густо покраснѣвъ и сдѣлавшись страшно серьезнымъ, гнѣвно произнесъ:

— Я не думалъ, что ты такъ слабъ, Владимиръ. Стыдись! А еще хочешь быть нашимъ.

II.

Разговоръ съ Поликсеной, казалось, недостаточно значительный, чтобы его пом-

нить, однако не только помнилъся Зинаидой Львовной, но даже такъ крѣпко засѣлъ ей въ голову, что неоднократно она возвращалась мыслью къ таинственному подпоручику. Помня о его дружбѣ съ ея мужемъ, не разъ во время не то что размолвокъ, но какого-то отчужденія съ Петромъ Сергѣевичемъ, хотѣла она обратиться прямо къ Толстому, чтобы онъ помогъ ей совѣтомъ, какъ знающій своего друга точно и давно. Она хотѣла обратиться къ нему просто и откровенно, но тайно, и эта таинственность ея особенно плѣняла и привлекала. И даже теперь, когда надобность въ этихъ совѣтахъ будто прошла, ей трудно было отказаться отъ мысли пойти въ далекія роты, увидѣть лицомъ къ лицу „афонскаго отшельника“ и разспросить о чемъ-то необычайно важномъ, о чемъ — она и сама въ точности не знала. Въ тотъ день, когда Поликсена утѣшала расстроганнаго и растерзаннаго Виталія, Зинаида Львовна подозвала ту же дѣвицу Мальчикову и, передавъ узенькій конвертикъ, запечатанный продолговатой небольшою печатью, попросила доставить его черезъ брата Федора его господину. Въ конвертикѣ, разумѣется, была заключена записка, въ которой сообщалось, что по очень важному и

тайному дѣлу госпожа Мельникова просить г. Толстого принять ее и не отказать въ разговорѣ. То-есть содержаніе записки было таково, въ самомъ же посланіи никакихъ именъ не упоминалось, и было оно, какъ говорится, анонимно.

Поликсена, прійдя дня чрезъ три, сказала, что все исполнено, такъ что Зинаида Львовна, собираясь въ назначенный день къ незнакомому, но столь давно извѣстному молодому человѣку, была увѣрена, что хотя она и явится въ качествѣ „прекрасной незнакомки“, но самый фактъ ея визита не будетъ неожиданностью для загадочнаго отшельника.

Одѣлась она скромно, но особенно тщательно, и даже стоя передъ зеркаломъ уже въ шляпѣ съ густымъ вуалемъ, еще разъ провела по лицу пуховкой и невольно сама улыбнулась на свои приготовленія. „Будто на свиданье!“ — подумалось ей, но тотчасъ же она съ живостью подхватила, будто отвѣчая предполагаемому оппоненту: „Ну и что же? Ну, на свиданье! Посмѣетъ ли кто сказать, что я хоть на мизинецъ невѣрна Петѣ? Иду, чтобы было еще лучше, еще крѣпче, еще любовнѣе!“

И было чувство дѣтской шалости, важна-

го, „святого“ дѣла, нѣсколько преступной тайны и волнующаго любопытства. Но на улицѣ все это постепенно прошло, Зинаида Львовна почти позабыла, куда и зачѣмъ она ѣдетъ, и, когда вспомнила, то ей представился только визитъ къ незнакомому человеку, которому точно она даже не знала, чтѣ сказать, визитъ неловкій, не совсѣмъ нужный и главное—довольно скучный. Все это привлекало только въ планѣ, только въ мысляхъ, на дѣлѣ же оказалось далеко не столь плѣнительнымъ. Минуту она даже подумала, не вернуться ли, не бросить ли всю эту все-таки авантюрную исторію, какъ ей вдругъ показалось, не вернуться ли на Фурштатскую, гдѣ готовить пятичасовой чай, не стереть ли излишнюю пудру и не приняться ли за неоконченное еще вышиванье. Но пока она это думала, узкая ручка въ черной перчаткѣ не отрывалась въ забвеніи отъ электрической кнопки, и за тонкою дверью слышался серебряный непрерывный звонъ. „Вѣрно судьба такъ рѣшила!“—подумала Мельникова, когда Федоръ нерѣшительно пріоткрылъ двери на ея болѣе чѣмъ рѣшительные звонки. Впустивъ посетительницу въ кабинетъ, ясно освѣщенный солнцемъ, денщикъ исчезъ, и съ его ша-

гами исчезли какъ бы всѣ признаки жизни въ этомъ свѣтломъ жилищѣ, будто всѣ вымерли, или спали. Зинаида Львовна подошла къ окну; вездѣ чисто и нѣсколько сурово, стоятъ цвѣты, надъ тахтой помѣщается арматура, развернутая книга лежитъ обложкой вверхъ, будто чтець только-что вышелъ, но ни звука, ни шороха. Зинаида Львовна почти не волновалась, но ей стало какъ-то скучно и слегка дремотно. Долгій ли перѣздъ по мартовскому солнцу, сладковатый ли запахъ цвѣтовъ, духовъ, табаку и еще чего-то похожего не то на ладонь, не то на кипарисъ, тишина ли, но вѣки гости какъ-то отяжелѣли, и мысли застыли тупо и не безъ пріятности. Она не замѣтила, какъ въ комнату вошелъ высокій офицеръ со стриженными усами и только его окликъ:—Простите, я васъ заставилъ ждать, сударыня!—вернулъ Зинаиду къ дѣйствительности. Не отвѣчая, не подавая руки и плохо соображая, она слушала, какъ хозяинъ продолжалъ:—Меня не было, но я долженъ былъ тотчасъ вернуться. Не зная, что вы меня ждете, я задержался нѣсколько. Можетъ быть, вы сядете и сдѣлаете меня известнымъ, чѣмъ я имѣлъ бы честь служить вамъ?

— Вы знали, что я приѣду, какъ было условлено, сегодня? — вымолвила наконецъ Мельникова. Толстой удивленно поднялъ на нее глаза и отвѣтилъ:

— Я радъ васъ видѣть у себя, но я совершенно не помню, чтобы мы улавливались съ вами, равно какъ нисколько не знаю, ни кто вы, ни чѣмъ могу я вамъ быть полезенъ.

„Онъ слишкомъ деликатенъ, или хитеръ“, — подумала Зинаида Львовна и произнесла, можетъ-быть, слишкомъ легкомысленно:

— Вы не получали письма отъ незнакомой вамъ дамы, гдѣ заключалась просьба увидѣться съ вами? — и потомъ, будто спохватилась, добавила просто и робко: — повѣрьте, это не авантюра, а очень серьезное и важное дѣло.

Она все забыла, что, почему и какъ нужно было говорить, ловила себя на этомъ, сердилась, но чувствовала что съ Толстымъ ей иначе и нельзя было говорить, какъ откровенно и серьезно, хотя ничто въ наружномъ видѣ молодого офицера не требовало, казалось, этого. Она даже не думала о пресловутой его красотѣ, мелькомъ замѣтила, что онъ строгъ и имѣеть нѣсколько странные, разсѣянные глаза. И то простое,

что они говорили, ей представлялось, какъ сонное видѣнье, полнымъ иносказаній и другого значенія наяву.

— Такъ это отъ васъ я получилъ записку?

— Да, да, черезъ денщика?

— Нѣтъ, простите, по почтѣ.

— Третьяго дня?

— По-моему, раньше. Тамъ упоминается скэтингъ-рингъ и описанъ вашъ туалетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—пробормотала Зина, окидывая взглядомъ свое темное платье; вспомнила про пудру и покраснѣла. Къ счастью, было темно уже настолько, что ни румянецъ, ни пудра посетительницы, стоявшей спиной къ окну, не были замѣтны. Ея взглядъ на платье не ускользнулъ отъ разсѣяннаго взора хозяина, и онъ, усмѣхнувшись, произнесъ:

— Костюмъ не совпадаетъ такъ же, какъ и мѣсто нашего... нашей бесѣды, но не все ли это равно?

— Конечно, конечно, это недоразумѣнїе. Сядемте, Андрей Ивановичъ?—вопросительно сказала Зинаида.

— Совершенно вѣрно! — отвѣтилъ Толстой и остановился, думая, что гостя также скажетъ свое имя, но видя, что та молчитъ, съ почтительнымъ полупоклономъ опу-

стился на стулъ подлѣ Мельниковой. Та начала прямо, слишкомъ прямо, чтобы это не свидѣтельствовало объ извѣстномъ волненіи:

— Я хотѣлъ поговорить съ вами о Петрѣ Сергѣевичѣ Мельниковѣ. Вѣдь вы его знаете?

— Онъ былъ мнѣ лучшимъ другомъ.

— Я знаю.

— Съ нимъ случилось какое-нибудь несчастье?

— Нѣтъ. Я имѣю основанье быть близко заинтересованной въ его судьбѣ, и именно хотѣла у васъ спросить, чтò нужно, чтò нужно для его счастья?

— Развѣ вы считаете его несчастнымъ?

— Я не хотѣла этого сказать. Но вы сами знаете, какой это странный и рѣдкій человѣкъ.

— Рѣдкій, да, но странный? Отчего? И потомъ, я его зналъ прежде, я не знаю, какой онъ теперь: онъ женился.

— Развѣ это мѣняетъ человѣка?

— Очень,—отвѣтилъ серьезно подпоручикъ и добавилъ, не улыбаясь:—я думаю, какъ и для всѣхъ, и особенно для Петра Сергѣевича, быть счастливымъ, значить—найти въ человѣкѣ любимомъ полное совпа-

деніе съ его взглядами, вкусами, желаніями, и я думаю, что онъ нашелъ ихъ.

— Въ комъ?

— Въ своей супругѣ, разумѣется. Онъ не могъ бы жениться, просто увлскшись, хотя бы и рѣдкою по красотѣ, вѣщностью.

Зинаида Львовна теперь уже не чувствовала краски, залившей ей не только щеки, уши и лобъ, но и шею, и грудь. Помолчавъ, она тихо сказала:

— Я вамъ кажусь очень наивной, не правда ли?

— Нѣтъ, отчего же? Вѣроятно, вы очень заинтересованы судьбою моего друга, но теперь вамъ лучше бы было обратиться къ его супругѣ.

Зинаида встала, прошла молча и спокойно доложила:

— Андрей Ивановичъ, вѣдь это я и есть— жена Мельникова, которая лучше, чѣмъ вы, должна была бы знать, что нужно вашему другу.

Голстой подошелъ къ Зинаидѣ Львовнѣ, и, поцѣловавъ ей руку, сказалъ:

— Я это зналъ, какъ только вы пришли.

— Отчего?

— Я васъ видѣлъ однажды въ театрѣ съ Петромъ,—спокойно отвѣтилъ офицеръ.

— Конечно, это очень просто.

— Очень просто. Какъ же и могло быть иначе!

— Иначе и не могло быть,—досадливо проговорила Зинаида.—Не такой я ждала нашу встрѣчу!

— Какой же?—какъ-то глухо и слегка насмѣшливо спросилъ Толстой.

— Лучше сказать, васъ я ожидала встрѣтить другимъ, такимъ, какимъ мигъ васъ описывали всѣ, всѣ.

Андрей ласково отвѣтилъ:

— Я человѣкъ самый обыкновенный; друзья преувеличиваютъ всегда; но вы не волнуйтесь и не огорчайтесь. Петръ искренне васъ любитъ и какъ жену и какъ будущую мать своего ребенка. Подумайте, какая задача предстоитъ вамъ!

Онъ умолкъ, глядя въ окно разсѣянно и пристально. Зинаида, приблизившись, глянула тоже въ окошко, чтобы посмотреть, что привлекаетъ вниманіе Толстого, но на улицѣ шли рѣдкіе пѣшеходы, фонарникъ протираетъ стекла у фонаря, пробѣгала собака—больше ничего. Постоявъ нѣсколько минутъ, она произнесла:

— До свиданья, я пойду; я узнала смутно, что хотѣла знать. Я вамъ очень благодарна,

но прошу сохранить въ тайнѣ мой визитъ.

— Это было бы исполнено безъ вашей просьбы, повѣрьте,—отвѣтилъ Андрей и снова поцѣловалъ ей руку.

„Противная деревяжка! Деревяжка! И что въ немъ всѣ находятъ!“—думала Зина, когда Толстой самъ подавалъ ей пальто, чтобы не вызывать Федора.

Совсѣмъ прощаясь, хозяинъ глухо сказалъ, неожиданно улыбнувшись:

— Зинаида Львовна, берегите и любите Петю, онъ вамъ небомъ порученъ!..

Сначала она хотѣла разсердиться, но, внезапно взглянувъ прямо въ лицо, въ глаза, въ черты, въ улыбку офицера, какъ-то сразу все поняла и, даже не отвѣчая, только вспыхнувъ, какъ дѣвочка, сбѣжала съ пяти ступенекъ лѣстницы, хлопнувъ дверью. Квартала два она шла, ничего не соображая, и только остановившись, чтобы пропустить трамвай, опомнилась и прошептала вслухъ:

„Фу, какъ глупо, какъ позорно глупо я поступала, вела себя, говорила! Да и онъ тоже хорошъ, этотъ хваленый Толстой. Святопа, старая дѣва какая-то и вовсе не такъ красивъ. Петя гораздо лучше, но я понимаю...“

Что Зинаида Львовна понимала, она себѣ

не созналась, но снова покраснѣла, снова за это на себя разсердилась и поѣхала не домой, а ко всенощной, благо была суббота, постояла тамъ съ четверть часа, никакого настроенія тамъ не получила, кромѣ мигрени, опять-таки разсердилась и рано легла спать.

III.

Свѣтлые дни смѣнялись туманными, тихіе—вѣтреными, солнце чередовалось съ дождемъ, а иногда и вовсе шелъ снѣгъ,—также и въ умѣ или, если хотите, въ сердцѣ Петра Сергѣевича то приливала нѣжность къ женѣ, то всплывала въ воспоминаніяхъ крѣпкая фигура госпожи Фуксъ, которую мы назвали бы, если бы не боялись быть вульгарными,—ядреной. Къ его чести нужно сказать, что это соблазнительное видѣніе онъ тщательно изгонялъ изъ своихъ мыслей, стараясь замѣнить его уже не видѣніями, а болѣе отвлеченными понятіями о супружеской вѣрности, о будущемъ своемъ отцовствѣ, о дружеской нѣжности, или же просто-напросто приводя себѣ на память Андрея Ивановича Толстого, хотя казалось бы и страннымъ, какое отношеніе

имѣла тонкая фигура подпоручика къ роскошнымъ формамъ Марты Николаевны.

Господинъ Мсльниковъ мало кого видѣлъ, а когда не сидѣлъ дома, то предавался одинокимъ прогулкамъ на острова въ пустынные часы, что, конечно, не могло считаться особенно гигиеничнымъ, именно съ точки зрѣнія изгнанія всяческихъ видѣній и неподходящихъ мыслей. Ни Марты Николаевны ни Андрея Ивановича онъ совершенно не посѣщалъ и дошелъ даже до такого отвлеченія, что когда разъ, задержавшись на Елагиномъ дольше обычнаго, онъ увидѣлъ катящее навстрѣчу ему ландо съ супругами Фуксъ, онъ прислонился къ дереву, закрылъ глаза и подумалъ только: отчего же она въ бѣломъ, а не въ розовомъ платьѣ? Неизвѣстно, замѣтила ли его *belle tante*, потому что оклика никакого до его слуха не долетало, а когда онъ открылъ глаза и снова воспользовался даромъ зрѣнія, то замѣтилъ вмѣсто ландо уже спину чужого автомобиля.

Какъ бы уговорившись съ мужемъ, и Зинаида Львовна не посѣщала василеостровской жителями и разговора о ней не заводила, но зато часто, очень часто, можетъ-быть, подозрительно слишкомъ часто

падала ея рѣчь на господина Толстого, на что, конечно, Петръ Сергѣевичъ въ другое время обратилъ бы свое вниманіе, не будь оно имъ обращено всецѣло на самого себя. Почти всегда эти бесѣды носили характеръ дружескихъ воспоминаній и, поговоривъ о покойныхъ папашѣ съ мамашей, о томъ, какія у нихъ были кошки, какъ были расположены занимасмыя ими нѣкогда квартиры, какія платья дѣвочками носили Зина и Саша, какъ онѣ вмѣстѣ воровали крыжовникъ и зеленяя яблоки—неминуемо она спрашивала замечтавшагося мужа не о томъ, чтѣ касалось его непосредственно, а все объ Андреѣ, да объ Андреѣ. Положимъ, они дружны были съ дѣтства, такъ что повѣствованіе объ одномъ вмѣстѣ съ тѣмъ не значила ли и исторія другого? Когда случайно въ комнатѣ находилась Поликсена, се такъ-же привлекали къ этому разговору въ видѣ, такъ сказать, дополнительныхъ глазъ, и Зинаида Львовна внимательно слушала, какъ съ двухъ сторонъ раздавался рассказъ и вырисовывался образъ такъ не похожій на то, чтѣ она встрѣтила въ тотъ глупый свой визитъ.

То, чтѣ она слышала, было и гораздо лучше и вмѣстѣ съ тѣмъ несравненно мельче

и проще того, что она одну секунду почувствовала, когда в той передней взглянула в лицо незнакомаго офицера, а тотъ стоялъ, держа в рукахъ ея пальто и некстати улыбаясь. Иногда Зинаида Львовна, будто вспомя что, опасливо посматривала на Поликсену, а та съ видомъ заговорщицы опускала раскосые глаза. Тогда Зинаида Львовна сердилась и на себя, и на Поликсену, и на свой собственный гнѣвъ, краснѣла, умолкала и съ новымъ увлеченіемъ принималась за разспросы.

Портниха пѣла тоненькимъ голосомъ свои похвалы, а Петръ Сергѣевичъ мечтательно и задушевно погружался въ воспоминанія; ему казалось, что все обстоитъ крайне благополучно, такъ какъ не томилъ его въ данныя минуты обликъ прелестницы въ розовомъ одѣяніи.

Проведя въ такомъ душеспасительномъ занятіи недѣли три, Зинаида Львовна въ одинъ прекрасный вечеръ, отходя ко сну, промолвила:

— А что, Петръ, ты теперь совсѣмъ не бываешь у Толстого?

— Да, давно уже не былъ. А что?

— Ничего, очень жаль терять такія хорошія отношенія, какъ были у васъ, и по-

томъ мнѣ было бы непріятно, если бы ему или тебѣ показалось, что тутъ приче́мъ-то я; ты къ нему сходи, я очень прошу.

— Чтò жъ, это можно, — отвѣтилъ мужъ разсѣянно.

Зинаида Львовна добавила, помолчавъ:

— Можетъ-быть, и онъ къ намъ заглянетъ когда-нибудь — Снова помолчавъ, она еще добавила:—Я его не знаю, но я его люблю, потому что онъ тебя любитъ и хорошо знаетъ... можетъ-быть, лучше, чѣмъ я.

Медля раздѣваться, она подошла къ большому зеркалу со свѣчами и сказала раздумчиво, будто не обращаясь къ мужу:

— Я бы хотѣла съ нимъ подружиться, но не знаю, какъ онъ меня найдетъ, онъ такой странный человѣкъ.

Приблизя свое лицо къ освѣщенному стеклу, она спросила у затихшаго гдѣ-то мужа:

— А вѣдь по лицу еще не замѣтно мое положеніе.

— Я ничего не вижу, — отвѣтилъ Петръ Сергѣевичъ.—А къ Андрею пойду въ среду.

— Отлично, — молвила Зинаида и задула свѣчи.

Дѣйствительно, черезъ два дня Θεодоръ имѣлъ неожиданное удовольствіе отворять

тонкія входныя двери давно уже не виданному гостю. Толстого дома не было, но, стоя въ томъ же кабинетѣ, гдѣ нѣсколько времени тому назадъ стояла его жена, Мельниковъ не былъ окруженъ тою тишиною, что погрузила Зинаиду Львовну въ нѣкотораго рода дремоту, но былъ занимаемъ нашимъ знакомцемъ Федоромъ, который, сообщая ему разныя домашнія новости, радости и печали, подъ конецъ, совсѣмъ разговорившись, конфиденціальнымъ шопоткомъ добавилъ:

— А вотъ съ мѣсяцъ такъ будетъ тому назадъ, какой былъ случай. Была у насъ одна госпожа,—кажется, впервые его высокоблагородіе женскій полъ посѣтилъ. Я было не хотѣлъ и пускать, но барыня очень настойчивая, хотя и въ разстройствѣ казалась.

— Вотъ какъ, — равнодушно молвилъ Мельниковъ.—А что же она у васъ дѣлала?

— Этого не могу знать, какъ выпускалъ не я ихъ, а госпожа съ лица красивая, молодая и будто какъ въ траурѣ. Онѣ долго дожидались его высокоблагородія, навѣрно такъ, что по дѣлу и раньше было условлено.

Неизвѣстно, что еще сообщилъ бы Фе-

дору своему не особенно внимательному слушателю, если бы не приходъ хозяина, который прервалъ нить обѣщавшаго быть интереснымъ разсказа. Толстой встрѣтилъ стариннаго друга радостно, не удивляясь, повидимому, не спрашивая, будто они видѣлись только вчера. Попрѣжнему бесѣдовали о различныхъ предметахъ, то перебиваясь, то умолкая безъ стѣсненія и неловкости, пили чай съ коньякомъ, смотрѣли книги, явились собаки для полноты торжества, и снова, какъ тогда, во время ледохода на набережной, Петръ Сергѣевичъ почти забылъ, что онъ не прежній Петя Мельниковъ, что ему нужно ѣхать на Фурштатскую, гдѣ его ждетъ молодая жена, Зинаида Львовна, и тоже Мельникова. Уже расцѣловавшись на прощанье и наклонившись въ послѣдній разъ надъ интересовавшей его книгой, Петръ замѣтилъ разорванный конвертъ съ мучительно знакомымъ почеркомъ. Не удержавшись, онъ спросилъ:

— Чей это почеркъ, Андрюша? Такъ знакомъ.

Взявъ конвертъ и пристально на него поглядѣвъ, Толстой отвѣтилъ:

— Едва ли ты его знаешь, а, можетъ-

быть. Какъ это ни страшно, это почеркъ одной дамы.

— Которая у тебя была?—какъ-то неожиданно радостно спросилъ другъ.

Хозяинъ, нѣсколько смутившись, сухо вато отвѣтилъ:

— Я этого не говорю.

— Да что ты скрываешь? я же отлично знаю, чей это почеркъ, но тебѣ не скажу, чтобы не подводить, во-первыхъ, неизвѣстной дамы, во-вторыхъ, чтобы наказать тебя за скрытность.

— Повѣрь, что тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго.

— Охотно вѣрю, съ тобой-то!

Петръ Сергѣевичъ спѣшилъ на Фурштатскую въ какомъ-то неизяснимомъ волненіи. Едва оставшись наединѣ съ Зиной, онъ заговорилъ:

— Нѣтъ, вотъ новость - то! Сашенька, сестра твоя Сашенька писала Толстому и даже была у него. Какъ тебѣ это покажется?

— Что же, тебѣ самъ Андрей Ивановичъ это сказалъ?

— Конечно, нѣтъ, но я видѣлъ своими глазами адресъ, написанный ея рукой. Я изъ тысячи се отличу.

Быстро сравнивъ въ умѣ свой почеркъ съ сестринымъ, столь несхожимъ, Зинаида Львовна какъ-то глухо произнесла:

— Я ничего не понимаю.

Петръ Сергѣевичъ подхватилъ:

— Я то же и говорю. Чтò угодно, но Сашенька и Толстой—невѣроятное соединеніе! Я готовъ предположить, чтò угодно,— ну что ты можешь пойти зачѣмъ-нибудь къ Андрею, по Александра Львовна—разодолжила!

— Зачѣмъ же я пошла бы къ незнакомому мнѣ чловѣку безъ дѣла?

— Да я и говорю это, какъ самое невѣроятное.

— Ты можешь и ошибиться, разъ онъ самъ тебѣ этого не говорилъ.

— Ну, нѣтъ, я не могъ ошибиться, а дама у него была съ визитомъ.

— Тебя это какъ-то слишкомъ интересуетъ, — промолвила Зинаида Львовна впервые за все время супружества недовольнымъ тономъ.

Но оба долго не могли заснуть по совершенно различнымъ причинамъ.

IV.

Разговоры о Толстомъ не только втроемъ, но даже вдвоемъ у Мельниковыхъ, какъ это ни странно, временно прекратились, хотя, казалось бы, открытiе Сашенькиной тайны должно было бы дать имъ еще ббльшую пищу. Петръ Сергѣевичъ изрѣдка заходилъ въ роты, но о своихъ посѣщенiяхъ давалъ очень общiя и малоинтересныя сообщенiя. Зинаида Львовна не начинала первую говорить о подпоручикѣ, а Поликсена, чтò же Поликсена? Разъ ее не спрашивали, она молчала, дѣлала свое дѣло, пѣла, шила, была весела, похудѣла немного—вотъ и все. И мысли Петра снова возвращались къ тому, чтò онъ такъ усиленно изгонялъ изъ воспоминанiй: къ тихой комнатѣ окнами въ садъ, къ пианино, гдѣ лежала развернутой Zauberflöte, къ высокой, нѣсколько полной фигурѣ въ свѣтломъ, розовомъ платьѣ, къ нѣжнымъ розовымъ рукамъ, открытому лицу съ сѣрыми глазами и съ набѣгающей и тотчасъ же исчезающей морщиною на лбу. Будто онъ видѣлъ Марту тогда въ первый и единственный разъ, будто ни прежде, ни потомъ онъ никогда ее не замѣчалъ, и она запечатлѣ-

лась такую неизгладимо, навсегда — тихую, благосклонною, молодою. И какъ это могло случиться, что раньше онъ ея не видѣлъ? Отчего неизвѣстно человѣку, когда у него откроются глаза и какимъ образомъ?

Погода снова повернула на весну: текло изъ трубъ, ворковали голуби, лошади съ трудомъ мѣсили бурю кашу дороги, къ вечеру, когда зажигали фонари на свѣтломъ еще, яштарномъ небѣ, манило печально и сладко куда-то, неизвѣстную куда, гдѣ будетъ пробиваться трава по откосамъ, и засинѣютъ на припекѣ подсиѣжники, или качаться на чужихъ моряхъ, гдѣ звѣзды косматѣе, луна розорѣе, ночи темнѣе и душнѣе.

Въ одинъ изъ такихъ передвечеровъ Пётръ Сергѣевичъ, выйдя изъ дому, машинально повернулъ по Литейному, къ набережной, а тамъ — налево, гдѣ вдали двойною лентой бѣлѣли фонари мостовъ; но дойдя до сената, вдругъ круто оборотилъ назадъ, будто боясь двинуться дальше, и сказалъ вслухъ:

— Завтра съѣзжу въ Царское, — хотя тамъ у него знакомыхъ не было, а звѣзды и солнце были, вѣроятно, такія же, какъ и въ Петербургѣ.

Но на слѣдующій день онъ не поѣхалъ

въ Царское, а дойдя до того же сената и не оборачивая уже обратно, взявъ извозчика и отправился черезъ Николаевскій мостъ. Конечно, онъ хотѣлъ видѣть только ту комнату съ оперой Моцарта, больше ничего, но ввели его прямо на террасу, гдѣ сидѣли тогда его жена и Марта Николаевна. Хозяйка была въ саду, все еще сквозномъ и сѣромъ, и не въ розовомъ, а въ темномъ платьѣ, зашитомъ темной же, но пестрой вышивкой. Она была, видимо, озабочена, такъ какъ складка межъ глазъ чаще ложилась и держалась дольше обыкновеннаго. Прямо подойдя къ гостю и крѣпко пожавъ ему руку, она спросила:

— Вы безъ Зины?

— Безъ.

— Но она здорова, все благополучно?

— Абсолютно.

— Еще полчаса—и вы бы меня не застали. Я и такъ должна буду просить извиненія черезъ нѣкоторое время, чтобы уѣхать.

— Далеко?

— Въ Царское.

Петръ Сергѣевичъ встрепенулся; и у Марты Николаевны въ Царскомъ никого не было,

а звѣзды и луна тамъ, вѣроятно, такіи же, какъ и въ Петербургѣ.

Хозяйка, замѣтивъ недоумѣніе гостя, отвѣтила, не дожидаясь вопроса:

— Не удивляйтесь. Вы такъ рѣдко бывае у насъ, что и не знаете, повидимому, что мужъ мой серьезно болѣнъ и, покуда не кончилъ здѣсь разныхъ дѣлъ, на время уѣхалъ въ Царское. Его послали. Разумѣется, онъ скучаетъ и злится, но что же дѣлать? Сейчасъ за границу онъ не можетъ ѣхать, да и потомъ онъ тамъ скучалъ бы и злился еще болѣе безъ дѣла,—онъ такъ привыкъ, это—вся его жизнь.

— Я не зналъ этого.

— Я писала Зинѣ, но вы, вѣроятно, не особенно-то интересуетесь нашими дѣлами.

— Что вы, что вы!—протестовалъ Петръ Сергѣевичъ.

Марта Николаевна промолчала, улыбнувшись, а потомъ, посмотрѣвъ на крошечные часики, прикрѣпленные къ ея приподнятому бюсту, промолвила:

— Миѣ такъ жалко лишаться вашего общества, что я хочу вамъ сдѣлать одно предложеніе. Черезъ сорокъ минутъ миѣ необходимо будетъ ѣхать на вокзалъ, не

проводите ли вы меня? Вѣдь, вы, вѣроятно ассигновали времени на визитъ ко мнѣ больше, чѣмъ займутъ проводы, хотя бы и на вокзалѣ?

— Я совершенно свободенъ,—даже покраснѣвъ отъ радости, живо отвѣтилъ Петръ Сергѣевичъ и потомъ робко добавилъ:—А пока не споете ли вы, Марта Николаевна? Я такъ давно васъ не слышалъ.

— Сами виноваты, что не приходили. Если вы не предпочитаете выпить чаю, я охотно исполню ваше желаніе. Пройдемте ко мнѣ, я тамъ больше люблю пѣть, чѣмъ въ залѣ.

Только этого-то и хотѣлъ главнымъ образомъ Петръ Сергѣевичъ—пройти въ ту комнату, которая ему казалась завѣтной и полной значенія. Переступая вслѣдъ за хозяйкой порогъ ея будуара, Мельниковъ быстрымъ окомъ окинулъ весь небольшой покой и облегченно вздохнулъ: вѣянье мирной, замкнутой, чистой и затасанной жизни попрежнему пребывало на всѣхъ предметахъ, на всѣхъ мелочахъ обстановки, ничѣмъ не измѣнившейся. Его чувствительной памяти было даже слегка непріятно, что не лежатъ попрежнему на окнѣ клубки пест-

рой шерсти, маленькіе счеты и желтый волюмчикъ французскаго романа.

Госпожа Фуксъ обладала небольшимъ, но хорошо поставленнымъ и недурно обработаннымъ голосомъ средняго сопрано. Пѣла она безъ затѣй, нѣсколько суховато, но безукоризненно-музыкально, сама себѣ аккомпанируя и предпочитая такъ называемый классическій репертуаръ. И теперь, слушая Шуберта, затѣмъ какую-то старинную итальянскую арію, Петръ Сергѣевичъ все время думалъ:

„Какъ просто, какъ чисто и возвышенно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ по-земному, по-нужному, по-настоящему!“

Онъ очнулся, когда отзвучали послѣдніе аккорды, и прошли не три минуты, какъ ему казалось, а всѣ сорокъ, опредѣленныхъ на пребываніе хозяйкою. Она глянула снова на часики у бюста, промолвивъ:

— Ыдемте, Петръ Сергѣевичъ, намъ пора; я и такъ думаю, что опоздала.

Неохотно поднявшись съ дивана и тоскливо обозрѣвъ комнату, словно прощаясь съ нею, тотъ поцѣловалъ руку Марты Николаевны, прошепталъ:

— Благодарю васъ отъ души. Я давно-

давно не получалъ такого нужнаго, такого настоящаго.

Она поглядѣла серьезно, покраснѣла и спрятала обѣ руки за спину, будто боясь, что онъ еще будетъ ихъ цѣловать и затѣмъ, вдругъ снова улыбнувшись, сказала спокойно и просто:

— Я рада сама очень, что мое цѣние вамъ понравилось, но вы, право, преувеличиваете.

— Нисколько,—отвѣтилъ страшно почему-то серьезно Петръ Сергѣевичъ.

Тетя Марта нахмурилась и, сказавъ бѣгло „тѣмъ лучше“, стала одѣваться къ выходу. Всю дорогу они не говорили, кромѣ какъ о болѣзни господина Фукса, но все время слышались совсѣмъ инныя слова за произносимыми, простыя, важныя и необходимыя для чего-то нѣжно-святого. Такъ казалось по крайней мѣрѣ Петру Сергѣевичу, но и Марта Николаевна, повидимому, имѣла то же впечатлѣніе, ибо во время разговора совсѣмъ некстати вдругъ взглядывала на своего сосѣда и неожиданно радостно улыбалась. На поѣздъ они опоздали; пришлось ждать,—но это ихъ даже будто ошастливило, такъ весело усѣлись они въ свѣтломъ и чистомъ ресторанѣ за кофе и ѣду.

„Что со мною?“ — не мелькало въ головѣ

Мельникова, а онъ беззаботно и просто отдавался веселому отдыху, будто съ товарищемъ, но въ котораго онъ былъ бы влюбленъ.

Онъ поѣхалъ и въ Царское, и это не удивило Марту, какъ, повидимому, не удивило се и то, что онъ ся дождался, гуляя и не заходя въ домъ; не удивило се и то, что, когда они встрѣтились черезъ два часа, Мельниковъ сказалъ ей:

— Какой счастливый день! Если бы всегда, вѣчно онъ продолжался! Марта Николаевна, вы не знаете, какъ я люблю васъ!—Это се не удивило, но смутило, и она поспѣшно сказала:

— Не надо объ этомъ.

И потомъ уже въ вагонѣ, подѣзжая къ городу и смотря на подтаявшій снѣгъ, она тихо произнесла не спускавшему съ нея глазъ Петру.

— Петръ Сергѣевичъ, я вамъ вѣрю, но мы не имѣемъ права такъ говорить. У васъ есть Зина, у меня мужъ. Многіе сочтутъ это за глупость, за пережитокъ Пушкинскаго:

„Я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна“.

Но это разстроило бы всю мою жизнь, смысл которой въ томъ и заключается, что она устроена,—вы понимаете меня? И я не такъ молода, чтобы не думать объ этомъ, чтобы, очертя голову, предаваться своимъ чувствамъ. Я васъ давно люблю, не на одинъ весенній день, а какъ вообще любить—просто и крѣпко. Я молчала, потому что я замужемъ, а вы—любите Зину.

— Нѣтъ, нѣтъ! это не то, не то!—то рошливо перебилъ ее Мельниковъ.

— Ну, хорошо: это не совсѣмъ то, но тогда вы ее любили лѣтомъ и думали, что это какъ разъ „то“. А вотъ что вышло!— Она умолкла, отвернувшись къ окну, и, казалось, плакала.

Петръ Сергѣевичъ положилъ руку на ея въ перчаткѣ и сказалъ:

— Зачѣмъ, зачѣмъ?

— Что зачѣмъ?

— Такъ мучить себя?

— Лучше себя помучить нѣсколько, чѣмъ мучить всѣхъ вокругъ себя и дѣлать изъ жизни ералашъ.

— Но вы не сердитесь на меня по крайней мѣрѣ?

Они уже шли по перрону и, воспользовавшись сумракомъ и тѣснотой, Марта

быстро наклонилась къ своему спутнику и крѣпко прижала свои полныя, свѣжія губы къ его губамъ, молча. Когда же онъ опомнился отъ этого неожиданнаго поцѣлуя, госпожи Фуксъ на перронѣ уже не было.

V.

Намъ придется вернуться нѣсколько къ покинутому нами въ достаточно бѣдственномъ положеніи, но отнюдь не забытому Виталію Павловичу Меркурьеву.

Узнавъ адресъ Клавдіи Павловны, Кузьма Тихоничъ, разумѣется, тотчасъ ей отписалъ, насколько зналъ, подробно о положеніи дѣлъ и спокойно ждалъ ея резолюціи, межъ тѣмъ какъ несчастный изгнанникъ никуда не выходилъ изъ своего добровольнаго затвора, неизвѣстно чего опасаясь и желая, такъ сказать, испить чашу до дна. Съ какимъ-то самотерзаніемъ онъ бродилъ по двумъ половинамъ жилища Мальчиковыхъ, раздѣлялъ съ ними простую, но вовсе не такую плохую трапезу, которая ему казалась чуть ли не „хлѣбомъ и водою“, и спалъ на Поликсениной кровати съ видомъ кроткой и святой жертвы. Томясь бездѣйствіемъ и не находя достаточнаго коли-

чества зрителей своимъ невиннымъ страданіямъ, онъ предложилъ Кузьмѣ Тихоновичу свои услуги въ качествѣ помощника, мечтая, что вотъ Сашенька его бросила, выгнала, но онъ не сердится, а выводитъ киноварью пламенные перышки серафимовъ, на которыхъ падаетъ вѣсннее солнце. Но Мальчиковъ не далъ ему выводить серафимскія оперенія, а попросилъ разводить краски, да мыть кисти,—единственное, что покуда могъ дѣлать Виталій Павловичъ. Конечно, это было значительно менѣе поэтично и нѣсколько расколодило нашего героя, но даже и такого незамысловатаго дѣла онъ толково исполнить не смогъ и все напуталъ, такъ что хозяинъ отослалъ его къ Поликсентъ, гдѣ ему ужъ и совсѣмъ дѣлать было нечего, да и казалось зазорнымъ. Такимъ образомъ ему оставалось только или жаловаться подъ стукъ Поликсениной машинки на коварство Александры Львовны, или смотрѣть изъ-за занавѣски на сѣрое небо, да рѣдкихъ прохожихъ подъ скучной капелью.

Пріѣздъ, не то чтобы очень быстрый, Клавдіи Павловны заставилъ всѣхъ вздохнуть облегченно. Сестра не тотчасъ явилась къ Виталію, пожелавъ раньше точно

выяснить себѣ положеніе дѣлъ и обратившись за этимъ къ первоисточнику, которымъ считала безусловно скорѣе Сашеньку, чѣмъ своего не въ мѣру впечатлительнаго брата. Несмотря на свою антипатію къ belle soeur, Клавдія Павловна поняла, что въѣшнимъ образомъ и, такъ сказать, официально вся эта ссора и размолвка совершенно вздорная, и что какъ можно скорѣе Виталію нужно вернуться на Фуриштадтскую, покуда не стало извѣстнымъ его исчезновеніе и пребываніе у Мальчиковыхъ. Александра Львовна была, повидимому, спокойна, знала, гдѣ находится ея мужъ, не особенно ждала его, но не удивилась бы любую минуту его появленію; окружена она была гостями въ моментъ пріѣзда Клавдіи Павловны и, неохотно выйдя въ сосѣднюю комнату, сказала, что, конечно, она ничего не имѣетъ противъ возвращенія мужа, что никто его не выгонялъ, и что относилась бы къ нему попрежнему, если бы онъ не мѣнялся и не создавалъ самъ вздорныхъ и смѣшныхъ осложненій.

— Какъ бы ты къ нему ни относилась, все-таки меня удивляетъ не безсердечіе, но какое-то отсутствіе простого любопытства къ судьбѣ собственнаго твоего мужа.

— Я знала, гдѣ и что онъ, и потомъ я была увѣрена, что ничего ужаснаго съ нимъ не случится.

— Конечно, это очень удобно имѣть такую увѣренность.

Сашенька пожала плечами и прибавила, пропустивъ замѣчаніе Клавдіи мимо ушей:

— Такъ я жду васъ завтра. Я думаю, что Виталій не будетъ дѣлать затрудненій и глупостей, разъ ты будешь съ нимъ. Къ сожалѣнію, я не умѣю, да, по правдѣ сказать, не имѣю и особеннаго желанія быть чьей-либо нянькой, хотя бы и своего супруга.

И вышла въ гостиную, гдѣ давно уже бренчали на рояли и слышался смѣхъ мужчинъ. Клавдія, проходя мимо неплотно притворенной двери, слегка поморщилась и сказала:

— У тебя гости, Саша?

— Нѣтъ, никакого особеннаго, все—свои.

Виталій Павловичъ отчасти былъ доволенъ, что пріѣздъ сестры положилъ конецъ уже наскучившему ему пребыванію въ мастерской Кузьмы Тихоновича. Кромѣ того, при появленіи свѣжаго человѣка воспоминаніе о женщиной обидѣ съ новой силой всплыло въ его умѣ и стало терзать чув-

ствительное сердце, доставляя въ то же время удовольствіе новыхъ признаній, изліяній и жалобъ.

Впрочемъ, весь этотъ потокъ Клавдія Павловна пресѣкла вначалѣ, сказавъ, что ей все извѣстно, что все устроилось, и чтобы онъ собирался ѣхать сейчасъ же съ нею. Братъ изобразилъ на лицѣ страданіе, смѣшанное съ испугомъ, и воскликнулъ:

— Опять возвращаться туда, откуда меня выгнали? Къ этой жестокой и безсердечной женщинѣ? Это ужасно! Я все простилъ ей, я не сержусь на нее, но тѣмъ не менѣе это ужасно! Но разъ ты думаешь, что такъ нужно, я готовъ, я готовъ...

— Да, такъ нужно, разумѣется.

— Собираться мнѣ нечего: все мое со мною,—сказалъ Виталій, горестно улыбаясь, поклонился, даже въ поясъ, Кузьмѣ и Поликсенѣ, надѣлъ пальто и калоши и, печально оглядѣвъ комнату, окна, занавѣску сундучнаго отдѣленія, вышелъ, вздохнувъ, вслѣдъ за сестрою.

У Сашеньки гости уже поразошлись, и оставались только Рудечка, Графовъ, да еще два-три молодыхъ человѣка.

Всѣ сидѣли за кофе въ гостиной, кто-то игралъ „Осенній сонъ“, Рудечка философ-

ствовалъ, а юноша стоялъ за кресломъ хозяйки и таялъ, краснѣя, улыбаясь въ чашку и слегка наклоняя свой стаканъ.

Появленіе новыхъ посѣтителей не вызвало ничего удивленія; Сашенька была тактична сдѣлать видъ, будто она только вчера видѣлась съ мужемъ, остальные, вѣроятно, не особенно замѣчали его отсутствіе за послѣдніе дни, такъ что Клавдія Павловна облегченно вздохнула и, посидѣвъ немного, сказала тихонько, наклонясь къ хозяйкѣ:

— Я уйду, Саша. Собственно говоря, моя миссія окончена, а я небольшая любительница такихъ собраній,—ты сама знаешь.

— Я тебѣ очень благодарна, повѣрь,—отвѣтила belle soeur и поцѣловала ее въ щеку.

Только Рудечка замѣтила:

— А давно васъ не видать было, Виталій Павловичъ. Уѣзжали, что ли, куда?

— Я?—отозвался растерянно спрошенный, но жена прервала его, сказавъ громко:

— Виталій гостилъ нѣсколько дней у сестры. Въ городѣ такъ устаешь. Я и сама рада бы куда-нибудь удалиться „подъ сѣнь струй“.

— Неужели мы вамъ такъ надоѣли? Надѣюсь, не solo, а съ кѣмъ-нибудь изъ насъ?

послышались вопросы, но хозяйка, сморщивъ носикъ, сказала, досадливо обращаясь къ сосѣду:

— Это ужасно, Рудечка, какія пошлыя глупости они говорятъ! Отчего это?

— Вѣроятно, не отъ недостатка этихъ двухъ качествъ.

Послѣ ухода гостей, не торопившихся удалиться, Виталій и Сашенька остались еще сидѣть въ накуренной гостиной, гдѣ пахло коньякомъ и мандаринами. Нѣкоторое время они молчали: онъ—сидя, гдѣ сѣлъ съ самаго начала, она—ходя по комнатѣ, руки за спину. Неизвѣстно, долго ли продолжалось бы это занятіе, если бы не вошелъ лакей принять чашки.

— Пройдемъ ко мнѣ, тутъ нужно освѣжить,—сказала Александра Львовна, проходя въ кабинетикъ, гдѣ въ тотъ роковой день написала шесть писемъ, пока мужъ не приступилъ къ объясненіямъ, кончившимся для него такъ печально.

Опустившись на низкій стулъ, Виталій произнесъ:

— Вотъ я и вернулся!

— Вотъ ты вернулся, и прекрасно сдѣлалъ. Жаль только, что не раньше это произошло. Вообще, я не совсѣмъ понимаю,

зачѣмъ ты затѣялъ всю эту исторію, изъ-за чего?

— Какъ изъ-за чего? Ты такъ вела себя, и потомъ, развѣ ты не сказала мнѣ сама, чтобы я уѣзжалъ?

— Разумѣется, нѣтъ. Тебѣ все еще угодно выдумывать, Богъ вѣсть чтò? Неужели тебѣ это не надоѣло? Я была, можетъ - быть, рѣзка, но, согласись, что и ты былъ достаточно несносенъ. Я говорила съ тобою тогда, какъ съ другомъ, съ товарищемъ.

Виталій вскочилъ:

— Но я же тебѣ мужъ и люблю тебя, желаю, какъ въ первый день нашей встрѣчи! При чемъ тутъ другъ и товарищъ?

Сашенька бросила изумленный взглядъ на собесѣдника и добавила примиряюще:

— Конечно, я была не права, упустивъ это изъ виду, и очень жалѣю объ этомъ, но уѣзжать все-таки не слѣдовало, это было неприлично, понимаешь, и не хорошо по отношенію ко мнѣ. Но чтò объ этомъ, разъ ты вернулся.

— Я такъ страдалъ все это время.

— Повторяю, что я очень жалѣю объ этомъ.

Сашенька подсѣла къ нему, и Виталій, склонившись ей на плечо, сталъ слегка рас-

качиваться, словно баюкая самого себя. Наконецъ тихо вымолвилъ:

— Какъ я люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя.

Та молчала. Тогда, какъ и въ тотъ разъ, обнявъ ее крѣпче, онъ спросилъ:

— А ты, любишь ли меня?

— Я люблю тебя, Виталій, но не по-прежнему. Чтò дѣлать?—прошлаго не вернуть. Если оно и вернется, то уже не точно такимъ же. Я привыкла къ тебѣ и люблю тебя спокойнѣе, проще и, можетъ-быть, вѣрнѣе прежняго.

— И ты не любишь никого теперь такъ, какъ меня любила лѣтомъ?

Помолчавъ, будто вспоминая, жена отвѣтила:

— Нѣтъ, по-моему, я никого не люблю такъ.

— Спокойнѣе, спокойнѣе, — повторялъ словно въ полуснѣ Виталій, а Сашенька гладила его по волосамъ, межъ тѣмъ какъ глаза ея смотрѣли куда-то въ стѣнку, и выраженіе ихъ было непривычно печально и тревожно.

Такъ они сидѣли, пока въ сосѣдней гостиной тонко зазвякали убираемая чашки и рюмки, и когда все стихло, они продол-

жали сидѣть все такъ же. Наконецъ Александра Львовна, наклонившись, поцѣловала мужа и промолвила:

— Мнѣ жалко тебя, Виталій, отъ души, но будемъ надѣяться, что все обойдется, только не преувеличивай, ради Бога, разныхъ мелочей: не всегда можно обращать на нихъ вниманіе.

Виталій Павловичъ ничего не отвѣтилъ, неизвѣстно даже, слышалъ ли онъ, что говорила ему жена, такъ какъ послѣ всѣхъ потрясеній, прижавшись къ теплому плечу, онъ мирно спалъ.

VI.

Возвращеніе къ домашнему очагу не внесло особеннаго мира въ душу Виталія Павловича. Онъ не былъ безпокоенъ, но и успокаиваться, по правдѣ сказать, было не отъ чего. Сашенька первые дни выказывала ему, можетъ-быть, и большую сердечность, чѣмъ тогда, когда онъ сбѣжалъ къ Поликсентѣ, но развѣ этого было достаточно мечтательному и чувствительному сердцу Меркурьева? При этомъ Александра Львовна сама производила впечатлѣніе женщины растерянной и, конечно, уже не счастливой, а характеръ

у нея былъ не таковъ, чтобъ, забывъ о собственномъ разстройствѣ, обращать вниманіе на скучныя и смѣшныя, какъ ей казалось, претензіи своего мужа. Вѣдь сказалъ же Кузьма Прутковъ: „если хочешь быть счастливымъ—будь имъ“, а если Виталій несчастливъ, то что она, Александра Львовна, можетъ сдѣлать для того, чтобы жизнь его была иною? Она сама-то еле-еле держалась и какъ-то лихорадочно наполняла дни свои увеселеніями и хлопотней въ ожиданіи другого. Чего другого? Она сама бы не могла сказать, но, конечно, такъ продолжаться не можетъ.

Этотъ Графовъ, Рудечка, Штейнъ, эти молодые и немолодые люди, эти поѣздки на острова, питье, бречаніе фортепіано, эти покупки, визиты и всегда постылый Виталій, несчастный и скучный—развѣ это все? И Сашенькинъ смѣхъ съ лѣта сдѣлался суше, и глаза безпокойнѣе и грустнѣе. Никто бы не сказалъ, что это—та дочь генерала Прохорова, которая, еще нѣтъ года тому назадъ, опустилась на колѣни передъ тетей Мартой въ скромной сельской бесѣдкѣ, говорила съ раскраснѣвшимся лицомъ свои мечты и надежды. Только круглое, нѣсколько слишкомъ русское лицо и

какой-то неискоренимый румянecъ, да звонкій голось остались отъ прежней Александры Львовны. Мужъ ся особенно не обезпокаивался, но и не радовался, а жилъ изо дня въ день, ни о чемъ не думая, ничего не ожидая, нѣсколько печально и очень скучно. Если бы онъ могъ найти точку, чтобы со стороны свое положеніе счестъ интереснымъ, поэтичнымъ и значительнымъ, ему, конечно, было бы легче, но въ томъ-то и бѣда, что ничего значительнаго, поэтическаго и интереснаго въ своемъ житьѣ отыскать онъ не могъ, и влачилъ свое существованіе, если не ропща громко, то во всякомъ случаѣ внутренне считая себя обиженнымъ. Скорѣй судьбой, нежели Сашенькой. Теперь онъ уже не старался узнавать, кого она любитъ,—ему это было почти все равно; а если бы онъ сталъ наблюдать, то замѣтилъ бы, что она была права, что никого не любитъ. Одинаковъ со всѣми былъ ее сухой смѣхъ и веселый разговоръ, и одинаково, говоря съ кѣмъ угодно, она взглядывала выше головы собесѣдника своими прищуренными, блестящими и необыкновенно сухими глазами. Чаше всего она бесѣдовала съ Рудечкой, чей безочарованный и насмѣшливый умъ отвѣчалъ, вѣроятно,

болѣ всего теперешнему состоянію Саши. Но иногда она говорила ему:

— Когда я васъ слушаю, Рудечка, я будто разговариваю сама съ собою, такъ что вы не обижайтесь на то, что я скажу. Вы совершенно безсердечный человѣкъ и не добрый, вы только септиментальны, а умъ у васъ отвратительный. Какъ вы не понимаете, что жить, какъ вы живете, если, конечно, не имѣешь большого дѣла или искусства, что ли,—невозможно, невозможно! Я съ вами говорю, какъ въ пустую бочку—мои же слова, мои же мысли такъ сухо и смѣшно отдаются. Это скучно въ концѣ-концовъ.

— Мы слишкомъ часто видимся, Александра Львовна. Мы вамъ всѣ просто надоѣли. Не мѣшало бы вамъ обновить знакомство,—это и для меня было бы интересно, потому что, сознайтесь, публика у васъ бываетъ не перваго сорта, а меня, конечно, какъ стараго друга, вы не прогоните, и я буду имѣть удовольствіе вмѣстѣ съ вами, наблюдать коловращеніе людей.

Сашенька молча посмотрѣла поверхъ Рудечкиной головы и черезъ минуту добавила просто:

— Я бы хотѣла влюбиться, Рудольфъ Петровичъ.

— Ну, такъ что же, развѣ это такъ трудно?

— Оказывается, довольно затруднительно. Не въ васъ же мнѣ влюбляться, въ самомъ дѣлѣ!

— Дѣйствительно, это было бы довольно бесполезное предпріятіе. Но скажите, милый другъ: вы хотите имѣть любовника, или романтической влюбленности?

Сашенька досадливо отвѣтила:

— Какой вы глупый, Рудечка; почему я знаю? Если бы я знала, я бы у васъ не спрашивала, повѣрьте.

Рудечка побарабанилъ по портсигару и началъ серьезно:

— Видите ли, заводить постоянного любовника—это и довольно банально, а главное—совсѣмъ не занято. У васъ вмѣсто одного Виталія Павловича будетъ двое—вотъ и все. Въ кого-нибудь влюбиться платонически и романтически—это тоже, конечно, не очень остроумно, но, можетъ-быть, эта капитель васъ займетъ больше. И посмотрите, какой я хороший другъ: я даже моментально придумалъ, въ кого вамъ влюбиться. (Потому что вы не хотите же, чтобы это была *haute passion*, надѣюсь?). Онъ высокаго роста, строенъ, прекрасный

цвѣтъ лица, загадоченъ, очень скромнъ, еще болѣе того недоступенъ, принадлежитъ къ какому-то тайному обществу, онъ гвардйскій офицеръ, благочестивъ, имѣетъ стриженные усы и двухъ собакъ.

Александра Львовна равнодушно спросила:

— Какъ же его зовутъ?

— Андрей Ивановичъ Толстой.

— Рудечка, вы прямо невозможны. Вѣдь вотъ уже три дня, какъ это имя не выходитъ у меня изъ головы. Но дѣло въ томъ, что я не только не знакома съ этимъ чудомъ природы, но даже никогда его не видала. Въ этомъ очень стыдно сознаться, что не видала Толстого, но тѣмъ не менѣе это такъ.

— Александра Львовна, такъ тѣмъ занятнѣе будетъ завести романъ съ таинственнымъ незнакомцемъ, а помощникомъ намъ могъ бы служить Ваня.

— Ахъ, такъ? Вы думаете?

— И даже очень,—отвѣтилъ серьезно Рудечка и всталъ, чтобъ уходить, спросивъ на прощанье дружески: — Ну, чтò же, вы довольны мною и моимъ совѣтомъ?

— Очень. И я васъ увѣряю, что черезъ двѣ недѣли вы будете имѣть нѣкоторыя свѣдѣнiя.

— Я не зналъ, что вы такъ азартны. Это хорошо,—сказаль серьезно Рудечка и зато поталь маленькими ножками къ передней.

Казалось, что предпріятіе относительно Толстого нѣсколько заинтересовало Александру Львовну. Она сама отыскала куда-то запропастившагося Ваню и старалась всячески паводить его на то, чтобы онъ устроилъ ей знакомство съ Андреемъ Ивановичемъ; когда же онъ не понималъ, или не хотѣлъ понять намековъ, она напрямикъ попросила его сдѣлать это. Но Ваня не только не исполнилъ ея желанія, но, узнавъ, зачѣмъ его отыскивали, снова исчезъ съ веселаго горизонта, такъ что Александрѣ Львовнѣ пришлось уже дѣйствовать самой. Нужно замѣтить, что случай сй помогъ сдѣлать, такъ сказать, первый шагъ. Уже первая недѣля со времени ея общанія подходила къ концу, какъ однажды, гуляя по набережной съ Рудечкой и смотря на запоздавшія льдины, пльвшія бѣлымъ островомъ по голубой рѣкѣ, Александра Львовна издали замѣтила двухъ офицеровъ, подвигавшихся имъ навстрѣчу въ сопровожденіи двухъ же собакъ. Рудечка тихонько тронуль ее за локоть и сказала:

— Я бы могъ сдѣлать гадость вамъ, промолчавъ, но я вашъ вѣрный другъ: это идетъ Толстой.

— А другой кто?

— Я не знаю, какой-нибудь пріятель, навѣрное. Но я надѣюсь, вамъ не нужно указывать, который изъ нихъ Толстой.

Александра Львовна кивнула головой и замѣтила, покраснѣвъ:

— Остановимся на минутку.

— Развѣ вы слишкомъ потрясены?

Но Сашенька, не отвѣчая, уже пристально разглядывала розовое лицо Толстого, который шелъ, казалось, ничего не замѣчая, съ хлыстомъ въ рукахъ, высокій и тонкій. Его спутникъ, наоборотъ, повидимому слишкомъ замѣтилъ нашу пару, потому что, споткнувшись, онъ быстро покраснѣлъ и едва не приложился къ козырьку. Собаки шли чинно рядомъ, перебирая бѣлыми ногами. Когда это явленіе исчезло, а Сашенька все продолжала смотрѣть на бѣлыя льдины, Рудольфъ Петровичъ, улыбаясь, сказалъ:

— Если вы будете такъ волноваться, другъ мой, у васъ ничего не выйдетъ, потому что вамъ нужны спокойствіе и наблюдательность.

— Если бы вы знали, Рудечка, какъ вы мнѣ подоѣли своими совѣтами!

— И вотъ награда! — началъ-было ея спутникъ, но вдругъ ни къ чему произнесъ: — Итакъ, значить, завтра на скэтингъ въ пять часовъ.

Александра Львовна подняла-было на него изумленный взглядъ, но тотчасъ поняла Рудечкину выходку, потому что въ ту же минуту ихъ обогналъ, торопясь и красный, какъ ракъ, бѣлокурый офицеръ съ сѣрыми глазами, котораго они только-что встрѣтили съ Толстымъ. Она засмѣялась и громко повторила:

— Итакъ, значить, завтра на скэтингъ въ пять часовъ. И выждавъ, когда офицеръ уйдетъ далеко впередъ, она сказала своему спутнику:

— Иногда, право, мнѣ кажется, Рудечка, что вы геніальны.

VII.

Но на слѣдующій день Александра Львовна г. Толстого не увидала, зато, едва она успѣла переступить порогъ скэтинга, какъ пристальные глаза ея замѣтили растерянно ходившаго Мейера, который и былъ тѣмъ

офицеромъ, какъ, читатели, навѣрно, и сами догадались, что гулялъ по набережной съ Андреемъ Ивановичемъ. Такъ Сашенька, не дождавшись подпоручика, и уѣхала домой разгрозенная и сердитая, а на слѣдующій день отправилась въ то же мѣсто. Опять Мейеръ ходилъ за нею по пятамъ, и опять Толстого она не видала. Неизвѣстно, сколько бы времени продолжалось такое положеніе дѣлъ, неопредѣленность котораго особенно тяготило Сашеньку, такъ какъ терпѣніе не было ея добродѣтелью. Ее дурное настроеніе чувствительно отзывалось на всѣхъ гостяхъ и пріятеляхъ, не говоря уже о несчастномъ Виталии Павловичѣ, который, несмотря на принятую имъ позу покорнаго страдальца, наконецъ не вытерпѣлъ и предложилъ своей задумчивой и разгнѣванной супругѣ поѣхать въ деревню къ Клавдіи Павловнѣ. Александра Львовна повела на него глазами, ничего не отвѣчая, а сама написала письмо Андрею Ивановичу, о которомъ говорилось выше. Срокъ уже давно прошелъ, и пари она свое проиграла, но теперь ужъ не азартъ, а или привычка стремиться къ незнакомому и неуловимому офицеру, или что-нибудь другое не позволяли ей бросить разъ начатой игры. Тутъ

пришлось обратиться опять къ Рудечкѣ, съ которымъ послѣднее время она избѣгала говорить, чтобы не навлечь на себя его насмѣшекъ.

Рудольфъ Петровичъ повертѣлъ носомъ и посовѣтовалъ:

— Займитесь, по-моему, этимъ бѣленькимъ молодымъ человѣкомъ. Вы, кажется, произвели на него сильное впечатлѣнiе и черезъ него сможете или подружиться съ Толстымъ, или...

Видя, что онъ не продолжаетъ, Александра Львовна сердито спросила.

— Что или? Какъ вы мямлете, Рудечка!

— Или отомстить сему непреклонному воину.

Сашенька долго думала, не глядя на собесѣдника, и потомъ тихо и просто произнесла:

— Вы, конечно, рассчитываете, что я отниму у Толстого его друга, влюбивъ его въ себя, какъ дурака? Я такъ и сдѣлаю, оттого что съ Толстымъ я знакомиться не желаю, повимаєте: не желаю, и нахожу, что всѣ слухи о немъ очень преувеличены: онъ просто невѣжливая деревяжка, вотъ и все.

Рудечка тихо замѣтилъ:

— Я не думалъ, что у васъ такія пылкія страсти, Александра Львовна. Это до добра не доведетъ.

— Ахъ не все ли равно! — воскликнула Сашенька, и на этомъ разговоръ прекратился.

Познакомиться съ Владиміромъ Сергѣевичемъ Мейеромъ было очень не трудно, такъ какъ онъ самъ только этого и добивался, а разъ познакомившись, никого не удивляло, что онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ частыхъ посѣтителей Меркурьевыхъ. И если бы Виталій Павловичъ еще продолжалъ слѣдить, кому изъ поклонниковъ отдаетъ предпочтеніе его жена, у него не оставалось бы сомнѣнія. Но онъ уже остановился на той точкѣ, что Сашенька скучаетъ оттого, что никого не любитъ, оттого капризы и дурное настроеніе, и такъ крѣпко увѣренъ былъ въ этомъ, что даже не замѣчалъ, что у Александры Львовны капризы прошли, а настроеніе значительно улучшилось. О Толстомъ Сашенька съ Мейеромъ никогда не говорила, но еще было удивительнѣе, что и Мейеръ пересталъ говорить съ Толстымъ о своемъ увлеченіи. Онъ даже не рассказалъ ему, что онъ позна-

комился съ Александрой Львовной, и когда тотъ иногда спрашивалъ:

— Ну, чтò твоя незнакомка со скотинга, все продолжаетъ тамъ блистать?—то Владиміръ Сергѣевичъ отвѣчалъ съ притворнымъ равнодушіемъ:

— А право, не знаю, я самъ-то тамъ не былъ уже сколько времени.

Ровность ихъ отношеній была чѣмъ-то нарушена, такъ какъ Владиміръ Сергѣевичъ уже не выказывалъ неодолимаго стремленія сдѣлаться собратомъ Толстого, заходилъ къ нему рѣже и часто бывалъ не то задумчивъ, не то разсѣянъ. Андрей Ивановичъ настолько привыкъ къ этой перемѣнѣ, что нѣсколько удивился, когда однажды, придя къ нему поздно вечеромъ, Мейеръ, не снимая фуражки, прямо прошелъ къ нему въ кабинетъ и, сѣвъ на ручку кресла, на которомъ сидѣлъ другой, обнялъ его и, поцѣловавъ, сказалъ:

— Ты меня прости, Андрюша.

— Чтò случилось?

Тогда Владиміръ Сергѣевичъ, еще крѣпче обнимая, началъ говорить какъ-то въ плечо Толстому:

-- Ты понимаешь, это сильнѣе меня. Я чувствую себя страшно неблагодарнымъ по

отношенію къ тебѣ. Ты ничего не знаешь, конечно; тебѣ и не нужно было знать. Это, въ сущности, гадко. Я самъ не знаю, чтò со мной сдѣлалось, но я иначе не могу. Ты мнѣ только скажи, что ты мнѣ простишь,— мнѣ это необходимо нужно. Я самъ знаю, что я могу погибнуть, но я иначе не могу. И все, все, о чемъ мы мечтали, это не для меня еще пока. Я вижу: я очень слабъ и гадокъ. Я не могу смотрѣть тебѣ въ глаза.

Андрей Ивановичъ помолчалъ и потомъ началъ, глядя по рукѣ тревожнаго гостя:

— Я совсѣмъ не знаю твоей исторіи и потому ничего не могу посовѣтовать. Впрочемъ, ты совѣта и не спрашиваешь. Ты самъ знаешь, какъ я люблю тебя и думаю, что, что бы ни случилось съ тобой, я останусь къ тебѣ тѣмъ же. Мнѣ нечего прощать, я не Богъ, а любить тебя всегда буду.

Но Владиміръ Сергѣевичъ вдругъ сорвался съ мѣста и, принявшись метаться по комнатѣ, сталъ выкликать источнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, то, чтò я собираюсь сдѣлать, тебя оттолкнетъ навсегда, навсегда! Ты конечно, святой, но я тебя знаю.

Андрей Ивановичъ подошелъ къ столу

и произнесъ раздѣльно, не поворачиваясь къ Мейеру:

— Ты, можетъ-быть, уже сдѣлалъ то, о чемъ ты говоришь?

Тотъ поспѣшно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ еще, увѣряю тебя.

Тогда Толстой, не оборачиваясь, продолжалъ такимъ же деревяннымъ голосомъ:

— Я тебя ни прощать ни не прощать не могу, но если это случится, мы видаться больше не будемъ, потому что я вовсе не святой и на такое званіе нисколько не претендую.

Помолчавъ, онъ добавилъ:

— Ты, конечно, можешь меня обмануть...

— Я не знаю, зачѣмъ ты раньше времени меня обижаешь? Обманывать я тебя не стану.

— Тѣмъ лучше. А, теперь, пока еще ничего не случилось, давай пить чай. Вѣдь я не говорю, что я перестану тебя любить; мы только видаться не будемъ.

Владиміръ Сергѣевичъ, сѣвъ рядомъ съ Толстымъ, сказалъ ему попрежнему, какъ онъ говаривалъ до того дня, какъ попалъ къ Сашенькѣ.

— Вотъ когда я сижу съ тобой, я вижу

ясно, что вздоръ и что настоящее. Вѣдь не мѣняетъ же человѣка, когда у него дѣлается флюсъ.

Улыбнувшись, Андрей Ивановичъ ласково замѣтилъ:

— Ну, вотъ, когда у тебя будетъ флюсъ, ты мнѣ и не показывайся, потому что неприятно видѣть лицо, которое нравится, обезображеннымъ. Да и простая стыдливость требуетъ того же.

Мейеръ не солгалъ Толстому, сказавъ, что ничего еще не совершилось, что бы могло мѣнять ихъ отношенія. Но это показаніе было, такъ сказать, фактическое, какъ если бы утопающій, выплывая послѣдній разъ на поверхность воды и послѣдній разъ видя далекое небо, кричалъ:

— Я еще не утонулъ, еще не утопленникъ!

Александра Львовна сама не знала хорошо, зачѣмъ ей это нужно, а если какіе-нибудь отвѣты у нея и были, то она постыдилась бы сознаться въ нихъ даже самой себѣ.

Ни въ комнатѣ Сашеньки, ни во всей квартирѣ никого не было, когда она съ молодымъ офицеромъ, не снимая шляпы, прошла прямо къ себѣ. Она остановилась

у окна, продолжая разговоръ, но казалось, что она говорить, не останавливаясь, на ходу. Она говорила:

— Я отлично знаю, Владиміръ Сергѣевичъ, что вы меня любите и хотѣли бы, конечно, чтобы я была вашей. Существованіе мужа меня, конечно, не остановило бы. Вы мнѣ позволите съ вами говорить откровенно? Я вообще считаю, что всякія тамъ платоническія любви—это вздоръ, одна богадѣльня, но я васъ хочу спросить, согласны ли вы на все, чего бы я ни захотѣла? Достаточно ли вы меня любите, потому что оставаться въ дуракахъ я вовсе не желаю.

Она говорила почти сердито, а офицеръ опутивъ глаза, лепеталъ:

— Я не знаю, чего вы хотите, я только знаю, что люблю васъ безумно.

Сашенька нетерпѣливо перебила:

— Это прекрасно, но нужно доказательство, и потомъ, когда любятъ, всѣ мѣрки измѣняются: можно совершить поступокъ безчестный, подлый, даже преступный для того, кого любишь.

Не понимая ясно, куда гнетъ его себе-сѣдница, Мейеръ только повторилъ:

— Я знаю только, что люблю васъ безумно.

Александра Львовна промолчала, постукивая пальчиками по оконному стеклу, и наконецъ, не оборачиваясь, произнесла:

— Поссорьтесь съ Толстымъ!

— Что?

— Поссорьтесь съ Толстымъ!

Владимиръ Сергѣевичъ заговорилъ взволнованно, какъ-будто побѣждалъ подъ гору.

— Александра Львовна, зачѣмъ вамъ это нужно? понимаю, если бы вы хотѣли, чтобы вы для меня были единственнымъ человѣкомъ. Но вѣдь вы этого не хотите, и потому — вы и такъ для меня единственная! Если бы я не боялся думать дурно, я бы подумалъ, что вы имѣете что-то противъ Толстого и хотите ему мстить. При чемъ же тутъ я? Отчего ваше ко мнѣ отношеніе зависитъ еще отъ третьихъ лицъ? Вотъ мы съ вами вдвоемъ, вы знаете, какъ я васъ люблю, и отъ васъ самихъ зависитъ отвѣтить такъ или иначе. Одно знайте: вся моя жизнь, все счастье, вся радость находится въ вашихъ рукахъ. Я знаю, что я говорю вздоръ, и похоже, будто разсуждаю, но ей-Богу же я не разсуждаю, не только не разсуждаю, но даже плохо соображаю, потому что люблю васъ просто и очень глупо.

Александра Львовна повернулась спиной къ окну, оставивъ руки на подоконникѣ, и, помолчавъ нѣкоторое время послѣ того, какъ офицеръ умолкъ, сказала спокойно:

— Поссорьтесь съ Толстымъ.

— Нѣтъ!—отвѣтилъ тотъ упрямо и сѣлъ на кресло, поставивъ шашку между колѣнъ.

Александра Львовна постояла нѣкоторое время, потомъ медленно и молча подошла къ креслу, гдѣ сидѣлъ Мейеръ, и спокойно ударила его по щекѣ. Но не успѣлъ Владиміръ Сергѣевичъ вкочить или сказать что-нибудь, какъ почувствовалъ, какъ Сашенькины теплыя руки обнимаютъ его, а на всемъ своемъ лицѣ ея поцѣлуи, а сама Сашенька прижималась къ нему и, смѣясь и плача, шептала:

— Милый, прости, прости! Развѣ ты не видишь, что я люблю тебя? Какой ты глупый: я бы давно была твоей.

Весь остатокъ вечера Александра Львовна была сама прелесть, сама любовь; о Толстомъ ни полслова. Даже, когда прощаясь и поцѣловавшись послѣдній разъ, Мейеръ сказалъ:—Значить, мы уѣзжаемъ, а съ Андреемъ Толстымъ видѣться я не буду, — она отвѣтила, слегка нахмурясь:— Это какъ ты хочешь.

Уже прошелъ и невскій ледъ и ладожскій, отошли и весенніе холода и майскіе возвратные; деревья въ садахъ покрылись зеленымъ пухомъ, и давно бы, казалось пора было уѣзжать ичи въ деревенскую глушь, или въ какую-нибудь международную толкучку, — а наши господа все сидѣли, да сидѣли и, повидимому, никуда не собирались. Даже никакого разговора объ отъѣздѣ не подымалось. Одинъ Виталій только завель-было рѣчь о сестриномъ хutorѣ, но встрѣтилъ такое полное равнодушіе съ Сашенькиной стороны, что поговорилъ-поговорилъ, да и умолкъ. Марту Николаевну удерживала болѣзнь мужа, Александру Львовну, — можетъ-быть, ея романъ съ Мейеромъ, но чтò удерживало Мельниковыхъ — было никому неизвѣстно. Но мебель стояла открытою, вещи не укладывались въ сундуки, Поликсена въ проходной все шила, а Зинаида Львовна или гуляла, или читала французскіе романы, или играла по вечерамъ на рояли, открывъ двери на балконъ, — словомъ, вела себя такъ, будто все лѣто собиралась прожить на Фурштатской.

Однажды, окончивъ пьесу Листа, посто-

явъ на балконѣ, откуда видно было, какъ дворники метутъ пыль, обойдя цвѣты, чтобы снять сухіе листочки, госпожа Мельникова дошла и до проходной, гдѣ весь день Поликсена стучала машинкой. Но Поликсена на этотъ разъ не стучала машинкой, а сидѣла, опустивъ дѣтское шитье съ прошивками на колѣни, и круглое личико ея въ рыжихъ кудерькахъ, обильно покрытое по случаю мая веснушками, было заплакано и выражало подлинное волненіе.

— Чтѣ съ вами, Поликсена, о чемъ вы плачете?—спросила Зинаида Львовна, отодвигая куски скроенной матеріи, чтобы сѣсть на сундукъ. Портниха въ отвѣтъ еще болѣе заплакала и наконецъ, высморкавшись, проговорила:

— Я не знаю, Зинаида Львовна, какъ вамъ сказать, а между тѣмъ вы однѣ можете помочь ему.

— Отчего же вы не скажете прямо? Вы у насъ въ семьѣ—какъ родная, и я всегда готова помочь и вашему брату, и вашему дядѣ.

— Ахъ, чтѣ имъ дѣлается! Я говорю совсѣмъ не о нихъ.

— О комъ же вы говорите?

— Объ Андреѣ Ивановичѣ Толстомъ.

— Объ Андреѣ Ивановичѣ Толстомъ?—

спросила Зинаида Львовна, вставая съ сундука.

Поликсена подумала, что ея собесѣдница хочетъ уйти, и заговорила быстро и взволнованно, межъ тѣмъ какъ слезы непрерывно стекали по ея щекамъ:

— Можетъ-быть, мнѣ не слѣдуетъ говорить. Конечно, мое ли это дѣло? Чтò я вамъ и господину Толстому?.. Я—человѣкъ служащій: пришла, пошила, да и ушла. Если вы не пожелаете, то разговаривать со мною не будете. Когда вы у меня спрашивали, я вамъ все, чтò знала объ Андреѣ Ивановичѣ, сказывала, теперь вы не спрашиваете—я и молчу. Мое ли это дѣло? Но какъ Ѳедоръ сказалъ мнѣ, такъ повѣрите ли, сердце у меня перевернулось. Все сижу и думаю вотъ цѣлое утро: какъ тутъ быть, какъ тутъ быть? И надумала все вамъ сказать. Если вы захотите, то вы можете сдѣлать такъ, чтобы все было хорошо. Они васъ послушаютъ. Вѣдь сами вы письмо имъ писали, были у нихъ въ ротахъ,—такъ сдѣлайте и теперь.

Если Зинаида Львовна встала для того, чтобы уходить, въ чемъ мы не увѣрены, то во всякомъ случаѣ она не ушла, а выслушала всю Поликсенину рѣчь и спросила тихо:

— У Толстого какое-нибудь несчастіе?

— Нѣтъ, слава Богу, но его нужно удержать.

— Отъ чего? Чтò онъ собирается дѣлать?

— Ахъ, стрѣляться!—горестно восклицала Поликсена.

Зинаида Львовна, нахмурившись, спросила:

— Онъ хочетъ стрѣляться? Откуда вамъ это извѣстно?

— Избави Боже! Они не сами въ себя стрѣлять будутъ, а драться съ товарищемъ.

— А, вы говорите о дуэли. Я не поняла сначала. Изъ-за чего, съ кѣмъ и когда? Расскажите мнѣ все, чтò знаете, и не плачьте, Поликсена,—это глупо. Если я могу чтò сдѣлать, я должна знать точно и не терять времени.

— Да я сама ничего толкомъ не знаю, голубушка Зинаида Львовна. Одно знаю, что завтра чуть свѣтъ. Вѣдь это же немислимо! Подумайте, если ангела нашего, Андрея Ивановича убьютъ?

— Эгого, конечно, не должно быть. Вы Поликсена, оставайтесь у насъ, не ходите домой. Если мужъ будетъ спрашивать, скажите, что я поѣхала въ Царское. Марту Николаевну я предупрежу. Теперь который часъ? Половина пятого. Времени еще много...

Но съ кѣмъ, изъ-за чего? Ничего не понимаю. Такъ вы оставайтесь, Поликсена.

— Останусь, останусь. А Петру Сергѣевичу не говорить? Они, можетъ-быть, съѣздили бы.

— Нѣтъ, Петю лучше не путать.

Зинаида Львовна говорила дѣловито, почти сердито, лишь смертельная блѣдность и не сходящая со лба складка свидѣтельствовали о сильномъ ея волненіи. Она вышла, поцѣловавъ Поликсену, а та отерла глаза и, успокоенная, принялась за какую-то распашенку, а минутъ черезъ сорокъ рискнула завести даже пѣсенку тонкимъ и дрожащимъ голосомъ.

Поликсена была права, подозрѣвая опасность, грозившую Толстому. Впрочемъ, знать объ этомъ было совсѣмъ не трудно, потому что исторія съ господиномъ Нечасвымъ происходила у всѣхъ на глазахъ, и обсужденія дуэли, если не специально не повѣрялись, то во всякомъ случаѣ нисколько не скрывались отъ Ѳедора. Самъ Толстой не придавалъ никакого значенія всему этому случаю, такъ какъ Нечаевъ не былъ его знакомымъ, и его показавшіяся оскорбительными слова, за которыми послѣдовалъ вызовъ со стороны подпоручика, никакихъ

отношеній не мѣняли, никакой дружбы не уничтожали, а были совершенно случайны и такъ же случайно, хотя и неминуемо, привели за собою то, что произошло. Но Поликсенѣ, знавшей все это отъ брата достаточно смутно и сбивчиво, при ея обожаніи Толстого, естественно все казалось преувеличеннымъ и романтичнымъ. Эта романтичность дѣлала въ ея глазахъ новый ореолъ Андрею Ивановичу, и, въ сущности, томясь и беспокоясь, она упивалась трепетными и таинственными переживаніями. Какъ это ни странно, и Зинаида Львовна восприняла событіе въ стилѣ Поликсены, т.-е. очень возвышенно и смутно. Мало того, она почему-то установила связь между имѣющей быть дуэлью и своими личными отношеніями къ Толстому. Ничто на эту связь ей не указывало, она не знала ни причинъ, ни слѣдствій, но почувствовала острѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, тонкую и крѣпкую нить, соединяющую ея судьбу, судьбу ея мужа и всего, что ей казалось дорогимъ, съ судьбою мало ей знакомаго офицера. Ей представлялось, что все измѣнится, если что-нибудь тамъ произойдетъ, а что тамъ что-нибудь произойдетъ—въ этомъ она была увѣрена. Совер-

шенно совпадала она съ Поликсеной и въ мысли, что она, Зинаида Львовна, можетъ что-то сдѣлать, что-то предотвратить, предупредить, — вообще при чемъ-то во всей этой исторіи. Потому ей было особенно сладко и тревожно, и волнительно тайкомъ отъ Петра Сергѣевича отправиться въ далекія роты. Она долго соображала, одѣться ли въ черное, или надѣть обычное выходное платье, и, остановившись на второмъ, огорчалась слегка бѣлыми ночами, что слишкомъ поздно наступаютъ сумерки, столь подходящія для такого таинственнаго и многозначительнаго посѣщенія. Ей казалось страннымъ ѣхать что-то предотвращать или спасать человѣка при полномъ солнечномъ освѣщеніи. Все, что она придумала по дороге, всѣ трогательныя или патетическія сцены, которыя она себѣ рисовала, оказались напрасными, но совершенно неожиданно замѣнились другими, не менѣе патетическими и трогательными столкновениями, какъ скоро увидитъ читатель.

Къ Толстому г-жа Мельникова не попала, т.е. она благополучно прибыла на мѣсто назначенія, но черезъ Федора ей стало извѣстнымъ, что г-нъ подпоручикъ никого не принимаетъ и едва ли не легъ спать. Ни-

какіе доводы и разспросы не помогли, и денщикъ только водилъ глазами по потолку, загадочный своею непроницаемой ту-постью. Выходя изъ дверей подъѣзда, Зинаида Львовна встрѣтила даму въ черномъ платьѣ, въ которой, несмотря на густой крепъ, она безъ труда узнала Сашеньку. Зинаида Львовна не подала виду, что признала сестру, но выйдя на улицу и отойдя шаговъ на десять, она остановилась, словно выжидая возвращенія второй посѣтительницы. Предчувствіе ее не обмануло, потому что минуты черезъ двѣ та же входная дверь выпустила обратно даму въ черномъ платьѣ.

— Ты была у Толстого, Саша?

— Какъ видишь,—отвѣтила та спокойно.

— Тебя не пустили?

Сашенька недовольно двинула плечомъ, молча.

— Я не знала, что ты знакома съ Толстымъ.

— Для меня, признаться, тоже довольно неожиданна эта ветрѣча.

Помолчавъ, старшая сестра сказала:

— Поѣдемъ къ намъ, Саша. Мнѣ очень важно, чтобы былъ человѣкъ, который все знаетъ, особенно ты, конечно. Мы какъ-то

послѣднее время почти не видимся,—можно подумать, что мы разошлись. Но вѣдь этого нѣтъ, не правда ли? Мы просто слишкомъ заняты своими дѣлами. Не знаю, какъ ты, а я въ этотъ годъ прожила будто десять лѣтъ.

— Да, очень трудно,

О Толстомъ во время пути они не говорили, но, проѣзжая мимо Владимірской церкви, обѣ вразъ перекрестились, и Зинаида Львовна прошептала:

— Господь не допуститъ, чтобы онъ былъ убитъ.

Сашенька кивнула головой и отвѣтила:

— Рудечка говоритъ, что онъ отличный стрѣлокъ.

Больше онъ не сказали ни слова до самаго дому, и только, когда онъ остались вдвоемъ въ комнатѣ Зинаиды Львовны, старшая сестра, опустившись на колѣни передъ Сашенькой, взяла ея руки въ свои, глядя ихъ, проговорила:

— Какъ славно, Саша, что и ты его любишь.

Та подняла повеселѣвшіе глаза и тихо спросила:

— Развѣ?..

Но отвѣта она не услышала оттого, что слышать его и не нужно было, а онъ былъ ясенъ безъ всякихъ словъ.

Въ этотъ вечеръ, какъ нарочно, Петръ Сергѣевичъ долго не приходилъ, такъ что три женщины, не имѣя отъ кого скрываться, были всецѣло предоставлены своимъ волненіямъ. Впрочемъ, Поликсену сестры отослали домой съ тѣмъ, чтобы тотчасъ, какъ только она узнаетъ отъ Федора о положеніи дѣлъ, она спѣшила къ нимъ скорой вѣстницей. Такъ какъ оба ихъ визита были безуспѣшны, имъ только и оставалось дѣлать, что ожидать и волноваться. Нечего было, конечно, и думать о снѣ. Имъ казалось, что тамъ гдѣ-то совершается трудная операція, или еще болѣе похоже было ихъ положеніе на ожиданіе молодого мужа, у котораго жена за три комнаты родить въ первый разъ. Онѣ знали, что настоящее время безпокоиться наступитъ потомъ и продлится какихъ-нибудь короткихъ двадцать минутъ, отъ половины четвертаго до безъ десяти четырехъ, но онѣ все время такъ себя чувствовали, будто сами каждую минуту стояли подъ дуломъ пистолета. Обѣдъ принесли и унесли почти нетронутымъ, а Петра Сергѣевича все не было; Поликсена была услана. Сашенька стояла у

окна, ничего не видя, а Зинаида металась по комнатѣ. Онѣ молчали, будто все было переговорено, хотя, въ сущности, онѣ ничего и не говорили. Вѣроятно, ни Толстой, спокойно спавшій у себя, ни г-нъ Нечаевъ, позволившій себѣ не совсѣмъ приличное, но довольно невинное выраженіе подъ пьяную руку, не думали, сколько волненій и беспокойствъ изъ-за нихъ происходитъ въ совершенно чужой для нихъ квартирѣ на Фурштатской.

— Какъ долго нѣтъ Петя!—сказала Сашенька отъ своего окна.

— Ты бы, Саша, поѣла. Вѣдь этимъ дѣлу не поможешь, что будешь голодать.

Александра Львовна ничего не отвѣтила, но черезъ долгое время сказала, будто совсѣмъ некстати:

— Я на тебя удивляюсь, Зина, почему ты его любишь. Я бы на твоемъ мѣстѣ скорѣе его ревновала къ Петѣ.

— Ты съ нимъ говорила?

— Нѣтъ. Ты же сама знаешь, что мы не знакомы.

— Тсперь не время лукавить, Саша: онъ самъ говорилъ Петру и показывалъ твое письмо.

— Я не буду отпираться: письмо я пи-

сала, но сама у него не была, а что онъ показывалъ мое письмо Петру Сергѣевичу, такъ это довольно странно.

— Ты не сердись и не беспокойся. Возможно, что тутъ недоразумѣніе, и я даже кое-что начинаю понимать. Но скажи мнѣ въ такомъ случаѣ, какъ это было въ первый разъ?

— Я не совсѣмъ хорошо понимаю, что ты хочешь знать?

— Ну, какъ ты его полюбила, почему ты ему писала?

Сашенька отвернулась отъ своего окна и произнесла опредѣленно:

— Я его совершенно не люблю и никакъ не могу считаться тебѣ соперницей, но г-нъ Толстой мнѣ мѣшаетъ. Я была бы рада всякому несчастію, которое съ нимъ можетъ случиться. Я оттого боюсь, чтобы онъ не былъ убитъ, чтобы имѣть возможность какъ можно дольше мѣшать и вредить ему, какъ онъ вредитъ мнѣ. Что касается письма, оно было совершенно пустое, и написала я его по собственной глупости и по Рудечкиному совѣту.

Зинаида Львовна опустилась на диванъ и, произнесла:—ты говоришь ужасныя вещи,

Саша, — прикрыла глаза узкою кистью тонкой руки.

Видя, что сестра не отвѣчаетъ на ея замѣчаніе, Зинаида Львовна снова произнесла:

— Это большой грѣхъ, Саша, такъ думать, такъ желать, какъ ты сказываешь.

Александра Львовна и на это промолчала.

Тогда Зинаида въ третій разъ сказала:

— Мнѣ кажется, Саша, ты сама не понимаешь, что ты говоришь. Неужели у тебя такая черная душа?

На этотъ разъ Александра Львовна отвѣтила, и достаточно неожиданно, потому что, подойдя близко къ сестрѣ, она сѣла рядомъ съ нею, обвила ея полный станъ рукою и спросила тихо:

— Расскажи мнѣ лучше ты, Зинокъ, какъ это было въ первый разъ?

Зинаида Львовна густо покраснѣла, но, не отнимая сестриной руки сказала, глядя въ сторону:

— Я не понимаю, о чемъ ты спрашиваешь, Саша? мнѣ рѣшительно не о чемъ рассказывать.

— Такъ же какъ и мнѣ? Зачѣмъ, Зина, лукавить? Расскажи мнѣ, какъ ты полюбила Толстого.

— Я его не полюбила нисколько, а вполне понятно, что его судьба меня интересуетъ.

— Ну, вотъ и расскажи мнѣ, какъ ты имъ заинтересовалась въ первый разъ. Вѣдь и мнѣ его судьба интересуетъ, и между тѣмъ, я его не люблю нисколько. Совсѣмъ какъ ты.

Сашенька улыбалась и все крѣпче обнимала сестру. Та, не отходя отъ своего румянца, начала въ нѣкоторомъ смущеніи:

— Какая ты странная, Саша. Это же такъ естественно. Ты знаешь какъ дружень былъ Петръ Сергѣевичъ съ Толстымъ. Еще до замужества я только и слышала отъ Петра и Вани, что о Толстомъ, да о Толстомъ. Когда любишь человѣка, всегда интересуешься его друзьями,—это въ порядкѣ вещей. — Я тебѣ признаюсь, что эта зима была не очень хорошая. Я не могу сказать, что я несчастлива съ Петей, но, понимаешь, нужно гораздо больше времени, чтобы узнать человѣка, привыкнуть къ нему и приноровиться, а это необходимо при совместной жизни. Любовь, конечно, сокращаетъ это время, но замѣнить вполне его не можетъ. Я думаю, ты сама это знаешь. Мы слишкомъ мало были знакомы и съ Петей

и съ Виталиемъ, когда выходили замужъ. Никто не будетъ сомнѣваться въ нашей любви, но когда первое головокруженіе, первый рай пройдетъ, то видишь ясно, что кро-мѣ любви нужно еще что-то, чтобы дружно, свѣтло и просто итти вмѣстѣ. Это не расчетливость, потому что все должно быть одушевлено любовью взаимной, но это какая-то мудрость, которая дается не сразу. Все было бы гораздо проще, конечно, если бы или мы, или наши мужья были значительно старше, а теперь что же? вѣдь всѣ четверо мы дѣти, только дѣти, и идемъ ощупью, наугадъ, и слишкомъ всѣ молоды, чтобы постараться понять другого и сдѣлать уступку, — мы слишкомъ понадѣялись на любовь.

— Зина, милая Зина, тебя ли я слышу? Я тебя считала такой сильной, умной и безповоротной, а между тѣмъ вотъ ты говоришь то, что я гнала изъ своей головы, когда это мнѣ приходило въ минуты слабости. Отчего мы не говорили съ тобой раньше такъ?

— Я не думаю, чтобы изъ нашихъ разговоровъ что-нибудь вышло, если бы мы и говорили съ тобой раньше, потому что никогда, никогда третій человѣкъ, будь онъ

самый близкій, не можетъ ничего посовѣтовать въ такихъ дѣлахъ. Я вотъ говорила съ Мартой Николаевной, и что же?—ничего рѣшительно не вышло.

Сашенька нахмурилась и живо спросила:

— Ты говорила съ тетей Мартой? — Но вѣдь она, по-моему, влюблена въ твоего мужа.

— Я думаю, это вздоръ. Но если бы она и была влюблена въ Петю, то тѣмъ лучшій совѣтъ она могла бы дать.

— Оттого ты и обратилась къ Толстому?—спросила Сашенька загадочнымъ, слишкомъ спокойнымъ и какимъ-то не своимъ голосомъ.

Зинаида Львовна не сообразила, что ея сестра никакъ не могла знать о ея, Зинаиды визитѣ къ подпоручику, о предметѣ ихъ разговора, о ея бесѣдахъ съ Петромъ Сергѣевичемъ, ея сомнѣніяхъ и мученіяхъ, и что этотъ вопросъ, такъ прямо поставленный и попавшій въ точку, былъ не болѣе, какъ вдохновенная уловка. Ничего этого не сообразила Зинаида Львовна, а слѣдя за ходомъ своихъ мыслей, спокойно и просто продолжала:

— Оттого я обратилась и къ Толстому.

Если бы Зинаида Львовна не была такъ

всецѣло поглощена своею собственною повѣстью, она бы замѣтила, какъ руки Сашеньки отпустили ея станъ, и даже корпусомъ сестра слегка отклонилась отъ нея и продолжала слушать съ такимъ же сильнымъ, но какъ-то иначе направленнымъ вниманіемъ.

— Ты была у него?—спросила Сашенька еле слышно.

— Да, я была у него.

— Ты его застала, видѣла? Чтò же онъ тебѣ сказалъ?

— Чтò же онъ могъ мнѣ сказать? Сказалъ мнѣ то, чтò я и безъ него отлично и горько знала, и зачѣмъ, въ сущности, къ нему и пришла. Онъ мнѣ показался совсѣмъ обыкновеннымъ гвардейскимъ мальчикомъ, очень воспитаннымъ, сухимъ и слегка фатомъ. Я была разочарована и ожидала совсѣмъ другого, судя по рассказамъ. Онъ мнѣ даже не показался настолько красивымъ. Но, понимаешь, все это мнѣ казалось, покуда я была съ нимъ, покуда я говорила что-то несвязное и, вѣроятно, очель не умное. Это всегда смѣшно, когда чужая жена приходитъ къ постороннему человѣку совѣтоваться, какъ ей жить съ мужемъ. Но лишь только я вышла за дверь, я поняла,

что отъ Толстого оторваться нельзя, что въ немъ есть таинственная сила молодости и красоты, какой-то дѣвственности и, я бы сказала, мудрости. Все, все: и его сухость, и его вліяніе на Петра, и его обращеніе со мною, и даже то нехорошее, что про него говорятъ (ты навѣрно знаешь, про что я говорю, будучи дружна съ Рудечкой), его святошество, — все мнѣ показалось совершенно другимъ: такимъ цѣльнымъ, своимъ, единственнымъ и неискоренимо-плѣнительнымъ.

— Ты его любишь, Зина? — спросила Сашенька еле слышно и не придвигаясь къ сестрѣ.

— Нѣтъ, слава Богу, я его не люблю, то-есть я не влюблена въ него. Подумай, какое бы это было несчастіе для меня, для Пети, для нашего будущаго ребенка и даже для самаго Толстого, если онъ совѣстливый человѣкъ.

Совершенно неожиданно Сашенька быстро сползла къ ногамъ сестры и, схвативъ ее руки, стала осыпать ихъ поцѣлуями. Зинаида Львовна удивленно и взволнованно повторяла: — Саша, Саша, что съ тобой, не надо! — и цѣловала сестру въ прямой подборъ. Но та, не отрываясь отъ рукъ, только глухо вскрикивала:

— Говори, Зина, говори! Я хочу слышать тотъ голосъ, который онъ слышалъ. Я хочу цѣловать тѣ руки, которыя онъ, можетъ-быть цѣловалъ, хочу смотрѣть въ тѣ глаза, въ которые онъ равнодушно смотрѣлъ. Отчего, ты думаешь, я отдалась Мейеру? Все оттого же, оттого же, оттого же!

Зинаида Львовна наклонилась къ ней и тихо сказала:

— Побойся Бога, Саша? Что ты говоришь?

— Я говорю правду.

— Ты любовница Мейера, и ты любишь другого?

Сашенька вскочила и громко вскричала:

— Толстого я ненавижу. Господи! дай, чтобы этотъ дуракъ Нечаевъ уложилъ его на мѣстѣ!

Х.

Нѣкоторая отчужденность Петра Сергѣевича отъ своей жены за послѣднее время имѣла слѣдствіемъ то, что Зинаидѣ Львовнѣ было неизвѣстно, что ея мужъ не только отлично знаетъ о дуэли Толстого, а даже принимаетъ въ ней близкое участіе. Онъ не былъ однимъ изъ секундантовъ, кото-

рыхъ Толстой выбралъ изъ своихъ полковыхъ товарищей, но онъ почти всѣ послѣдніе дни проводилъ на квартирѣ Толстого, узнавъ о предстоящемъ поединкѣ въ тотъ же вечеръ. И только вслѣдствіе ли приказа, даннаго Федору, отъ безтолковости ли Поликсены г-жа Мельникова не знала, насколько близокъ и доступенъ былъ источникъ самыхъ точныхъ свѣдѣній по интересующему ее вопросу. Можетъ-быть, она постѣснялась бы спрашивать своего мужа, но во всякомъ случаѣ ея удивленію не было бы конца, если бы сѣ открылось, что въ то время, когда она съ Сашенькой изнывали отъ неизвѣстности на Фурштадтской, Петръ Сергѣевичъ въ меньшей неизвѣстности ожидалъ возвращенія Толстого на его квартиру. Было уже совсѣмъ свѣтло, что, впрочемъ, и неудивительно, если принять во вниманіе, что было начало мая, когда одна и та же заря, уведя одною розовою рукою безсонное солнце, другою снова его будить отъ чуткаго сна. Петръ Сергѣевичъ зналъ, что дуэль эта не вполне серьезна, почти офиціальна, что оскорбительнаго въ словахъ Печаева ничего не было, а если и было, то самъ оскорбитель былъ настолько мало извѣстенъ, что его мнѣніе не имѣло

никакой цѣны, какъ мнѣніе перваго встрѣчнаго. Стоя у окна, Мельниковъ тихо переговаривался съ Ѳедоромъ, стоявшимъ у приотолки. Ему было извѣстно о визитѣ той дамы, которая была уже одинъ разъ у Андрея Ивановича, но онъ думалъ, что это была Сашенька; когда же пришла вторая дама, которая и была Александра Львовна, онъ не зналъ, что подумать, а потому ничего и не думалъ, не строя пустыхъ предположеній. Онъ былъ почти увѣренъ, что дуэль окончится благополучно, и только боялся, какъ бы Толстой не то что не ранилъ (ранить нужно было бы, чтобы проучить наглецовъ, невоздержанныхъ на языкъ и сующихъ свой носъ, куда ихъ не спрашиваютъ), а не убилъ своего противника. И боялся онъ этого не для Нечаева, котораго онъ не зналъ и жалѣть котораго не имѣлъ никакихъ основаній, а для самого Толстого, потому что лишить жизни человѣка, какъ бы онъ самъ на это ни шелъ, не шутка.

Такъ думая, онъ слушалъ краемъ уха, что ему говорилъ полусонный Ѳедоръ, и наконецъ сказалъ:

— Вы, Ѳедоръ напрасно не ложитесь спать: я все равно не засну, а Андрей Ивановичъ, вѣроятно, скоро будетъ назадъ,

захочетъ закусить и выпить, вамъ опять придется хлопотать, а вы будете двигаться, какъ сонная муха.

Такъ какъ Федоръ отказался отъ предложенія, то Петръ Сергѣевичъ спросилъ его какъ бы мимоходомъ:

— А чтò дѣлаетъ подпоручикъ Мейеръ? Почему его не видно у васъ, и почему не его выбралъ Андрей Ивановичъ въ секунданты?

— Ахъ, ужъ и не говорите. Если бы не ихъ высокоблагородіе, никогда бы не вышло такого грѣха.

— При чемъ же тутъ Мейеръ, я не понимаю.

— А какъ Владиміръ Сергѣевичъ прежде у насъ дневали и ночевали, и Андрей Ивановичъ въ нихъ души не чаяли, и потѣхъ съ этой барыней связались и въ родѣ какъ поссорившись стали, то нашему высокоблагородію показалось это обидно. Да вѣдь до кого ни доведись, обида возьметъ, ежели первый пріятель въ родѣ неблагодарной свиньи оказывается. А ужъ когда человѣкъ въ разстройствѣ, то все его разстраиваетъ, чтò иногда самое нестоящее. Тутъ и плюнуть-то жалко, а у человѣка, который разстроившись, на все сердце кипить.

— Отчего же Андрея Ивановича такъ огорчила любовь Мейера къ какой-то дамѣ? Или самъ Толстой былъ влюбленъ въ эту женщину?

— Не могу знать. Не похоже на то, а полагаю я, что изъ-за того они огорчились, зачѣмъ Владиміръ Сергѣевичъ все отъ нихъ скрылъ.

— Я думаю, тутъ что-нибудь другое. Миѣ бы нужно поговорить съ этимъ Мейеромъ.

— Ахъ, ужъ Андрей Ивановичъ говорили, да ужъ извѣстное дѣло, когда баба чело-вѣка оплететь, такъ, будь онъ хоть генералъ, хуже нашего брата мужика непонятли-вымъ становится.

— А вы не знаете, кого любитъ Владиміръ Сергѣевичъ?

— Никакъ нѣтъ, только-что много о ней тутъ разговаривали, иной разъ оба высоко-благородія до слезъ дойдутъ.

„Нужно обязательно поговорить объ этомъ съ Андрюшей, потому что на что же это похоже: плачетъ, ссорится съ друзьями, вызываетъ на дуэль какихъ-то незнакомыхъ господъ,—совсѣмъ не въ его стилѣ,—такъ думалъ Петръ Сергѣевичъ и хотѣлъ-было задать еще какой-то вопросъ Федору, но

въ эту минуту раздался сильный звонокъ, и обѣ собаки съ лаемъ бросились къ двери. Еще съ лѣстницы были слышны громкіе голоса Толстовскихъ пріятелей, которые говорили: „въ совершенной сохранности, въ полной сохранности“.—А Нечаяевъ?—спросилъ Петръ Сергѣевичъ, цѣлуясь съ Толстымъ.

— Еще бы ему быть раненымъ, когда Андрей имѣлъ глупость стрѣлять въ воздухъ. Такихъ нахаловъ слѣдуетъ учить.

— Онъ и такъ достаточно проученъ,— отвѣтилъ Толстой, улыбаясь.

— Я очень радъ за тебя, Андрюша, что все такъ вышло, что ты его не ранилъ, понимаешь,—сказалъ тихо Мельниковъ, пожимая руку хозяину.

— Еще бы, — отвѣтилъ тотъ и добавилъ:—а теперь, знаешь, поѣзжай домой,— я увѣренъ, что Зинаида Львовна безпокоится твоимъ отсутствіемъ, а я все равно сейчасъ лягу спать.

— Я такъ и сдѣлаю. Да, кстати, меня просили узнать адресъ Мейера. Ты, можетъ-быть, можешь мнѣ его сказать?

— Охотно. Я только не знаю, не уѣхалъ ли онъ. Я съ нимъ теперь рѣдко вижусь, а сказывали, будто онъ хочетъ ѣхать за границу.

— Ты съ нимъ поспорилъ?

— Нисколько. Я люблю его попрежнему.

Андрей Ивановичъ говорилъ спокойно, но въ голосѣ его была однотонная металлическая личность, которая бывала всегда, когда онъ говорилъ о чемъ-нибудь для него важномъ и волнующемъ.

Было уже совершенно свѣтло и солнечно, и только пустынность улицъ указывала на ранній часъ, когда Петръ Сергѣевичъ пѣшкомъ совершалъ дальнйй переходъ отъ квартиры Толстого къ себѣ домой. Онъ не чувствовалъ усталости, и ему казалось, будто въ дѣтствѣ онъ идетъ рано утромъ купаться, а въ домѣ еще всѣ спятъ. Онъ не думалъ специально ни о Толстомъ, ни о Мартѣ Фуксѣ, ни о чемъ, но безсознательно послѣдняя была какъ-то дальше всего отъ него. Ему даже представлялось страннымъ, что дома не ждетъ его утреннйй чай съ молокомъ, приготовленный старой нянькой, а придется будить вертлявую камеристку, которая откроетъ ему растрепанной и непричесанной, совсѣмъ не похожей на „горничную изъ хорошихъ домовъ“, въ которую она преобразится къ одиннадцати часамъ; потомъ ему придется на цыпочкахъ

пробраться въ спальню съ занавѣшанными окнами, гдѣ спитъ Зинаида Львовна, и, осторожно раздѣвшись въ наспанной комнатѣ, лечь на открытую постель, которая теперь при солнечномъ свѣтѣ казалась неприятной и неприличной.

Но вышло все совсѣмъ не такъ, какъ ждалъ Мельниковъ: открыла ему не камеристка, а сама Зинаида Львовна, вполнѣ одѣтая и причесанная.

— Ахъ, это ты, Петръ?—спросила она, очевидно, ожидая встрѣтить кого-то другого.

— Отчего ты такъ рано встала? Конечно, это я, ты же сама видишь. Чтѣнибудь случилось? Тебѣ нездоровится?

— У насъ Саша.

— Да? Куда же ты ее положила?

— Она тоже не спитъ.

— Чтѣ за фантазія? Вы, пожалуй, совсѣмъ не ложились? Александра Львовна извѣстная сумасбродка, а въ твоемъ положеніи это очень вредно.

Немного помолчавъ, Зинаида Львовна сказала.

— Давай пить чай. Ты вѣдь, вѣроятно, тоже не ложишься?

— Надѣюсь, что вы не меня ждали. Я,

кажется, не подавалъ никакого повода обо мнѣ беспокоиться.

— Конечно, мы не тебя ждали. Мнѣ и въ голову не приходило спрашивать у тебя отчета, гдѣ ты проводишь ночь.

— Я легко это могу тебѣ сказать. У Андрея Толстого была сегодня дуэль, и я ждалъ у него на квартирѣ его возвращенія. Мнѣ какъ-то не пришлось говорить тебѣ объ этомъ раньше. Я не думалъ, что-бы тебя это слишкомъ интересовало.

Зинаида Львовна уронила чайную ложечку и, наклонившись близко къ мужу, спросила зачѣмъ-то шопотомъ:

— Ну, что же Толстой?

— Все окончилось совершенно благополучно. Оба противника даже не ранены. Положимъ, Андрей стрѣлялъ въ воздухъ. Но меня беспокоитъ совсѣмъ не то.

Но Зинаида Львовна уже не слушала его, а, подойдя къ портьерѣ, позвала громкимъ шопотомъ:

— Саша, Саша! Андрей Ивановичъ живъ и не раненъ!

Александра Львовна покраснѣла, нахмурилась и сказала твердо:

— Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать. Такъ, видно, велитъ судьба.

Потомъ быстро ушла, почти не прощаясь съ хозяевами.

— Объясни мнѣ, Зина, что значать всѣ эти сцены? Развѣ вы знали о поединкѣ Толстого, и отчего у Сашеньки такой трагическій тонъ? Я знаю, что она была у Андрея, писала ему и сегодня еще приходила. Но вѣдь это же совершенно не серьезно, было бы совсѣмъ безразсудно даже для Александры Львовны затѣять какой-то флиртъ съ Толстымъ. Ты что-нибудь знаешь обо всемъ этомъ?

— Я знаю, Петръ. Я тебѣ все скажу. Тебѣ многое покажется страннымъ. Постарайся все понять не пошло, не обыкновенно, а такъ, какъ это есть на самомъ дѣлѣ. Вѣдь Саша дѣйствительно безумна. Мы ее давно не видали. Она до неузнаваемости измѣнилась за эту зиму. Всѣ жалуютъ Виталія. Его, конечно, жалко! Но посмотри, на что стала похожа сама Саша! Мы всѣ такъ измучились и неизвѣстно, почему. И мы всѣ совсѣмъ не живемъ. Мы только мечтаемъ, мечтаемъ и мечтаемъ. Это ужасно и никакъ не можетъ пройти безнаказаннымъ. Мы мучимся и мучимъ другихъ. Развѣ я тебя не мучу, ты меня, Саша—Виталія, онъ—ее? И тетя Марта, и

Клавдія Павловна, и этотъ несчастный мальчикъ Мейеръ, всѣ, къ кому только мы ни полойдемъ, начинаютъ мечтать и мучиться. Возьми хотя бы Поликсену. И теперь все соединилось какъ-то для насъ, для нашего корабля, для нашей шлюпки—въ Толстомъ. Я не знаю, почему, я совершенно не знаю, почему. Но развѣ самъ Андрей не главный мечтатель, мучитель и мученикъ? Это не „большія слова“. Пускай мы—люди незначительные, ничѣмъ не выдающіеся, если хочешь, больные,—но вѣдь это же не мѣшаетъ намъ чувствовать и страдать такъ же, какъ и любые герои! И я совсѣмъ не знаю, какъ и куда уйти намъ отъ нашей плачевной, нелѣпой и, можетъ-быть, смѣшной судьбы. Можетъ-быть, если бы мы по-настоящему и, не мечтая, полюбили, это бы насъ спасло. Но, къ сожалѣнію, это не дѣлается по заказу.

Когда она кончила, наступило продолжительное молчаніе, потому что Петръ Сергѣевичъ, казалось, совсѣмъ предался собственнымъ думамъ, забывъ о присутствіи жены. И отвѣчалъ онъ, какъ будто не на ея слова, а на свое размышленіе:

— Да, нельзя по заказу любить, и еще невозможно заставить себя любить по заказу.

Вѣроятно, въ этихъ словахъ мужа Зинаида Львовна усмотрѣла нѣкій упрекъ, потому что, вставъ и подойдя къ мужу близко, она ласково сказала:

— Ты не думай, Петя, что я что-нибудь говорю о томъ, что ты меня или я тебя недостаточно любимъ, но ты понимаешь, что это не сильная страсть, не роковая любовь, которая находитъ на человѣка, какъ молнія, испепеляя всѣ разсужденія и сомнѣнія и сглаживая всѣ разности и противорѣчія. Я тебя очень люблю, но люблю, къ сожалѣнью, обычно, какъ многія, какъ всѣ любятъ, а при такой любви нужно много уступокъ, пониманія и снисхожденія другъ къ другу, а мы,—мы слишкомъ молоды оба для этого. Ты вѣдь не сердишься, что я такъ говорю? Мнѣ самой тяжело, но это такъ. Я лучше тебя не нахожу человѣка и буду тебѣ вѣрна, пока не придетъ роковая страсть.

— А когда придетъ роковая страсть, что ты будешь дѣлать?

— Я не знаю. Тогда она будетъ мнѣ диктовать мои поступки.

Петръ Сергѣевичъ, не выказывая волненія, какъ-то слишкомъ горячо и значительно, будто дѣло шло объ очень важномъ и для него рѣшеніи, спросилъ:

— И не правда ли, когда эта роковая страсть диктуетъ поступки людей, тогда никто не въ правѣ ихъ обвинять, чтѣ бы они ни дѣлали?

Зинаида Львовна испуганно и быстро взглянула на мужа и сказала:

— Конечно, Петръ, я такъ думаю, но легко ошибиться и простую влюбленность, простое волненіе крови принять за роковую любовь, потому что и волненіе ослѣпляетъ человѣка.

— Нѣтъ, роковую страсть узнаешь, какъ Божій перстъ.

Зинаида Львовна подошла къ мужу и, съ нѣкоторымъ трудомъ опустившись на колѣни, сказала, глядя ему въ глаза:

— Я тебѣ клянусь, Петръ, что я нисколько не люблю Толстого, то-есть не люблю такъ, какъ ты могъ бы подумать. Ты отлично знаешь его для того, чтобы предположить что-нибудь предосудительное, но на меня никакой молніи не находило. Одно могу сказать, что лучше, чище и святѣе человѣка я не встрѣчала, я была бы счастлива быть его другомъ, — чтѣ же больше? Больше ничего.

Петру Сергѣевичу казалось, что онъ во снѣ, и ему нужно было бы стоять на ко-

лѣняхъ и каяться въ чемъ-то и просить прощенія, а не Зинѣ. Онъ поднялъ ее, обнимая и говоря:

— Мы оба стали старше, Зина, за этотъ годъ. Мы состарились больше, чѣмъ на годъ, за этотъ годъ и какъ-нибудь сумѣемъ дѣлать уступки, о которыхъ ты говорила.

— Да, но мы состарились оба, вотъ въ чемъ бѣда, оба одинаково, а отношеніе въ лѣтахъ не измѣнилось.

Петръ Сергѣевичъ едва ли сознавалъ, что онъ дѣлалъ. Его мысли какъ-то странно отсутствовали, и мысли, и чувства, и, если хотите, сердце, и былъ онъ одновременно совершенно въ разныхъ мѣстахъ: и въ только-что покинутой квартирѣ Толстого, и въ домѣ Фуксовъ на Васильевскомъ Островѣ, и въ родительской дачѣ, куда онъ нѣкогда утромъ возвращался съ купанья. Онъ чувствовалъ беспокойство, жалость къ Зинаидѣ Львовнѣ и нѣкоторую скуку, зачѣмъ она такъ вяло и равнодушно говоритъ ему о роковой любви, будто на что-то его подталкивая и вмѣстѣ съ тѣмъ обвиняя. Ему было скучно: и зачѣмъ она беременна, и зачѣмъ наступаетъ лѣто, и зачѣмъ жизнь будетъ продолжаться изъ года въ годъ все такая же, все такая же.

Онъ не подумалъ, что, можетъ быть, эта же скука томить и его жену, которая давно ли была вся пламя, вся порывъ, вся вѣтеръ. Онъ обнялъ ее или, вѣрнѣе, далъ ей къ себѣ прижаться, и такъ они сидѣли долго, будто помирившись послѣ ссоры, покуда не вышла уже прифранченная камеристка и не подала Петру Сергѣевичу небольшой записки. Отойдя къ столу и разорвавъ конвертъ, онъ прочиталъ крупный почеркъ:

„Такъ, видно, угодно судьбѣ. Мужъ мой умеръ. Я не хочу, покуда не сдѣлалась старухой, отказываться отъ той любви, которая роковымъ образомъ намъ съ вами предназначена. Я отказываюсь отъ всякихъ загородокъ. Конечно, жалко Зины, но когда находить такая любовь, никто не можетъ спрашивать отчета. Пріѣзжайте въ Царское въ два часа. Я слишкомъ долго ждала счастья. *Ваша Марта*“.

Петръ Сергѣевичъ прочиталъ письмо нѣсколько разъ, потому что крупныя буквы прыгали, будто имъ передавалось волненіе читающаго.

Зинаида Львовна спросила:

— Какое-нибудь дѣловое письмо? Мнѣ почеркъ показался похожимъ на почеркъ тети Марты.

— Это письмо отъ нея.

— Что же она пишетъ? Скоро они ѣдутъ?

— Мужъ ея умеръ.

Зинаида Львовна перекрестилась и сказала:

— Царство ему небесное! Все-таки тетѣ было съ нимъ не легко.

Она не спросила, почему извѣстіе о смерти Фукса такъ странно взволновало Петра Сергѣевича. Она не поспѣла этого сдѣлать, потому что почти одновременно съ ея словами въ комнату вошелъ Виталій Павловичъ и объявилъ, опустившись въ кресло:

— Вы можете представить, что случилось? Сегодня утромъ, сейчасъ, Александра Львовна меня бросила. Приѣхала домой на полчаса, собрала свои вещи, говоря, что ѣдетъ въ Финляндію, уѣхала, и черезъ полчаса я получаю отъ нея записку, гдѣ она сообщаетъ, что со мной разстается и уѣзжаетъ съ г. Мейеромъ. Какъ вамъ это покажется?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

У Александры Львовны Меркурьевой уже недѣли двѣ все было готово къ отъѣзду, хотя она твердо не знала, рѣшиться ли на этотъ шагъ. Она сказала Мейсеру:

— Возьмите отпускъ и достаньте себѣ и мнѣ заграничные паспорта. Это не бѣда, если они не пригодятся, но они могутъ быть нужны каждую минуту. И вы сами будьте готовы.

Ничто въ предыдущемъ разговорѣ не указывало на такое рѣшеніе, и въ слѣдующихъ объясненіяхъ его не касались, — тѣмъ дѣйствительнѣе и важнѣе казалось Сашенькино приказаніе, будто выписка изъ посто-ронней книги, не имѣющая никакой связи съ окружающими ее фразами, которая тѣмъ легче запоминается. Мейсеру не нужно было повторять два раза: онъ поднялъ глаза, отвѣтивъ „хорошо“, и продолжалъ разговоръ, обычный для ихъ свиданій. Ему до сихъ поръ было совершенно неизвѣстно, какъ относится къ нему Меркурьева, любитъ ли она его дѣйствительно, играетъ ли съ нимъ, какъ кошка съ мышью, или онъ просто ей для чего-то нуженъ, и она го-

товить его не то на подвигъ, не то на преступленіе. Одно онъ зналъ вѣрно, что въ этомъ туманномъ плаваніи не онъ, Владиміръ Сергѣевичъ, былъ кормчимъ и управлялъ чувствами, плапами и событіями, а чья-то чужая рука вела и его, и Александру Львовну, и ихъ перовную любовь. Можетъ-быть, это была рука Сашеньки, но ему этого не приходило въ голову. Онъ исполнилъ ея просьбу, разошелся съ Толстымъ и если не отдалился отъ прочихъ товарищей, то относился къ нимъ съ тѣмъ равнодушіемъ, которое вполнѣ естественно, когда мысли заняты совсѣмъ другимъ и душа отсутствуетъ. Мысленно онъ всегда находился въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ Саша, ходя взадъ и впередъ или стоя у окна, говорила съ нимъ сухо, почти сердито, или же вдругъ сламывалась въ какой-то неохотной пѣжности. Къ отъѣзду онъ приготовлялся почти безсознательно, весьма неопредѣленно зная, чтò изъ этого выйдетъ, и будучи увѣренъ только въ томъ, что нужно быть каждую минуту готовымъ и имѣть достаточно денегъ. Взявъ свои экономіи и сдѣлавъ нѣкоторые долги, онъ сталъ даже скупъ, ожидая условнаго знака. Впрочемъ, и все время своей исторіи съ Сашенькой онъ не былъ

расточителенъ, потому что эта исторія была довольно печальная и очень экономическая. Александра Львовна все время была обуреваема мыслями, не имѣвшими, казалось бы, никакого отношенія къ Владимиру Сергѣевичу, а онъ тоже мучился и молчалъ, томимый своими мыслями. Будто ихъ связывала не любовь, а нѣкая тайна, въ которой они не только не сознаются, а едва ли даютъ отчетъ самимъ себѣ. О дуэли Толстого Мейеръ, конечно, зналъ, но, видимо, волновался этимъ гораздо меньше, нежели обитатели квартиры Мельниковыхъ.

Въ это утро, когда Андрей Ивановичъ долженъ былъ или во всякомъ случаѣ могъ быть застрѣленнымъ, или убить человѣка, Мейеръ спалъ или, вѣрнѣе, лежалъ съ закрытыми глазами. Разбуженный стукомъ въ дверь, онъ спросилъ, не открывая глазъ:

— Онъ живъ?

Голосъ изъ-за двери отвѣтилъ:

— „Это я. Они оба живы. Мы сегодня должны ѣхать. Вставайте скорѣе; какъ вы можете спать?“

— Я и не думалъ, что это вы, Александра Львовна. Простите.

— Скажите вашему денщику, чтобы онъ никого не принималъ, и не говорилъ, что

я здѣсь, хотя я не думаю, чтобы Виталій меня отыскивалъ.

Хлопоча и какъ бы стыдясь своего холостого хозяйства, Владиміръ Сергѣевичъ приготовилъ чай, не подымая глазъ на гостью. Онъ боялся встрѣтить не то лицо, которое ожидаешь, когда женщина отъ мужа прѣзжаетъ съ вещами для того, чтобы отправиться въ далекій путь. Когда онъ взглянулъ на нее, онъ увидѣлъ ее сидящей въ шляпѣ и даже не снявшей легкаго дорожнаго пальто; ея вещи были аккуратно сложены въ углу. Она говорила спокойно, и лицо ея было спокойно, почти окаменѣло, но за этимъ холодомъ чувствовался непрерывный трепетъ, который скорѣе пугалъ, чѣмъ наполнялъ свѣжею радостью Владимира Сергѣевича. Отчего она не обниметъ его, не поцѣлуетъ, не скажетъ:—Вотъ я пришла, бери меня, теперь твоя?

Онъ чувствовалъ себя связаннымъ еще больше, чѣмъ въ первый день знакомства. Неловко опустившись на колѣни, онъ сказалъ смущенно:

— Какъ странно, Саша (онъ запнулся на этомъ словѣ и покраснѣлъ, впервые назвавъ ее безъ отчества):— какъ странно, Саша. Никто не скажетъ, что мы любов-

ники, а будто воры, за которыми по пятамъ бѣжитъ полиція, или будто изгнанники.

Сашенька задумчиво погладила его по головѣ и повторила:

— Изгнанники, изгнанники. Мы не изгнанники, а бѣглецы, и сжигаемъ самыя дорогіе корабли. А между тѣмъ спросите, что я сжигаю?—лишь то, что могло бы быть, а не было, и, можетъ быть, это горше всего.

Помолчавъ, она продолжала:

— За этотъ годъ я прожила будто двадцать лѣтъ, а между тѣмъ ничего не случилось. Отъ меня бѣгалъ мужъ, я уѣзжаю съ вами,—и все-таки, все-таки ничего не случилось. И я не знаю, что должно было бы случиться, чтобы не быть намъ изгнанниками. Изгнанниками изъ жизни. Можетъ быть, мы не умѣемъ ни жить, ни любить. У насъ маленькое сердце и смутныя, но настойчивыя мечтанія. И мучимся мы сильно, но этого никому не нужно. Мы съ вами, кажется, однихъ лѣтъ, но вы моложе меня и вы были близки къ тому, къ Толстому. Можетъ быть, вы знаете что-нибудь?

Владиміръ Сергѣевичъ, не поднимаясь съ колѣнъ, поцѣловалъ руку Сашеньки и сказалъ:

— Я знаю только то, что вы знаете и безъ меня: я васъ люблю безъ мѣры. Если у меня были какой-нибудь умъ, мечты, планы, взглядъ на вещи, то теперь у меня ничего не осталось. Я хочу думать, чувствовать, поступать, какъ вы. Если вы ничего не знаете, то и я ничего знать не могу, не долженъ, не хочу. Объ одномъ я могу только просить, чтобы не было такъ печально и страшно. Но если это такъ нужно—пусть такъ и будетъ.

Александра Львовна, наклонившись, поцѣловала Мейера и сказала:

— Чтò теперь дѣлаетъ Толстой? Онъ всегда знаетъ, что нужно дѣлать. Онъ всегда въ мирѣ съ собою. У меня есть тетя Марта Николаевна; она тоже всегда знаетъ, чтò нужно дѣлать, но это совсѣмъ другое, чѣмъ Толстой: она себя ограничиваетъ, подстригаетъ, и миръ ея похожъ на обывательское спокойствіе, но и ся жизнь устроена и, если хотите, прекрасна. Толстой же духа не угащаетъ, потому онъ свѣтель, ласковъ и радостенъ ко всему.

Сашенька помолчала, а Владиміръ Сергѣевичъ тихо молвилъ:

— Вы любите Андрея, Александра Львовна?

Та, не нахмурившись, не измѣняя мечтательно-жалобныхъ интонацій, отвѣтила:

— Если бы я имѣла власть, я бы велѣла четвертовать Толстого, сжечь его тѣло и бросить на четыре вѣтра.

Потомъ она встала, просталась и сказала дѣловито:

— Поѣзжайте и купите себѣ штатское платье. Мы сначала поѣдемъ въ Берлинъ, а тамъ видно будетъ.

II.

И Распустившаяся зелень дерзьевъ, и блѣдно-бѣлыя облака, не мчавшіеся въ буйномъ всеннемъ порывѣ, а какъ-то по-лѣтнему медленно таявшія въ блѣдной лазури, и веселая опредѣленность всѣхъ предметовъ, и малиновыя рубашки встрѣчныхъ стрѣлковъ, и рыжая собака, бѣгавшая по улицѣ мягкими лапами, опустивъ къ землѣ большую голову, — ничто не говорило Петру Сергѣевичу о томъ, что въ домѣ, куда онъ идетъ, стоитъ еще открытый гробъ, слышится печальное пѣніе, и въ открытыя окна выплываетъ синій дымъ, о томъ, что Толстой только что могъ быть убитъ, о томъ, что у себя дома онъ оставилъ Зинаиду

Львовну смутной и печальной послѣ странныхъ и неопредѣленныхъ объясненій, о томъ, что несчастный Виталій, можетъ-быть, готовъ испытать настоящее несчастіе, о томъ, что, онъ, Петръ Сергѣевичъ, уже не тотъ, не тотъ, не тотъ, — а наоборотъ, въ мысляхъ у него было весенне-радостно и безумно, и представлялся все образъ Марты Фуксъ, которая сама написала ему то, о чемъ онъ не смѣлъ и думать; ся высокая, нѣсколько полная фигура, розовыя руки и крѣпкій ротъ; ся широкіе, сѣрыя глаза и почему-то розовое, несмотря на очевидный трауръ, платье. Конечно, Марта Николаевна была не въ розовомъ платьѣ, а въ глубокомъ траурѣ, стоя впереди всѣхъ у самаго гроба со свѣчкой въ рукахъ. Вѣтеръ слегка колыхалъ опущенныя шторы на открытыхъ окнахъ, и смягченный солнечный свѣтъ освѣщалъ незнакому Мельникову публику, состоявшую изъ сослуживцевъ Фукса, его подчиненныхъ и откуда-то взявшихся родственниковъ. Кажется, посѣтители были мало извѣстны и хозяйкѣ дома, потому-что, выйдя въ сосѣдную комнату, загроможденную вынесенною изъ залы чужою мебелью, она никого не удерживала, а, поблагодаривъ офиціально съ печальной любезностью, по-

дошла къ Петру Сергѣвичу и сказала, пожимая ему руку:

— Мы ничего не можемъ противъ судьбы.

Тотъ не отнесъ этихъ словъ къ смерти Фукса и, серьезно поцѣловавъ руку вдовы сказалъ:

— Мы и не должны противиться судьбѣ, особенно, если она заставляетъ насъ поступать сообразно тѣмъ желаніямъ, въ которыхъ, можетъ быть, мы сами себѣ не сознаемся.

Марта Пиколаевна, улыбнувшись, замѣтила:

— Ахъ, Петръ Сергѣвичъ, и вы и я отлично признались не только сами себѣ, но и другъ другу.

— Я не знаю, какъ васъ благодарить

— Тогда, пожалуй, можно благодарить и за то, что у меня свѣтлые волосы. Не отъ меня зависѣло, что я васъ полюбила, не отъ меня же зависѣло и то, что я вамъ созналась въ этомъ—просто пришло такое время, и благодарить меня, право, не за что.

— Тогда я благодарю судьбу.

Марта Николаевна молча вскинула на него глазами и черезъ нѣкоторое время произнесла:

— Хорошо, что Зина не пріѣхала съ вами.

Никто ее не обезсудить, потому что известно, что она больна, а вы понимаете, насколько мнѣ важно видѣть теперь, именно теперь, васъ одного. Мы поступаемъ, можетъ-быть, безразсудно и совѣмъ не въ моемъ духѣ: вы знаете, какая я „отгороженна“, — но къ несчастью или къ счастью это мое качество не покидастъ меня и теперь. Я всегда слишкомъ ясно вижу и знаю, на что иду. Можетъ быть, это очень плохо, но, разъ что-то во мнѣ рѣшило, что такъ надо, я не буду измѣнять этого рѣшенія, хотя бы отлично предвидѣла всѣ послѣдствія, и потомъ я слишкомъ долго ждала. Если я останусь благоразумной, то неблагоразуміе придетъ тогда, когда будетъ поздно, и оно окажется тѣмъ губительнѣе и смѣшнѣе для меня и для васъ. Разъ я не могу остаться благоразумной, а я не могу этого сдѣлать, то благоразуміе совѣтуетъ мнѣ теперь, сейчасъ не быть благоразумной.

Если бы Петръ Сергѣевичъ не смотрѣлъ на лицо своей собесѣдницы, не слушалъ звуковъ ея голоса, не думалъ о своемъ, ему, можетъ быть, показалось бы скучнымъ и не совѣмъ умѣстнымъ это разсужденіе о благоразумномъ неблагоразуміи, ему показалось

бы страннымъ, отчего женщина, которой онъ признался въ любви, и которая, согласившись на эту любовь, сама его вызвала, вмѣсто того, чтобы броситься ему на шею, пойти гулять въ паркъ, обѣдать вдвоемъ, любовно переговариваясь, или что-нибудь въ такомъ родѣ, что предписываютъ правила любовниковъ, — вмѣсто всего этого сидитъ въ проходной комнатѣ, заставленной почти до потолка мебелью, рядомъ съ гробомъ покойнаго мужа и разводитъ какія-то благоразумныя ращи. Но ему не казалось это страннымъ, во-первыхъ, потому, что онъ не слушалъ, а, во-вторыхъ, потому что если бы и слышалъ, то понималъ бы, что это чистая правда, что Марта Николаевна другой быть не можетъ, что именно эта-то опредѣленность и плѣнила его, Петра Сергѣевича, усталого отъ неопредѣленныхъ мечтательствъ и чувствительныхъ сумбуровъ. Онъ смутно чувствовалъ, что отношенія значительно осложнятся этою любовью, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагался на благоразуміе г-жи Фуксъ, что все будетъ опредѣленно и начистоту, какъ бы жестоко и сухо это ни казалось впечатлительнымъ душамъ. Можетъ быть, Марта Николаевна еще что-нибудь говорила, и даже навѣрное она гово-

рила, потому-что, когда Петръ Сергѣевичъ очнулся и отвелъ глаза отъ круглаго лица г-жи Фуксъ, то до его слуха долетѣлъ конецъ рѣчи:

— ..Конечно, это очень жаль, но не въ нашей власти предотвратить нѣкоторыя страданія другихъ лицъ, когда такъ хочетъ судьба.

Мельниковъ наклонился къ рукѣ Марты Николаевны и вымолвилъ:

— Я сегодня же поговорю съ Зиной.

— Зачѣмъ сегодня? Я думаю и вообще покуда ничего не говорить.

— Я поступлю какъ вамъ угодно, лишь бы это не измѣняло и не откладывало вашего рѣшенія.

Марта Николаевна густо покраснѣла и проговорила, слегка нахмурившись:

— Я и не думаю ни измѣнять, ни откладывать его.

III.

Такъ Петръ Сергѣевичъ ничего и не сказалъ женѣ своей о всѣхъ перемѣнахъ, которыя съ нимъ произошли, хотя, можетъ быть, Зинаиду Львовну и не очень поразило бы извѣстіе объ этомъ. Къ началу

лѣта обнаружилось столько накопленныхъ перемѣнъ въ ихъ небольшомъ обществѣ, такъ перетасовались взаимоотношенія, что послѣдняя новость могла быть болѣе волнующей развѣ только потому, что она ближе всего касалась самой Зинаиды Львовны. И отъѣздъ Сашеньки, и мытарство Виталія, и ссора Мейера съ Толстымъ, и дуэль послѣдняго, смерть Фукса и какія-то перемѣны въ тетѣ Мартѣ—все указывало на непрочность и какую-то несостоятельность прежде казавшихся твердо-установленными правилъ и отношеній. Почему же тогда Петру Сергѣевичу быть исключеніемъ изъ общаго закона? Развѣ не такъ же, какъ всѣ они, онъ думалъ устроить свою жизнь, мечтательно основываясь на шаткомъ и эфемерномъ чувствѣ? Развѣ этому чувству можно велѣть остановиться, когда оно течетъ, какъ вода, и непосѣдливо, какъ птица, о которой поетъ Карменъ? Вѣдь только когда шапочка закрываетъ глаза, соколъ можетъ сидѣть спокойно на рукѣ охотника, а гдѣ же найти эту шапочку, и какая радость въ слѣпой птицѣ? Хотя Петръ Сергѣевичъ ничего не говорилъ, Зинаида Львовна тускло и лѣниво догадывалась, что еще что-то мѣняется, тупо думая: „Все равно ужъ, одно

къ одному. Я жъ ничего не хотѣла дѣлать“,—и ходя въ развалку по комнатамъ, тоскливо и равнодушно ждала, когда наступитъ время ѣхать въ деревню къ Клавдіи Павловнѣ, гдѣ она хотѣла провести лѣто и куда ее отсылалъ мужъ, самъ оставаясь въ городѣ по какимъ-то дѣламъ. Она была на похоронахъ Фукса и потомъ заѣзжала къ Мартѣ Николаевнѣ, которая и сама стала посѣщать ихъ чаще, что, впрочемъ, никого не удивляло въ виду ея вдовства и близкихъ родственныхъ связей съ семьей Мельниковыхъ. И нельзя сказать, чтобы г-жа Фуксъ искала случая остаться съ Петромъ Сергѣевичемъ наединѣ, когда бывала на Фурштатской: она повидимому съ равнымъ удовольствіемъ бесѣдовала и со своей племянницей, открыто смотря на нее своими сѣрыми глазами. Никто бы не сказалъ, что это говорятъ покинутая жена и женщина, ради которой первую мужъ покинулъ. Петру Сергѣевичу не приходило въ голову, что съ такимъ же откровеннымъ лицомъ Марта можетъ увѣрять его, въ чемъ угодно, думая совсѣмъ не то. Ему не приходило этого въ голову, потому что онъ былъ слишкомъ увѣренъ и зналъ, видѣлъ достаточно ясно, что вдова относится къ

нему не только какъ любовница, но какъ старшая сестра или мать, любовно и бережно его лелѣя, какъ цвѣтокъ, который бы она выходила своими руками. Она часто оставалась даже ночевать у Мельниковыхъ, что тоже никого не удивляло, потому-что почему же и не ночевать вдовой тетушкѣ у беременной племянницы?

Бѣлыя ночи тревожили Зинаиду Львовну, и часто она бродила отъ окна къ окну, иногда уходя на балконъ и слушая, какъ продремезжитъ далекій извозчикъ на Литейномъ или завоетъ пароходъ. Ей думалось не очень весело, что вотъ она поѣдетъ къ Клавдіи Павловнѣ, будетъ жить тамъ съ Виталиемъ, нуднымъ и скучнымъ, онъ будетъ ей жаловаться на Сашеньку, а Клавдія Павловна ворчать и брэнчать ключами, потомъ она, Зинаида Львовна, родить, почему-то ей казалось непременно дѣвочку, та будетъ питать и сосать ея грудь, потомъ вырастетъ такой же мечтательной и неустроенной, какъ дочери генерала Прохорова, выйдетъ замужъ и такъ же будетъ бродить съ большимъ животомъ въ бѣлыя ночи по пустыннымъ комнатамъ, пока мужъ будетъ спать,—и все Зинаидѣ Львовнѣ представилось такимъ скучнымъ, длиннымъ и не

нужнымъ. Она обернулась, чтобы итти въ домъ, какъ вдругъ увидѣла ясно, что изъ другихъ дверей входятъ въ залу тетя Марта и мужъ. Машинально Зинаида Львовна отодвинулась за косякъ, и тѣ, не замѣтивъ ся, прошли мимо въ бѣломъ безсолнечномъ свѣтѣ, при чемъ Петръ Сергѣевичъ говорилъ:

— Я буду ждать условленнаго знака и тогда все скажу женѣ.

А Марта отвѣтила ему:

— Ее теперь не нужно беспокоить. Потомъ все откроется, она сама узнаетъ. Не нужно лгать, но еще не пришло время говорить самимъ. Я вамъ тогда скажу, когда нужно будетъ.

Они прошли, а Зинаида Львовна все стояла за косякомъ, пока шаги не стихли и не хлопнула вдали дверь комнаты, гдѣ спала тетя Марта. Потомъ Зинаида Львовна спокойно прошла къ себѣ и попыталась заснуть, будто все слышанное не было для нея ни неожиданностью, ни огорченіемъ, а только подтверждало ея собственныя мысли. Конечно, она ни слова не сказала мужу о томъ, что она видѣла, и только болѣе зорко стала смотрѣть за ними, но Марта Николаевна была всегда такъ равна,

такъ одинаково ласкова и такъ спокойна, что свое ночное видѣніе Мельникова готова была принять за сонъ, хотя и отлично знала, что это была дѣйствительность.

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней она въ третій разъ предприняла паломничество въ далекія роты. На этотъ разъ ей не пришлось дожидаться, какъ въ тотъ, когда она дремала въ маленькой свѣтлой гостиной. Это случилось въ праздникъ, такъ что несмотря на утренній часъ, Толстой былъ въ городѣ и дома. Обмѣнявшись принятыми привѣтствіями и незначительными фразами для начала разговора, Мельникова сказала:

— Мужъ меня разлюбилъ.

— Этого не можетъ быть.

— Да, но онъ меня бросилъ.

— Это не всегда одно и то же. И повѣрьте, что второе не такъ страшно, если вы его любите.

Такъ какъ гостя молчала, то Толстой неувѣренно спросилъ:

— Развѣ вы разлюбили Петра?

— Ахъ, я не знаю. Я люблю Петра по-прежнему, но другого люблю больше. Я люблю васъ, Андрей Ивановичъ.

— Вы знаете, что это бесполезно?

— Знаю.

— И что же?

— Ничего. Я только васъ люблю, вотъ и все. Отчего вы меня обижаете и считаете пошлой барыней, которая ищетъ рѣдкихъ ощущеній?

— Я васъ такой отнюдь не считаю. Мнѣ васъ отъ души жалко.

— И этого не надо!—Она встала и какъ-то вдругъ перемѣнила тонъ:—Мы говоримъ совсѣмъ не такъ и, можетъ быть, даже не то, что слѣдуетъ. Ни о какихъ надеждахъ съ моей стороны, ни о какой жалости съ вашей не можетъ быть и рѣчи. Если бы вы даже захотѣли отвѣтить мнѣ, какъ это принято, я бы отказалась, потому что мнѣ ничего не надо, понимаете, ничего не надо, кромѣ того, что я васъ люблю и знаю, что вамъ это извѣстно. Вамъ это неприятно?

Толстой поцѣловалъ ея руку и, помолчавъ, отвѣтилъ.

— Такія признанія никогда не бываютъ неприятны. Я вамъ очень признателенъ, Зинаида Львовна, и только объ одномъ прошу: не падайте духомъ и не думайте, что вашъ мужъ оставилъ васъ навсегда.

Зинаида зорко взглянула на него и спросила, будто некстати:

— Вы не сердитесь на меня за Сашеньку?

Это было бы не вполне справедливо, но вполне естественно: она все-таки мнѣ сестра.

— Я не только на васъ, но и на Александру Львовну не имѣю права гнѣваться.

— Ахъ, развѣ мы говоримъ о правѣ!— воскликнула Зинаида Львовна, думая, казалось, совсѣмъ о другомъ. Помолчавъ, она снова спросила:—Но вы теперь очень страдаете? Вы можете, конечно, не отвѣчать. Я не имѣю никакого права васъ спрашивать объ этомъ.

Толстой, улыбувшись, замѣтилъ:

— Вотъ вы сами заговорили о правѣ. Я отвѣчу вамъ охотно, потому что не считаю нужнымъ скрывать, что вся эта исторія мнѣ болѣе чѣмъ тяжела.

Мельникова участливо, почти радостно спросила:

— Что же вы думаете дѣлать?

Тогда Толстой сухо и нѣсколько надменно отвѣтилъ:

— Я не знаю. Несчастія еще далеко не кончились, они только начались, несомнѣнно приведутъ за собою другія, такъ что совершенно нельзя предвидѣть рѣшенія, къ которому принудитъ судьба. Наша же личная минутная воля можетъ только напортишь, если мы будемъ руководиться ею.

Зинаида Львовна быстро подошла къ Толстому и, положивъ руки ему на плечи, сказала опять безъ видимой связи разговора:

— Знайте одно: я всегда останусь вѣрна мужу, потому что я васъ люблю.

IV.

Имѣніе г-жи Роммеръ, куда уѣхалъ злополучный Виталій, было совсѣмъ въ другомъ родѣ, нежели помѣстье Фуксовъ. Последнее, купленное банкиромъ для лѣтняго пребыванія жены и для пріятности обладать стариннымъ дворянскимъ гнѣздомъ, было значительно больше и имѣло болѣе широкое хозяйство, хотя изъ него не извлекали никакихъ выгодъ, кромѣ довольно невиннаго тщеславія имѣть въ городѣ масло, варенье и поросять „изъ собственнаго имѣнія“. За хозяйствомъ покойный Фуксъ не слѣдилъ, считая, что на это уходитъ слишкомъ много времени, которое, конечно, въ сто разъ, въ двѣсти разъ лучше оплачивалась, будучи примѣнено къ банкирской дѣятельности. Клавдія же Павловна, имѣя маленькое свое помѣстье отъ дѣдовъ и пра-дѣдовъ, имъ жила не только въ переносномъ, но и въ буквальномъ смыслѣ. Памя-

туя, что „хозяйскій глазъ—алмазъ“, она вставала въ пять часовъ, чтобы самой присутствовать при работахъ, обойти скотный дворъ и осмотрѣть, что гдѣ пужно. Видя ясно, что съ каждымъ годомъ нужно все больше и больше усилій и изворотливости, чтобы удержать доходъ въ такомъ же размѣрѣ, какъ въ прошломъ году, понимая ясно, что, если онъ сдастъ, это значить начало конца, она съ ревностью игрока отдавала хозяйству всѣ свои силы; для нея не было большаго праздника, какъ купить какую-нибудь новую машину, или развести хорошую породу куръ. При такомъ положеніи дѣла было, конечно, не до тщеславія имѣть въ городѣ масло изъ своихъ вотчинъ, а и въ деревнѣ-то было всѣхъ продуктовъ въ обрѣзъ, потому что все или продавалось, или поступало снова въ общее колесо хозяйства. Домъ у нея былъ значительно меньше, окруженный лишь небольшимъ ягоднымъ садомъ, комнаты были ниже, тѣснѣе, прислуживали только двѣ старухи, изъ которыхъ одна стряпала, а другая мыла полы, лошадей не только для прогулки, а даже для поѣздки въ ближайшій городокъ нельзя было допроситься,—но все имѣло видъ настоящей дѣловитости и жизни, въ

противоположность имѣнію Фуксовъ, гдѣ великолѣпная запущенность и печальная помпа располагали къ скучному отдыху и надменной лѣни.

По правдѣ сказать, Виталію Павловичу больше бы подходило жить въ томъ полу-разрушенномъ „аббатствѣ“, гдѣ онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ, соединившій его казалось бы на всю жизнь съ Сашенькой Прохоровой, но, можетъ-быть, судьба все устроила къ лучшему, поселивъ его именно у сестры, гдѣ онъ, съ одной стороны былъ лишенъ всяческихъ воспоминаній, съ другой стороны, поневолѣ, просто отъ скуки сталъ входить въ дѣятельность Клавдіи Павловны, не имѣя больше никакихъ занятій. Его одиночество нѣсколько уменьшилось съ пріѣздомъ Зинаиды Львовны. Она пріѣхала подъ вечеръ, безъ предварительнаго письма, извѣстивъ только краткой депешей, что она будетъ тогда-то. Встрѣчать ее послали Виталія, такъ какъ Клавдія Павловна до вечера была занята по хозяйству. И это было кстати, потому что Виталій Павловичъ не выказывалъ никакого удивленія ни по поводу самого пріѣзда своей свояченицы, ни по поводу того, что она пріѣхала со слишкомъ какъ-то боль-

шимъ багажомъ. Онъ ея не разспрашивалъ и не докучалъ бесполезными опасеніями, не дустъ ли ей, не растрясетъ ли се въ деревенской телѣжкѣ, не забыла ли она ключи отъ сундуковъ, и вообще разными такими безпокойствами, которыми неминуемо обезпокоилась бы Клавдія Павловна. Всю непродолжительную дорогу они ѣхали молча или говоря о вещахъ самыхъ незначительныхъ, будто они только вчера видѣлись и съ ними ничего не случилось. Кажется, Виталій и на самомъ дѣлѣ думалъ, что съ нимъ ничего не случилось, будучи занятъ только воображаемыми или возможными переживаніями. И притомъ онъ настолько ясно и остро пережилъ имъ самимъ придуманное бѣдствіе въ тотъ день, когда бѣжалъ за перегородку къ Поликсенѣ, что когда несчастіе постигло его на самомъ дѣлѣ, оно нашло его почти лишеннымъ чувствительности. Зинаида Львовна осунулась отъ беременности ли, отъ тревоги ли, и, сидя въ черномъ широкомъ платьѣ и въ сѣрой накидкѣ отъ пыли, печально смотрѣла во-кругъ на поля, овраги и рощи, держа въ рукахъ пучекъ желтыхъ полевыхъ цвѣтовъ.

— Я здѣсь никогда не бывала, а между тѣхъ какъ похоже...

— Начто?—спросилъ удивленный Виталій.

— На все, на всякую русскую деревню; есть что-то умиротворяющее и безнадежное въ этомъ сходствѣ. Вездѣ, вездѣ одно и то же.

— Вы не видѣли еще дома. Онъ совсѣмъ не похожъ на домъ Марты Николаевны, да и вся жизнь здѣсь другая.

Зинаида Львовна быстро взглянула на своего сосѣда и продолжала тѣмъ же тихимъ голосомъ, будто съ трудомъ выговаривая имя г-жи Фуксъ:

— У Марты Николаевны домъ, можетъ быть, и другой, я не спору, но вѣдь дома построили люди, а вотъ этотъ просторъ,— и она показала желтыми цвѣтами на окрестность:—это безлюдіе вездѣ одинаково. Какая покорность и—ах!—какая печаль!— И это не можетъ не дѣлать самыхъ разныхъ людей одинаковыми слегка. Конечно, если у этихъ людей есть глаза, въ которые бы входило все это, если ихъ кожа чувствуетъ вѣтеръ, который вѣетъ, если они слышатъ запахъ травы, ржи и если они не каменные упрямы и фантазеры, если они видятъ то, что у нихъ передъ глазами, а не выдумываютъ Богъ знаетъ чего и не упрямятся.

Клавдія Павловна устала за день и встрѣтила свою гостью радушно, но нѣсколько разсѣянно. Только отходя ко сну, она спросила болѣе внимательно:

— Чтò же, Зина, у васъ все благополучно? Отчего Петя не пріѣхалъ съ тобой?

Зинаида Львовна отвѣтила спокойно:

— У насъ все благополучно. Петя пріѣдетъ потомъ, а мнѣ надоѣло сидѣть въ городѣ. Вѣдь вы не сердитесь, что я пріѣхала раньше?

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Я только удивляюсь, почему ты не пріѣхала еще раньше, разъ у васъ было рѣшено, что ты пріѣдешь одна.

— У насъ этого не было рѣшено. Я все ждала мужа,—отвѣтила Зинаида Львовна и прошла въ отведенную ей комнату.

Умывшись передъ спомъ, въ ночномъ капотѣ, она долго сидѣла у окна, то смотря на расположенный передъ окнами дворъ, то озирая низенькую свѣтлую комнату, экономно и опрятно убранную. Здѣсь она будетъ жить одна, здѣсь будетъ думать объ Андреѣ, здѣсь у нея родится ребенокъ, здѣсь она будетъ пріучаться быть храброй и покорной. Она отомкнула ключомъ маленькій чемоданчикъ и вынула оттуда ли-

стокъ исписанной бумаги и свертокъ; въ сверткѣ оказались длинныя дамскія перчатки, а на листкѣ было написано:

„Многоуважаемая и дорогая Зинаида Львовна! Не удивляйтесь ни моему письму, ни моей посылкѣ. Я увѣренъ, что, обращаясь къ вамъ, я не буду имѣть причинъ жаловаться на недостатокъ скромности и излишнюю болтливость. Я даже полагаю, что настоящій мой поступокъ (потому что это не только письмо, но и поступокъ) еще болѣе упрочить то чувство дружественности, которое вы мнѣ оказывали, можетъ быть, не вполне заслуженно. Я принадлежу къ обществу „вольныхъ каменщиковъ“, и, какъ можетъ быть, вамъ извѣстно, получилъ при вступленіи эту пару перчатокъ, которую я препровождаю вамъ. Мы получаемъ только по одной парѣ такихъ перчатокъ и должны передать ихъ женщины, которую на всю жизнь считаемъ самой достойной, высокой, чистой и близкой. Ни братъ обратно, ни передавать ихъ нельзя. Пускай вы будете владѣть ими, а моя жизнь пойдетъ по предназначенному ей руслу, и я вѣрю, что Тотъ, Кто послалъ меня на этотъ путь, одаривъ разумомъ, сердцемъ и волею, не дастъ мнѣ погибнуть

и уклониться съ этого пути, какъ бы внѣшнія обстоятельства ни рисовали призрачную видимость обратнаго. Я уѣзжаю, но надѣюсь, что случай насъ сведетъ еще разъ. Преданный Вамъ Андрей Толстой“.

Зинаида Львовна долго читала эти строчки, будто она видѣла ихъ въ первый разъ, а не знала наизусть, потомъ, опустивъ листокъ, стала смотрѣть поверхъ свѣчи въ темный прорѣзъ окна, Богъ вѣсть о чемъ думая: о высокой ли и радостной чести, которой удостоилъ ее Толстой, или о томъ, что лучше было бы, если бы онъ безъ всякой чести, попросту, глупо и молодо въ нее влюбился. Она просидѣла такъ до разсвѣта, потомъ вздохнула, поцѣловала письмо и перчатки и, аккуратно сложивъ ихъ, спрятала въ тотъ же чемоданчикъ.

V.

Дни за днями шли въ имѣніи Клавдіи Павловны тихо и незамѣтно, похожіе другъ на друга, какъ близнецы, отличаясь развѣ только тѣмъ, что иногда шелъ дождь, иногда же сго не было, иногда были пироги къ обѣду, что обозначало праздникъ, и иногда, что очень рѣдко, пріѣзжали со-

сѣднія барышни, двѣ старушки Гамбаковы, вѣчно зябнувшія и между собою о чемъ-то ссорящіяся. Никто ничего не писалъ изъ города, о Петрѣ Сергѣевичѣ и Сашенькѣ не было ни слуху, ни духу: перваго сначала ждали, но потомъ перестали ждать, а о второй не было извѣстно даже, гдѣ она находится со своимъ Мейеромъ. Такъ Зинаида Львовна безъ мужа и родила. Это прошло почти незамѣченнымъ. Она родила очень спокойно днемъ и скоро встала. Родила она дочь, которую назвали Маріанной. И дѣвочка была спокойна, почти незамѣтна. Такъ какъ у Клавдіи Павловны гуляли вообще очень мало, то не было замѣтно и то обстоятельство, что маленькую кормила сама мать. Будто вся пережѣна состояла въ томъ, что въ комнатѣ, занимаемой Зинаидой Львовной, рядомъ съ чемоданчикомъ, гдѣ были спрятаны перчатки Толстого, появилась колясочка, изъ которой изрѣдка доносился тонкій пискъ. Зинаида Львовна не любила свою дочь, будто у нея не родился еще ребенокъ, а ожидается другой, настоящей. Больше всего занимался Маріанной Виталій Павловичъ: то онъ старался угадать, на кого похоже ея маленькое личико, то обезпокаивался, почему она такая тихая, то

отыскивалъ у нея вссвозможныя болѣзни. Но, не находя сочувствія ни въ сестрѣ, ни въ своячениницѣ, онъ скоро остылъ, и дѣвочка сдѣлалась совсѣмъ незамѣтной, до того незамѣтной, что иногда, когда Зинаида Львовна, взглянувъ на часы, поднималась отъ общей бесѣды, чтобы покормить маленькую, то всѣ удивлялись, а Клавдія Павловна даже неоднократно говорила:

— У насъ Маріанка такая тихая, что немудрено и совсѣмъ про неѣ забыть.

Всѣхъ несказанно удивило, когда Зинаида Львовна получила конвертъ съ заграничнымъ штемпелемъ, и въ немъ оказалось письмо на двѣнадцати страницахъ. Подождавъ, когда Виталій Павловичъ выйдетъ изъ комнаты, Зинаида сказала его сестрѣ.

— Я не хотѣла говорить при Виталіи. Это письмо отъ сестры Сашеньки. Съ ней случилось большое несчастье. Я хотѣла съ тобой посоветоваться, во-первыхъ, нужно предупредить Виталію осторожно, а во-вторыхъ, можетъ быть, лучше всего будетъ выписать сюда Сашеньку. Поднимемся ко мнѣ, мы поговоримъ.

— Ты, конечно, мнѣ прочтешь письмо? Тамъ нѣтъ ничего, что бы отъ меня должно было бы быть скрыто?

— Нѣтъ, конечно, — отвѣтила Зинаида Львовна.

А Виталій съ балкона имъ крикнулъ:

— Вы, кажется, хотите секретничать? Это новость.

— Да, Виталій, намъ нужно поговорить съ Зиной, и, представь себѣ, это касается отчасти даже и тебя.

— Ну, ну. Только потомъ, пиз, надѣюсь, мнѣ сообщите результаты вашихъ секретовъ?

— Обязательно, — отвѣтила Зинаида Львовна, проходя на верхъ.

Она подала Клавдіи Павловнѣ Сапешкино письмо, говоря:

— Вотъ, почитай, чтó сестра пишетъ. Это же ужасно. Бѣдная Саша. Или, лучше, прочитай его вслухъ. Я пробѣжала его мелькомъ и не помню точно всѣхъ подробностей.

Клавдія Павловна надѣла очки и стала читать ровнымъ голосомъ, столь несоотвѣтствующимъ содержанію взволнованнаго письма бѣглянки:

„Милая Зина. Вчера Владиміръ Сергѣевичъ Мейеръ застрѣлился. Вотъ что я должна сказать тебѣ прежде всего, чтобы тебѣ не казалось страннымъ ни мое долгое

молчаніе, ни разстроенность теперешняго письма. Я принадлежала Мейеру еще до нашего отъѣзда, и я его мучила; я думаю, я его не любила, а, можетъ быть, это и есть любовь. Я ничего не знаю. Я не знала, а, можетъ быть, и не знаю до сихъ поръ себя самоѣ. Теперь немного лучше знаю, чѣмъ годъ тому назадъ. Когда выходишь замужъ, постепенно узнаешь не только человѣка, за котораго вышла, но и себя. Но, ахъ, какъ это долго, и, можетъ быть, только послѣ пяти любвей или десяти узнаешь себя настолько, чтобы рисковать на продолжительную связь. Это все не то, что нужно писать, чтò нужно говорить, чтò нужно думать въ настоящую минуту. Если бы я созналась въ своихъ настоящихъ мысляхъ, что я должна была бы признаться, что у меня не выходитъ изъ ушей, какъ Мейеръ стукнулся затылкомъ о дверь моеи спальни, когда падалъ. Тупой стукъ почти ужъ неживого тѣла. Онъ упалъ навзничъ и почти тотчасъ же умеръ. У насъ не было ссоры передъ его смертью. Я думала, что это такъ можетъ кончиться, но въ ту минуту никакъ этого не ожидала. Мейеръ былъ страстно влюбленъ въ меня, но всѣмъ не понималъ меня, или понималъ

слишкомъ хорошо. Меня это не интересовало, какъ и вообще Мейеръ меня не интересовалъ. Зачѣмъ я все это сдѣлала, я не знаю, или вѣрнѣе, боюсь знать. Такъ же я не знаю, что меня удерживаетъ послѣдовать примѣру Владиміра Сергѣевича: и онъ, и я любили одного Толстого. И теперь, когда все вышло, какъ я предполагала и какъ хотѣла, я чувствую огромный страхъ за того другого, потому что Мейеръ былъ ему очень дорогъ. Это я знаю навѣрное. Я вѣрю, что ты мнѣ простишь, но пойми, что мнѣ это все равно. Мнѣ даже почти все равно, проститъ ли меня Толстой, потому что я сама себя не прощаю. Только бы онъ, только бы онъ оказался достаточно сильнымъ. Я согласна была бы быть всю жизнь вѣрной Виталію, лишь бы не случилось того, что случилось, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, я отнюдь не раскаиваюсь. Я такъ запуталась, что сама не знаю, что и дѣлать, хоть пускай себѣ пулю въ лобъ, какъ этотъ несчастный мальчикъ, погубленный мною. Со стороны все это можетъ показаться очень банальной и простой исторіей: скупающая барыня, которая убѣжала отъ мужа со своимъ любовникомъ и довела послѣдняго до самоубійства. Чтò можетъ быть

проще и противнѣе этого? Но ты сама знаешь, что это далеко не такъ. Я не имѣю никакихъ опредѣленныхъ дальнѣйшихъ плановъ. Завтра будутъ похороны Володи. Я переѣхала теперь въ другую гостиницу и адресъ мой: Мюнхенъ. Гостиница „Четыре времени года“, № 7. Я сообщаю тебѣ это, отнюдь не побуждая къ письму, а въ тайной надеждѣ, что адресъ этотъ узнается кѣмъ-нибудь и другимъ. Если я останусь въ живыхъ, то пробуду здѣсь довольно долго. Не все ли равно, гдѣ жить, а здѣсь, по крайней мѣрѣ, могила Мейера, который былъ близокъ Толстому и связываетъ насъ троихъ. Цѣлую тебя нѣжно и остаюсь твоя Саша“.

Р. С. „Кстати, я здѣсь записана какъ жена Мейера, такъ мнѣ слѣдуетъ и писать“.

Клавдія Павловна, не прерываясь, прочла это длинное посланіе, потомъ умолкла, опустивъ развернутое письмо на колѣни. Помолчавъ, она сказала просто.

— Если мы не можемъ переимѣнить случившагося, то должны предотвратить то, что можетъ случиться: Саша должна вернуться сюда, она не должна оставаться тамъ одна у могилы.

— Ты, конечно, права, но какъ пре-

дотвратить другое, болѣе ужасное?—задумчиво проговорила Зинаида Львовна, хмурая лобъ.

— О чемъ ты говоришь, Зипокъ?—спросила тревожно Клавдія Павловна.

Но Зина, не отвѣчая, подошла къ колясочкѣ и, отдернувъ тюлевый пологъ, долго смотрѣла на спящую дочь. Клавдія Павловна подошла вмѣстѣ съ нею и будто про себя замѣтила:

— Какъ хорошо, когда дѣти.

Зинаида Львовна ядругъ сказала:

— Не правда ли, Маріанна не похожа ни на меня, ни на Петю.

— Теперь еще трудно судить,—осторожно проговорила Клавдія.

— Я знаю, на кого она похожа,—громко сказала Зинаида Львовна и перекрестила спящую дѣвочку.

VI.

Зинаида Львовна никогда не считала себя подверженной галлюцинаціямъ и еще менѣе способной имѣть какія-либо видѣнія. Потому ее болѣзненно поразилъ одинъ случай, который никакъ объяснить себѣ нельзя было иначе, какъ или видѣніемъ дѣйствитель-

нымъ или разстроеннымъ воображеніемъ. Однажды послѣ ужина она вышла побродить въ ягодный садъ, межъ тѣмъ какъ Виталій и Клавдія удалились на покой. Послѣ Сашенькинаго письма въ Зинаидѣ Львовнѣ обнаружилось замѣтное безпокойство и усилилась нѣжность къ маленькой Маріаннѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ она стала страдать безсонницею, такъ что такія вечернія прогулки по саду совершала довольно часто, что никого не удивляло. Клавдія Павловна все это приписывала тому, что Зинаида Львовна соскучилась по мужѣ, хотя госпожа Мельникова такъ же, какъ и въ началѣ, ничего о немъ не говорила. Въ тотъ вечеръ, находившись досыта по дорожкамъ, покрытымъ росой, Зинаида Львовна собиралась уже возвращаться въ домъ, какъ вдругъ замѣтила, проходя мимо скамейки, что на этой послѣдней сидитъ дама въ шляпѣ и съ ридикюлемъ въ рукѣ. Дама сидѣла бокомъ, положивъ правую руку на спинку скамейки и прикрывъ глаза пальцами. Зинаида Львовна была такъ поражена этимъ зрѣлищемъ, что нѣсколько минутъ стояла неподвижно, не говоря ни слова. Такъ какъ была луна, и садъ былъ очень рѣдокъ, то все было видно съ не-

обыкновенной ясностью, вплоть до послѣдней пуговки на гетрахъ незнакомки. Черезъ некоторое время дама отвела свою руку въ бѣлой перчаткѣ отъ лица и повернулась къ Зинаидѣ Львовнѣ, при чемъ послѣдняя узнала въ ней Марту Николаевну. Зинаида Львовна со страхомъ прошептала:

— Тети Марта, какъ вы здѣсь очутились?

Но Марта Николаевна приложила палецъ къ своимъ губамъ, какъ бы приглашая говорить еще тише, и еле слышно прошептала:

— Онъ можетъ испугаться. Онъ сейчасъ придетъ. Идемъ къ нему навстрѣчу.

Затѣмъ встала и пошла отъ дому, приглашая Зинаиду Львовну слѣдовать за нею. Дойдя до круглой площадки, обсаженной крыжевникомъ, Марта Николаевна остановилась и показала бѣлой перчаткой за кусты, откуда по прямой дорожкѣ къ нимъ быстро двигалась фигура въ сѣрой офицерской шинели и фуражкѣ съ бѣлымъ околышемъ. Зинаида Львовна быстро прошептала:

— Это Толстой, это Толстой, это Толстой?

Но когда фигура вышла на ту же круг-

лую площадку, будучи отдѣлена отъ Зинаиды Львовны только низкимъ крыжесвикомъ, то та увидѣла, что это былъ не Толстой, а совершенно незнакомый ей молодой бѣлокурый офицеръ. Онъ приложилъ руку къ фуражкѣ и остановился, а Марта Николаевна обернула къ Зинаидѣ Львовнѣ свое круглое лицо, сдѣлавшееся почему-то очень большимъ и бѣлымъ, и медленно сказала:

— Позволь тебя познакомить: Владиміръ Сергѣевичъ Мейеръ.

Зинаида Львовна громко вскрикнула и упала на сырой песокъ дорожки. Ея крика, очевидно, никто не слышалъ, потому что она очулась сама на томъ же самомъ мѣстѣ. Луна уже зашла, и было холодно, какъ бываетъ передъ разсвѣтомъ. На всей площадкѣ были отпечатки шаговъ женскихъ и мужскихъ, которыя, конечно, могли быть слѣдами садовника и работницъ. Съ трудомъ поднявшись, Зинаида Львовна дошла до своей комнаты и легла спать, при чемъ тотчасъ же и очень глубоко заснула. Встала она очень поздно съ головной болью. Выйдя въ столовую, она увидѣла два чемодана и небольшую корзину, стоявшіе у входной двери.

— Чьи это вещи? Развѣ кто-нибудь пріѣхалъ?—спросила Зинаида Львовна у старой служанки.

— А какъ же, пріѣхала барыня Марта Николаевна.

— Чтò же, за ней посылали лошадей?

— Нѣтъ, онѣ пріѣхали на дерзвенскихъ.

— Когда же она пріѣхала?

— Часовъ въ семь.

— И она пріѣхала одна?

— Одна.

— Никакого офицера съ ней не пріѣзжало?

— Нѣтъ, Господь съ вами, какой офицеръ!

— И она пріѣхала часовъ въ семь, когда было свѣтло?

— Совсѣмъ свѣтло. Клавдія Павловна были уже вставши.

— Такъ что кто-нибудь видѣлъ, какъ она пріѣзжала?

— Да какъ же не видать: всѣ видѣли.

— И она пріѣхала одна?

— Одна.

— Офицера молодого, бѣлокураго, не пріѣзжало съ ней?

— Да чтò съ вами, Зинаида Львовна? Дался вамъ этотъ офицеръ. Никого съ

ними не пріѣхало. Развѣ, гдѣ въ лѣсу со-
скочилъ.

— А ты думаешь, онъ могъ въ лѣсу со-
скочить?

— Все можетъ быть. Да вотъ онѣ и сами
идутъ, вы у нихъ и спросите.

Дѣйствительно, двери отворились, и въ
комнату легко вошла свѣжая и молодая,
въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, г-жа Фуксъ.
Зинаида Львовна сидѣла, какъ пригвожден-
ная къ мѣсту.

Марта Николаевна подошла къ ней, и
обнявъ за шею, стала цѣловать ласково и
виновато.

— Зина, здравствуй! Какъ ты похоро-
шѣла. Впрочемъ, это всегда бываетъ съ мо-
лодыми матерями. Отъ души поздравляю
тебя. И маленькая здорова, не правда ли?
Ты мнѣ ее сейчасъ покажешь. Отчего же
ты молчишь? Ты не довольна, что я прі-
ѣхала? А я нарочно не предупреждала, хо-
тѣла сдѣлать сюрпризъ. Намъ нужно такъ
много поговорить съ тобою. Если Клавдія
Павловна позволитъ—я пробуду недѣли двѣ,
и времени у насъ будетъ достаточно. Я
никогда здѣсь не бывала раньше, здѣсь
очень хорошо. Тебѣ, конечно, здѣсь по-
койно?

Видя, что Зинаида Львовна все молчитъ, Марта Николаевна тоже умолкла и только тихоенько гладила руку своей племянницы. Наконецъ Мельникова съ трудомъ выговорила:

— Тетя Марта, ты пріѣхала одна?

Марта Николаевна нахмурилась, покраснѣла и отвѣтила смущенно:

— Да, я видѣла Петю, онъ тебя очень цѣлуешь, онъ страшно занятъ. Какъ только вырвется, онъ обязательно пріѣдетъ. Вѣдь это же ужасно, не видѣть своего перваго ребенка. Вотъ современные мужья.

Зинаида Львовна такъ же медленно и отчетливо произнесла:

— Я тебя не о Петрѣ Сергѣевичѣ спрашиваю.

— О комъ же?

Зинаида Львовна ничего не отвѣтила, а пристально поглядѣла на круглое лицо Марты, думая со страхомъ, что вдругъ оно сдѣлается большимъ и бѣлымъ, и спросила шопотомъ:

— Вы знаете, что Мейеръ застрѣлился?

Марта Николаевна приложила палецъ къ губамъ, будто приглашая говорить еще тише, и еле слышно прошелестѣла:

— Не надо говорить объ этомъ.

Зинаида Львовна наклонилась всѣмъ кор-

пусомъ къ гостѣ и, схвативъ ее за руку, сказала очень громко, сама не узнавая собственнаго голоса:

— А то онъ испугается и придетъ? А онъ насъ ждетъ тамъ на площадкѣ съ крыжевникомъ?

Марта Николаевна дала поспѣшно воды смертельно поблѣднѣвшей Зинѣ и стала быстро ее гладить и цѣловать, успокаивая. Когда та успокоилась, и только послѣднія слезы текли по поблѣвшимъ щекамъ, г-жа Фуксъ сказала:

— Чтò съ тобою, Зина? Какая стала ты странная.

— Не обращай вниманія, я просто распустилась въ деревнѣ. И прости, если я тебя напугала. Пойдемъ лучше, я тебѣ покажу Марианку.

Дѣвочка спала, засунувъ кулакъ въ ротъ, когда обѣ женщины подошли къ ея колясочкѣ. Онѣ долго стояли молча, потомъ Марта Николаевна поцѣловала ей ножку, а Зина спросила, улыбаясь:

— Не правда ли, тетя, какъ она похожа?..

Марта Николаевна пристально взглянула на Зинаиду Львовну, потомъ мелькомъ на ребенка и сказала тихо и серьезно:

— Очень.

Какъ это ни было странно, но Марта Николаевна съ Зинаидой никогда не говорили о Петрѣ. Г-жа Фуксъ съ каждой почтой получала по нѣсколько писемъ, адресъ которыхъ былъ написанъ одной и той же рукой, но то не былъ почеркъ Петра Сергѣевича. Женѣ же онъ писалъ попережнему очень рѣдко и о приѣздѣ своемъ ничего не упоминалъ. Теперь его отсутствіе уже нельзя было объяснить увлеченіемъ госпожею Фуксъ, которая сама находилась здѣсь и если могла дѣйствовать на Мельникова, то, конечно, только въ благопріятномъ смыслѣ, въ разсужденіи его приѣзда. Александра Львовна тоже ничего не отвѣчала на приглашеніе, и было совершенно неизвѣстно, что она тамъ дѣлаетъ. Даже присутствіе Марты Николаевны мало измѣнило образъ жизни деревенскихъ обитателей, и они продолжали жить тихо, безъ тревогъ и надеждъ, будто ничего въ мірѣ больше не существовало, кромѣ ровныхъ полей, рѣдкаго ягоднаго сада, да голубого неба. Будто всю жизнь они должны были провести въ этихъ низенькихъ комнатахъ, отъ чая до завтрака, отъ завтрака до обѣда,

отъ обѣда до ужина и такъ до слѣдующаго утра. Ихъ жизнь, казалось, мало отличалась отъ жизни маленькой Маріанки, но, конечно, это только такъ казалось: и Зинаида Львовна, и Марта, и Виталій среди этихъ ровныхъ полей, подъ голубымъ, безпадежнымъ небомъ только притаились, притихли, какъ вѣтеръ стихаетъ передъ грозой. Одна Клавдія Павловна была ровна и спокойна, во-первыхъ, потому что, если она беспокоилась, то всегда за другихъ, во-вторыхъ, потому что она настолько была занята, что ей не было времени на разныя переживанія, которыя, конечно, всегда усиливаются отъ праздности. Присутствіе Марты Николаевны сдѣлало только то, что она съ Зинаидой Львовной, а иногда и съ Виталіемъ стали больше гулять, не ограничиваясь проходочками по ягодному саду, а ходя и по окрестнымъ полямъ, а иногда и въ березовую рощу, отстоявшую отъ дома версты на три. Послѣднее мѣсто особенно любила г-жа Фуксъ за его веселость и уютность. Роща была не густая, со свѣжей зеленой травой, на которой рѣзко выдѣлялись бѣлые стволы. Тамъ было много грибовъ и земляники, летали бѣлыя и лимонныя бабочки, а въ неглубокомъ оврагѣ по-

среди роши тихо журчалъ скрытый ключъ. На опушкѣ было три пня, какъ разъ для трехъ посѣтителей, и съ нихъ былъ виденъ широкой лугъ, поле за нимъ и на пригоркѣ барскій домъ. Опушка эта была въ западномъ углу роши, такъ что оттуда было удобно смотрѣть на закатъ, когда солнце садилось за вышеупомянутымъ пригоркомъ и лучи его выходили, казалось, прямо изъ крыши дома.

Смотря именно на такую картину, Зинаида Львовна задумчиво молвила:

— Когда одинъ день идетъ, какъ другой и всегда видишь эту печальную красоту, всегда чего-то ждешь безъ опредѣленныхъ надеждъ. Я думаю, это невѣрно, что надеждами полна молодость; если у молодыхъ и бываютъ надежды, онѣ всегда легки и легко осуществимы. Надеждою жить можетъ лишь человѣкъ, потерпѣвшій большія крушенія и много испытавшій, но передъ этимъ являются еще неопредѣленные и безсознательныя надежды,—надежды на надежду. Знаешь, какъ у Августина говорится о любви?—„Я еще не любилъ, но уже любилъ любить, не имѣя кого бы любить, но любя любовь“. То же самое можно сказать и про надежду. Какъ неопредѣленная влюб-

ленность предшествуютъ любви (помнишь опять арію Керубино, которую ты поешь?), такъ жизни въ надеждѣ предшествуетъ неопредѣленная надежда. И въ такой печальной тиши это какъ-то яснѣе понимаешь и учишься.

Зинаида Львовна умолкла, молчала на своемъ пнѣ и Марта Николаевна, наконецъ, сказала тихо:

— Ты большая мечтательница, Зина.

— Обо этомъ не надо говорить, потому что это мое больное мѣсто. И потомъ, если я мечтательница въ любви, то изъ этого не слѣдуетъ, что я мечтательница вообще.

— Ты не сердись, Зина, я вовсе не хотѣла тебя обидѣть.

Зинаида Львовна, смотря на красное небо и будто совсѣмъ некстати, тихо и спокойно спросила, не вставая съ мѣста, у Марты, сидѣвшей въ отдаленіи:

— Это правда, тетя, что вы сдѣлались любовницей моего мужа?

Марта Николаевна, тоже не вставая съ мѣста, отвѣтила:

— Знаешь, Зина, это правда, но кто тебѣ сказалъ?

— Никто, я сама знаю.

— Я очень виновата передъ тобою.

— Ты, вѣроятно, очень любила его и онъ тебя? Чтò же я могу тутъ сдѣлать?

— А ты, Зина, любишь его?

— Люблю, но не попрежнему. Можетъ быть, потомъ я полюблю его еще больше, по-настоящему, но покуда все, что я дѣлаю, это только уроки и не всегда удачныя. Если ужъ было нужно, чтобы онъ полюбилъ другую, то я благословляю судьбу, что эта другая—ты. Ты знаешь, что я очень люблю и тебя тоже и увѣрена, что съ тобою Петя будетъ гораздо счастливѣе: ты старше меня, умнѣе и оченъ его любишь. Все могло бы быть гораздо хуже, напримѣръ, если бы онъ попалъ на кого-нибудь въ родѣ Сашеньки, хотя она и сестра мнѣ.

— Чтò же ты думаешь дѣлать, Зина?

— То, что мнѣ посовѣтовалъ Толстой.

— Чтò же именно?

— Любить, ждать и постепенно учиться надеждѣ.

— Если ты думаешь, что Петръ тебя разлюбилъ, то ты очень ошибаешься. Но удобнѣе ему, конечно, быть со мной.

— Я сама, если хочешь, измѣнилась. Я люблю Толстого гораздо больше, чѣмъ Петю и потому буду Петѣ всегда вѣрна. Это странно, я нисколько къ тебѣ не рев-

ную мужа, какъ ревную, на примѣръ, Толстого, не имѣя на это никакого права, и вмѣстѣ съ тѣмъ, если бъ мнѣ сказали, что мужъ меня разлюбилъ, мнѣ было бы больно, какъ если бы мнѣ отрѣзали руку, и я думаю, я надѣюсь, что очень скоро, скорѣе, можетъ быть, чѣмъ я предполагаю, Петя будетъ очень близокъ ко мнѣ. Онъ былъ влюбленъ въ меня и былъ далекъ, тогда же, въ кого бы онъ ни влюблялся, онъ будетъ близокъ ко мнѣ и навсегда.

Марта Николаевна искоса посмотрѣла на племянницу и сказала, сдерживая улыбку:

— Оказывается, деревня учитъ не только надеждѣ, но и очень утѣшительной философіи. Не думаешь ли ты только, что это та же мечтательность, перенесенная въ другую область?

— Я не знаю, время покажетъ, а ждать я могу очень долго. Можетъ быть, когда я доживу до твоихъ лѣтъ, Петя въ меня влюбится второй разъ.

Марта Николаевна густо покраснѣла и произнесла:

— Если ты будешь такъ быстро мѣняться, какъ ты измѣнилась за этотъ годъ (конечно, я говорю про характеръ, а не про внѣшность), ты скоро будешь старше меня.

Зинаида Львовна казалась спокойной, будто говоря не про себя, а совершенно отвлеченно:

— Мы вообще скоро старимся. Возьми хоть Петю, Виталия, этого несчастнаго Мейера и даже Толстого,—вѣдь это же все мальчишки, совершенные мальчишки, а между тѣмъ они всѣ старше насъ.

Марта Николаевна вдругъ громко разсмѣялась и сказала, обнимая Зину:

— Если бъ кто-нибудь подслушалъ нашъ разговоръ, никто бы не сказалъ, что это говорятъ двѣ соперницы! „Соперницы-подруги“, — хорошее названіе для какой-нибудь комедіи.

— Мы совсѣмъ не соперницы, тетя, мы скорѣе помощницы въ любви.

— Да, но такія помощницы, изъ которыхъ каждая думаетъ, какъ бы обойтись безъ другой. Въ этомъ-то ты должна же признаться?

— Я не знаю, я объ этомъ не думаю. Покуда намъ надо итти вмѣстѣ.

— Чѣмъ больше я тебя слушаю, Зина, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что каждый безумный поступокъ молодитъ, и всякое благородное благоразуміе старитъ. Конечно, ты все время думаешь, что молодость—это то, отъ

чего нужно избавиться всѣми силами, но если ты будешь такъ умнѣть съ каждымъ годомъ, то черезъ пять лѣтъ ты будешь умна, какъ восьмидесятилѣтняя старуха. Едва ли это входитъ въ твои расчеты и едва ли это будетъ забавно.

На обратномъ пути обѣ помощницы въ любви молчали, и, только войдя въ ягодный садъ, Зинаида Львовна сказала:

— Въ одномъ вы, тетя, не правы: если бы кто подслушалъ нашъ разговоръ, то подумалъ бы, что мы говоримъ, именно, какъ соперницы, а не иначе.

Марта Николаевна сдержанно разсмѣялась и спросила:

— Чтò же въ такомъ случаѣ ты думаешь дѣлать?

Зинаида Львовна, не задерживая шага, отвѣтила коротко:

— Это ужъ мое дѣло.

VIII.

Уже Зинаида Львовна ушла къ себѣ и собиралась спать, отлично зная, что не заснетъ, какъ въ ея дверь послышался легкій стукъ, и легкою стопою вошла Марта Николаевна.

— Ты не спишь, Зина? Можно съ тобой поговорить?

— Пожалуйста, тетя, я спать совсѣмъ не хочу,—отвѣтила Зинаида Львовна, а сама подумала:

„Зачѣмъ она пришла?—опять мучить меня, хвастаться?“

Г-жа Фуксъ сѣла рядомъ съ племянницей и ласково начала:

— Мы, Зина, давеча съ тобой совсѣмъ не такъ говорили, какъ нужно, и не такъ и не то. Я понимаю, что тебѣ трудно относиться равнодушно, но вѣдь это же все не отъ насъ зависитъ, чтò случилось.

— О чемъ же тогда говорить?—надменно промолвила Зинаида.—Если все случается мимо нашей воли, если мы совершенно ни при чемъ въ нашихъ собственныхъ поступкахъ, то остается сидѣть сложа руки и смотрѣть, чтò судьбѣ заблагоразсудится съ нами сдѣлать. Да, въ сущности говоря, я такъ и поступаю. Я не знаю, о чемъ больше говорить.

— Это все тоже не то. Такъ можно окаменѣть. Ты сама, Зина, не замѣчаешь, что сдѣлалась какая-то деревянная.

— Чтò же мнѣ обливать тебя кислотой? Рвать на себѣ волосы, умолять мужа вер-

нуться или повѣситься на полотенцѣ? Я этого не хочу и не могу дѣлать. Какъ же ты хочешь, чтобы я себя вела?

— Я хочу, чтобы у тебя растопилось сердце,—тихо сказала тетя Марта:—потому что такъ нельзя жить. Вѣдь ты жила покуда ты мечтала, а какъ только пришлось по-настоящему жить—ты сдѣлалась не живой, окостенѣла.

Зинаида Львовна пожала плечами и развела руками молча. Помолчала и Марта Николаевна. Наконецъ младшая снова начала говорить тихо и жалобно:

— Я не стану доказывать, жива я или нѣтъ. Миѣ совѣмъ не интересно это дѣлать, и потомъ слова, всегда одни слова. Кто поживетъ—увидитъ. И упрекать тебя я не буду, потому что дѣйствительно ни ты, ни Петя не виноваты. Передъ тѣмъ, какъ тебѣ сюда пріѣхать, со мной случился странный случай. Я видѣла—и не во снѣ—что ты пріѣхала къ намъ и привезла Мейера. Тогда я очень испугалась и ничего не понимала. Теперь какъ будто я начинаю понимать. Между мною и тѣми, кого я люблю, стоите вы: ты и покойный Мейеръ. Но то, что стоитъ между, не всегда разъединяетъ, иногда оно, наоборотъ, соединяетъ. Потому

я къ тебѣ не ревную и не ненавижу, но видѣть сейчасъ мнѣ тебя трудно пока. Я была слишкомъ зыбка, слишкомъ неопредѣленна для Пети и, можетъ быть, недостаточно его любила. Но теперь я вижу все яснѣе и яснѣе. Если есть на землѣ прочное чувство, я дождусь того, что Петя ко мнѣ вернется. Можетъ быть, я не доживу до этого, но дождусь. И у меня есть помощникъ—даже два, если хочешь. Я не буду просить Петю о возвращеніи, но буду ждать.

Марта Николаевна наклонилась къ Зинѣ и прошептала:

— А я его тебѣ сберегу. Я завтра рано утромъ уѣду, такъ что мы до осени не увидимся. Выѣхавъ въ городѣ все останется попржежнему, конечно?

— Конечно, не надо скандала. Это рашпущено и безвкусно.

Тетя Марта поцѣловала Зину и сказала:

— Ну, прощай, не сердись на меня.

Зинаида Львовна отвѣтила на поцѣлуй, промолвивъ:

— Прощай, тетя, а относительно того, чтобы сердиться на тебя—я уже сказала, какъ я обо всемъ этомъ думаю и чувствую.

На слѣдующее утро, дѣйствительно, г-жа Фуксъ уѣхала, а взаменъ ея получилась

телеграмма, что прїѣзжаетъ Сашенька. Зина и Клавдія Павловна сообщили объ этомъ Виталію, чтобы предупредить его и посмотреть, какихъ онъ намѣреній относительно своей бѣглою жены. Виталій Павловичъ былъ, очевидно, взволнованъ и выразилъ твердое желаніе вести себя по отношенію къ Александрѣ Львовнѣ какъ любящій, трогательный и прощающій супругъ. Можетъ быть, это его желаніе было и искренне, и даже навѣрно оно было таковымъ, но выражалъ онъ его такъ подчеркнуто, преувеличено и смѣшно, что Клавдіи Павловнѣ сдѣлалось стыдно за брата, и она прервала его словами:

— Тамъ видно будетъ! Въ какихъ духахъ прїѣдетъ твоя жена, можетъ быть, ей не нужно будетъ твоего благородства.

Александра Львовна прїѣхала какъ-то неожиданно и вдругъ появилась на порогѣ комнаты, одѣтая вся въ черное и сама какая-то почернѣвшая и постарѣвшая. Она на секунду остановилась, потомъ быстро подошла къ Виталію, и опустившись передъ нимъ на колѣни, сказала:

— Прости меня, Виталій.

— Чтò ты Саша, Саша, не надо,—заброталъ тотъ вмѣсто приготовленныхъ тро-

гательныхъ фразъ и неловко поднимая жену съ пола, а та, поднявшись, положила свою голову ему на плечо и прошептала, закрывая глаза:

— Я такъ устала.

— Мы тебя успокоимъ, ты отдохнешь, я буду твоей нянькой,—говорилъ Виталій, глядя Сашу по волосамъ.

— Обои-то вамъ нужна нянька, и ею буду я, если вы будете меня слушаться,—сказала Клавдія Павловна, входя на эту сцену со связкой ключей у пояса.

— Мы будемъ слушаться,—сказали тѣ оба въ разъ, какъ маленькіе.

Вдругъ Александра Львовна спросила просто и дѣловито:

— Вы еще не служили панихиды?

Присутствующіе переглянулись и сказали, что нѣтъ.

— Завтра нужно отслужить, а также и молбенъ о здоровіи раба Божьяго Андрея.— И, затѣмъ, обращаясь къ Зицаидѣ Львовнѣ, Сашенька добавила:—Я видѣла Толстого въ Мюнхенѣ—онъ святой.

Зицаида Львовна покраснѣла и радостно закивала головою, а потомъ, поднявшись къ себѣ, она опустилась на колѣни передъ колясочкой Маріанны и стала цѣловать ручки,

ножки и мокрый ротъ дѣвочки, приговаривая:

— Милая моя дѣтка, и ты останешься со мной, ты не похожа ни на папу ни на маму—не правда ли?—а ты похожа на Андрюшу, на Андрюшу, на Андрюшу. Ты будешь большая и счастливая, только никогда не мечтай, а мама постарается тебя отучить отъ этого, потому что сама была слишкомъ несчастна оттого, что много мечтала.

Дѣвочка слушала, раскрывъ каріе глаза и засунувъ ногу въ ротъ, а Зинаида Львовна и смѣялась, и плакала, и крестилась, глядя на круглое личико Маріанны, въ которомъ ей видѣлось другое лицо съ большими карими глазами, со стриженными усами и розовымъ ртомъ.

М. Кузмин, 1910.

Кабинет М. Кузмина, 1907?

ПРИМЕЧАНИЯ К ТРЕТЬЕМУ ТОМУ

Третья книга рассказов.

Вышла в изд-ве «Скорпион» в 1913 г.

Путешествие сэра Джона Фирфакса... Впервые в ж. *Апполон* 1910/5:11-64 без посвящения:

- 52, конец абзаца уже виднелось крыльцо
- 66,15-16 хлыстнул изо всей силы
- 70,8-9 безупречного молодого человека [опечатка?]

Рассказ о Ксанфе... Повидимому, до книги не публиковалось. Перепечатано в книге *Девственный Виктор*:

- 98,12 сдобное тесто
- 99,9 стали гуще, глаза
- 99,10 голос стал звонким
- 99,13 вместо древней старухи
- 102,14 по побережью

«Высокое искусство». Впервые в сборнике-альманахе *Грех*, М., 1911:77-100 без посвящения:

- 120,12 расспрашивать его о тайне совмещения [опечатка?]
- 121,23 с известной долей и философствования
- 128,12 где собрались

Нечаянный провиант. Повидимому, до книги не публиковалось.

Опасный страж. Впервые в ж. *Апполон* 1910/11: 25-34:

- 165,8 сн. Все, бывавшие
166,15-13 сн. обуславливалось [...] житье и ров-
ный [...] нрав, и семейственность
170,3 „Ты не полюбила его, дитя?“
178,6 не может быть! не может быть!

Ванина родинка. Впервые в *Литературном альма-
нахе «Апполон»* (Спб., 1912), 67-77 без посвящения
(Перепечатано во 2-м изд. альманаха в 1914 г.):

- 183,7-8 хоть
183,10 а кто и видел
184,8 неспешно
189,16 ласковому обращению

Мечтатели. Впервые в ж. *Нива* за 1912, №№ 44(866-
873), 45(886-891), 46(906-913), 47(926-933), 48(946-953),
49(966-973), 50(986-993):

- 227,4-9 Будто теперь обнаружилось какое-то
[...] Александру Львовну
260,4 небьющуюся пепельницу
263,6 ни одно ее мечтание, хотя бы самое фан-
тастическое
268,8 ответил
280,3 и прошептала:
280,5 сн. в квартиру подпоручика
314,18 нежно-святого, за теми, что они произ-
носили.
348,8-9 Откуда вам это известно? Он хотел ли-
шить себя жизни?

351,2 сн. что его благородие
407,9 говаривала

СОДЕРЖАНИЕ

Путешествие сэра Джона Фирфакса	1
Рассказ о Ксанфе, поваре царя Александра, и жене его Калле	95
«Высокое искусство»	105
Нечаянный провиант	143
Опасный страж	159
Ванина родинка	181
Мечтатели	209
Примечания	434

Kuzmin, Mikhail Alekseevich, 1872–1936.
Proza.

ПОПРАВКА

В «Предисловии» к первому тому *Прозы* Кузмина, на стран. VI в 1-ой строке, следует исправить «шестой том» на «седьмой том» и «в седьмом» на «в восьмом».